Вестник Челябинского государственного университета

Филологические науки
Выпуск 145

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1991 году

№ 7 (513) 2026

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Главный редактор
Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; **Scopus Author ID**: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь
Саломатова Оксана Ивановна
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович,** доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Е. И. Минина**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбов); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук (Челябинск), **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. Р. Желтухина**, доктор филологических наук, профессор (Волгоград), **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного направления «Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск, пр. Победы, 162-в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-91039 от 03.03.2026 г.

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 23.09.26.
Выход в свет 30.09.26.
Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 18,0.
Уч.-изд. л. 15,5.
Тираж 500 экз. Заказ 451.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского государственного университета
Россия, 454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б

12+

Bulletin of Chelyabinsk State University

Philological Sciences
Issue 145

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796
ACADEMIC PERIODICAL
Founded in 1991
№ 7 (513) 2026

FOUNDER
Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief
S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)
(Chelyabinsk State University, Russia)

Executive secretary
O. I. Salomatova
(Chelyabinsk State University, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPA, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **R. Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. I. Minina**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **N. N. Boldyrev**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Tambov); **T. V. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i Umiversity, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: **Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.**

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published 12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philological Sciences" editorial office's addres:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements are available on the web-site http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSUu

The Editorial Board may not share the views of the authors

Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation

Academic periodical is registered in Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications
Certificate ПИ № ФС77-91039 dated 03.03.2026

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E. V. Yuzhakova*
Imposition by *E. V. Yuzhakova*

Approved for printing 23.09.26.
Date of publication 30.09.26.
Format 60×84 $^{1}/_{8}$. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 18,0.
Ac.-publ. sh. 15,5.
Circulation 500 copies.
Order 451. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВАЯ ГУМАНИСТИКА И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Долинин Ф. И. Анализ переводных новозаветных текстов с использованием частотных словарей и искусственного интеллекта: методологический эксперимент 7

Хань Сюэ, Виноградова Е. Н. «Под знаменем свободы»: грамматикализация сочетаний «под + тв.п.» в русском языке 20

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА: ГРАММАТИКА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА

Каргина Е. М. Анализ лексико-грамматических средств деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения 30

Куделько Т. А., Шустова С. В. Квазисубъект в роли каузатора$_{КП}$: автокаузативность в диалоге с компьютерным помощником 42

Савельев В. С. К истории названий знаков препинания в русском языке 51

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ОНОМАСТИКА

Азнабаева А. Ф., Новикова О. Н. Экземплификативная функция антропонимов, или Вася Пупкин, Джон Доу, Отто Нормальфербраухер и все-все-все 60

Васильева Ю. А., Чистякова И. Ю. Синхрония и диахрония в эргонимике: диалектическое единство анализа 70

Ширшиков В. Б. Мегаконцепт «ТРАНСПОРТ» в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом анализе 78

ПСИХОЛИНГВИСТИКА И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ФОНЕТИКА

Жабин Д. В. Темпо-ритмические параметры спонтанной звучащей речи как индикаторы эмоционального и физиологического стресса (на материале новостных репортажей русского и немецкого языков) 87

МЕДИАЛИНГВИСТИКА И СТИЛИСТИКА ТЕКСТА

Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Оценочная плотность как стилистическая характеристика медиатекста 96

Фёдорова Ю. А. Речевой портрет автора книжного блога: вербально-семантический аспект (на примере немецких блогов) 106

Щелок Т. И., Чернова И. А. Инвертированный порядок слов как отражение авторского стиля Ст. Цвейга 115

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ДИНАМИКА

Иванцов Ю. А., Питина С. А. Феномен Denglisch: англизация немецкого языка 123

Сулейманова Л. Р., Тимошкина Э. М., Сулейманов Ф. М. Молодёжный сленг как лингвосоциокультурный феномен: специфика, источники и функции в современном русском языке 132

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Большак А. В., Волошина К. С. Ключевые параметры переводческого анализа профессионально ориентированных текстов 141

ПРИКЛАДНАЯ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Краснянская Т. И., Пермякова К. В., Тихомирова Л. С. О роли глаголов предельных состояний в квалификации экстремистских высказываний 148

CONTENTS

DIGITAL HUMANITIES AND CORPULSIVE RESEARCH

Dolinin F. I. Analysis of translated gospel texts using frequency dictionaries and artificial intelligence: a methodological experiment 7

Han Xue, Vinogradova E. N. "Under the Banner of Freedom": Grammaticalization of "pod + Instrumental" Constructions in Russian 20

THEORY AND HISTORY OF LANGUAGE: GRAMMAR, SEMANTICS, PRAGMATICS

Kargina E. M. Analysis of lexical and grammatical means of deconcretization of the actor within the structure of the German sentence 30

Kudelko T. A., Shustova S. V. Quasisubject in the role of a Causator_{CA}: Autocausativity in dialogue with a computer assistant 42

Savelyev V. S. On the history of the names of punctuation marks in the Russian language 51

COGNITIVE LINGUISTICS, LINGUACULTURAL STUDIES, AND ONOMASTICS

Aznabaeva A. F., Novikova O. N. The exemplificatory function of anthroponyms or Vasya Pupkin, John Doe, Otto Normalverbraucher, and Tom, Dick and Harry 60

Vasileva Yu. A., Chistyakova I. Yu. Synchrony and Diachrony in Ergonymy: dialectical unity of analysis 70

Shirshikov V. B. The mega-concept "TRANSPORT" in linguo-cognitive and linguo-cultural analysis 78

PSYCHOLINGUISTICS AND EXPERIMENTAL PHONETICS

Zhabin D. V. Tempo-rhythmic parameters of spontaneous speech as indicators of emotional and physiological stress (a study based on russian and german news reports) 87

MEDIALINGUISTICS AND TEXT STYLISTICS

Basovskaya E. N., Vorontsova T. A. Evaluative density as media text stylistic characteristic 96

Fedorova Yu. A. Speech portrait of the author of a book blog: verbal-semantic aspect (based on German blogs) 106

Shchelok T. I., Chernova I. A. Inverted word order as a reflection of the author's style of St. Zweig 115

SOCIOLINGUISTICS AND LANGUAGE DYNAMICS

Ivantsov Yu. A., Pitina S. A. The phenomenon of Denglisch: the anglicization of the German language 123

Suleymanova L. R., Timoshkina E. M., Suleymanov F. M. Youth slang: a linguosocio-cultural phenomenon — its specific features, origins, and functions in modern russian language 132

TRANSLATION STUDIES AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Bolshak A. V., Voloshina K. S. Key parameters of translation analysis of professional texts 141

APPLIED AND LEGAL LINGUISTICS

Krasnyanskaya T. I., Permyakova K.V., Tikhomirova L. S. On the issue of the verbs with uttermost state in the qualification of extremist statements. 148

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 7–19.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):7-19.

Научная статья

УДК 81:322.2:22

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-7-19

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДНЫХ НОВОЗАВЕТНЫХ ТЕКСТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЧАСТОТНЫХ СЛОВАРЕЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Федор Иванович Долинин

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ (филиал, Трёхгорный), Трёхгорный, Россия, fedr.dolinin@gmail.com

Аннотация. В статье представлен методологический эксперимент по применению инструментов цифровой гуманитаристики — частотного словарного анализа и искусственного интеллекта (ИИ) — для исследования переводных новозаветных текстов (Евангелий от Матфея, Марка, Луки и Иоанна) в Синодальном переводе. Исследование включает два этапа: (1) валидацию метода на контрольном корпусе текстов Л. Толстого и А. Чехова, подтвердившую чувствительность модели к стилистическим различиям, и (2) основной «слепой» анализ Евангелий, где ИИ на основе частотных словарей реконструировал тематические и стилистические особенности текстов без знания их канонических названий. Результаты демонстрируют способность метода к автоматическому выделению общего нарративного ядра и лексико-статистических различий, что позволило ИИ самостоятельно сгруппировать синоптические Евангелия (Мф, Мк, Лк) и отделить от них Евангелие от Иоанна, а также выдвинуть предположения об источниках и относительной хронологии, согласующиеся с выводами традиционной библеистики. В работе анализируются ограничения метода, связанные с использованием переводных текстов и непрозрачностью алгоритмов ИИ, и обосновывается его эвристическая ценность для первичного анализа и «слепой» классификации анонимных корпусов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, частотный словарь, корпусный анализ, Евангелие, цифровая гуманитаристика, анализ перевода, методологический эксперимент, DeepSeek, лексическая статистика, «слепая» классификация

Благодарности. Данная работа в приведённом виде могла появиться только благодаря обсуждению её первоначального варианта с докторами филологических наук Е. В. Шелестюк (ЧелГУ), М. Э. Рут (УрФУ), которым выражаю искреннюю благодарность за сделанные замечания и конкретные предложения по их исправлению.

Автор выражает благодарность за методологическую поддержку и помощь в проведении первичного анализа Евангелия разработчикам языковой модели ИИ DeepSeek, использованной в данном исследовании.

Для цитирования: Долинин Ф. И. Анализ переводных новозаветных текстов с использованием частотных словарей и искусственного интеллекта: методологический эксперимент // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 7–19. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-7-19

© Долинин Ф. И., 2026

Original article

ANALYSIS OF TRANSLATED GOSPEL TEXTS USING FREQUENCY DICTIONARIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A METHODOLOGICAL EXPERIMENT

Fedor I. Dolinin

National Research Nuclear University MEPHI (Trekhgorny Branch), Trekhgorny, Russia, fedr.dolinin@gmail.com

Abstract. This article presents a methodological experiment applying digital humanities tools — frequency dictionary analysis and artificial intelligence (AI) — to the study of translated New Testament texts (the Gospels of Matthew, Mark, Luke, and John) in the Russian Synodal Translation. The study comprises two stages: (1) validation of the method on a control corpus of texts by Leo Tolstoy and Anton Chekhov, confirming the model's sensitivity to stylistic differences, and (2) the main "blind" analysis of the Gospels, where the AI, based on frequency dictionaries, reconstructed the thematic and stylistic features of the texts without knowing their canonical titles. The results demonstrate the method's ability to automatically identify a common narrative core and lexical-statistical differences. This allowed the AI to independently group the Synoptic Gospels (Mt, Mk, Lk). and separate them from the Gospel of John, and to propose hypotheses about sources and relative chronology that align with the conclusions of traditional biblical studies. The paper analyzes the method's limitations related to the use of translated texts and the opacity of AI algorithms, and substantiates its heuristic value for initial analysis and "blind" classification of anonymous corpora.

Keywords: artificial intelligence, frequency dictionary, corpus analysis, Gospel, digital humanities, translation analysis, methodological experiment, DeepSeek, lexical statistics, "blind" classification

Acknowledgements. This work, in its present form, could only have emerged through discussions of its initial draft with Doctors of Philology E. V. Shelestiuk (CSU) and M. E. Rut (UrFU), to whom I express my sincere gratitude for their comments and specific suggestions for revisions.

The author expresses gratitude for the methodological support and assistance in conducting the preliminary analysis of the Gospel to the developers of the DeepSeek AI language model used in this study.

For citation: Dolinin FI. Analysis of translated gospel texts using frequency dictionaries and artificial intelligence: a methodological experiment. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):7-19. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-7-19

Введение

Стремительное развитие цифровых методов в гуманитарных науках открывает новые перспективы для исследования текстов, в том числе тех, которые на протяжении столетий изучались преимущественно в рамках традиционной филологии и герменевтики [12; 24]. Особый интерес представляет применение инструментов автоматизированного анализа к переводным текстам Священного Писания, где исследователь неизбежно сталкивается с наслоением нескольких смысловых и стилистических пластов: исходного авторского замысла (или богословской традиции), переводческой стратегии и языковой нормы принимающей культуры. Возникает закономерный вопрос: способны ли современные количественные методы различить за этими наслоениями индивидуальные особенности текстов или же «шум» перевода полностью нивелирует исходный «сигнал»?

Постановка проблемы и тип исследования

В настоящей статье представлен методологический эксперимент поискового типа (exploratory methodological experiment). В отличие от классического гипотетико-дедуктивного исследования, где эксперимент призван подтвердить или опровергнуть заранее сформулированную теорию, наша задача иная: мы ставим целью апробацию и выявление эвристических возможностей связки двух инструментов— частотного словарного анализа и технологий искусственного интеллекта (больших языковых моделей) — применительно к корпусу переводных текстов, близких по жанру, тематике и времени создания.

История науки знает немало примеров, когда исследование, не вписывающееся в жёсткую схему «гипотеза — эксперимент», приводило к результатам, менявшим научную картину мира. Эксперимент Майкельсона — Морли, задуманный для обнаружения эфирного ветра, не подтвердил исходной гипотезы, но дал эмпирическую основу для создания специальной теории относительности Эйнштейна. Открытие сверхпроводимости Камерлинг-Оннесом в 1911 году, сделанное в ходе рутинных измерений температурной зависимости сопротивления ртути,

на десятилетия опередило создание теоретической модели этого явления. Эти примеры показывают, что **исследовательские практики, ориентированные на изучение возможностей нового инструмента или наблюдение феномена в нестандартных условиях, обладают самостоятельной научной ценностью** и могут порождать знание, которое впоследствии требует нового теоретического осмысления.

В нашем случае таким «новым инструментом» выступает комплекс «частотный словарь + ИИ», а «нестандартными условиями» — работа с переводным текстом, где авторский стиль и содержание пропущены сквозь призму иноязычной лексики и переводческой нормы [4; 8; 21].

Исследовательский вопрос и дизайн эксперимента

Главный исследовательский вопрос, на который призван ответить наш эксперимент, может быть сформулирован следующим образом:

Обладает ли метод «частотный словарь + ИИ» достаточной разрешающей способностью, чтобы выявить содержательные и стилистические различия между близкими по жанру и тематике переводными текстами, несмотря на нивелирующее влияние языка перевода?

Для ответа на этот вопрос мы выстроили двухэтапный дизайн исследования.

Первый этап — калибровка метода. В качестве тестового полигона мы использовали русскоязычные переводы произведений Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Выбор этих авторов не случаен: их индивидуальные стили хорошо изучены традиционным литературоведением, что позволяет нам проверить, насколько результаты, полученные нашим методом, коррелируют с уже имеющимися знаниями. Мы исходили из следующей логики: если инструмент не способен уловить различий между столь разными авторами, даже на уровне переводных текстов (а Толстой и Чехов в данном случае выступают как тексты на русском, пусть и «переведённые» самими авторами), то его применение к более тонкому материалу — четырём Евангелиям — заведомо лишено смысла. Полученные на этом этапе результаты (они будут подробно представлены в соответствующем разделе) подтвердили чувствительность метода: частотные словари и последующий анализ ИИ позволили не только различить тексты, но и выделить ключевые тематические доминанты, характерные для каждого из писателей.

Второй этап — основной эксперимент. Убедившись в работоспособности подхода, мы применили его к корпусу из четырёх Евангелий (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна) в Синодальном переводе [10; 13; 16]. Нас интересовало, проявят ли себя на уровне частотной лексики и интерпретаций ИИ те богословские и композиционные особенности, которые традиционная экзегетика связывает с каждым из евангелистов [1; 2; 11; 19; 23].

О границах исследования: проблема переводческого «шума»

Важно сразу оговорить границы нашего исследования, чтобы избежать неверной интерпретации полученных результатов.

Мы полностью осознаём, что для количественной оценки так называемого «переводческого шума» — то есть искажений, вносимых языком перевода и конкретной переводческой нормой (в данном случае — нормой Синодального перевода [10; 13; 16]), — потребовалось бы параллельное исследование текстов на языке оригинала (греческом койне [22]). Это потребовало бы привлечения дополнительных лингвистических компетенций и работы с особыми инструментами морфологической разметки древнегреческого корпуса. Такая задача является самостоятельным масштабным исследованием и выходит за рамки настоящей работы. Для прояснения нашей исследовательской стратегии уместно использовать следующую аналогию. Представим, что мы хотим понять, различаются ли по вкусу два сорта яблок, но имеем возможность попробовать их только с кожурой. Вкус кожуры (переводческая норма, языковая архаика) неизбежно влияет на общее впечатление, маскируя вкус мякоти (авторский стиль оригинала). Наш эксперимент в данной аналогии — это попытка определить, можно ли с помощью нового, очень тонкого «дегустационного инструмента» (частотный словарь + ИИ) различить сорта даже при наличии кожуры. Мы не измеряем толщину кожуры и не отделяем её от мякоти; мы проверяем принципиальную различимость «яблок в кожуре». Если инструмент позволяет это сделать, значит, он обладает достаточной чувствительностью, чтобы в перспективе ставить более тонкие задачи, связанные с анализом оригинала и сопоставлением с переводом.

Таким образом, цель настоящей работы — не измерение переводческих искажений, а **верификация метода как инструмента первичного анализа переводных текстов**, демонстрация

его способности выделять значимые структуры даже в тех случаях, когда текст подвергся существенной лингвистической обработке (переводу и архаизации) [4; 8; 21].

Структура статьи и новизна подхода

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В пятом разделе мы подробно описываем методологию: принципы построения частотных словарей и процедуру взаимодействия с ИИ (формулировку запросов, обработку ответов), калибровочный эксперимент на текстах Толстого и Чехова, обсуждение проблемы «слепоты» и узнавания. Шестой, основной, раздел содержит результаты анализа Евангелий и их сопоставление с данными традиционной библеистики [1; 2; 11; 19; 23]. В заключении мы подводим итоги и намечаем перспективы дальнейшего использования предложенного подхода, включая возможные кросс-лингвистические исследования (сопоставление с греческим оригиналом [22]) и применение метода к другим корпусам переводных текстов.

Научная новизна работы заключается не в открытии неизвестных ранее фактов о Евангелиях (такая задача была бы заведомо невыполнима одним методом), а в **демонстрации эффективности связки количественного (частотный словарь) и качественного (интерпретация ИИ) инструментов для работы с переводными текстами**, а также в обосновании эвристической ценности подобных методологических экспериментов в цифровой гуманитаристике [12; 24].

Материалы и методы

Исходные тексты

Материалом исследования послужили тексты четырёх канонических Евангелий на русском языке (Синодальный перевод) по изданию: Библия. Юбилейное изд., посвящённое тысячелетию Крещения Руси. М. : Изд-во Московской патриархии, 1988. С. 1011–1204 [5]. Выбор Синодального перевода обусловлен его стандартизированностью и широкой распространённостью в русскоязычной цифровой среде.

Важное ограничение: анализируется именно перевод, а не оригинальный греческий текст [22]. Все выводы, касающиеся стиля и лексики, реферируют к языку перевода, а не к предполагаемым особенностям текста-источника.

Предобработка данных

Тексты были подвергнуты процедуре лемматизации с использованием библиотеки *pymorphy2* (версия 0.9, словарь для современного русского языка). При этом мы фиксируем потенциальную проблему: архаичные формы (например, «отверз», «сотворил») нормализовались к современным («открыл», «сделал»), что могло частично нивелировать стилистическую окраску Синодального перевода. Из итоговых списков были удалены стоп-слова (предлоги, союзы, частицы, местоимения) на основе стандартного списка с добавлением специфических для библейских текстов единиц (таких как «се», «ибо») [3; 7; 9]. Имена собственные приведены к единой нормализованной форме (например, «Иисус», «Христос», «Пётр» учитывались как отдельные лексемы, составное «Иисус Христос» не выделялось в отдельную единицу для сохранения статистической чистоты). **Использовался стандартный список стоп-слов русского языка (предлоги, союзы, частицы, местоимения), дополненный специфическими для библейских текстов единицами, несущими низкую семантическую нагрузку в рамках тематического моделирования: «се», «ибо», «да», «яко» (в значении «так как»)** [3; 7; 9].

Особого внимания потребовала обработка имён собственных. Для сохранения статистической чистоты и избежания задвоения данных составное именование «Иисус Христос» не выделялось в отдельную биграмму, так как его выделение исказило бы частотность каждого из элементов по отдельности и создало бы редкую единицу с низкой статистической значимостью. Леммы «Иисус», «Христос», а также имена апостолов (Пётр, Иоанн и др.) учитывались как отдельные лексемы.

Валидация метода на контрольном корпусе

Для проверки чувствительности методики к стилистическим и тематическим различиям текстов был сформирован контрольный корпус из произведений русской литературы XIX века:

1. Л. Н. Толстой. «Война и мир» (том 1).
2. Л. Н. Толстой. «Анна Каренина» (часть 1).
3. А. П. Чехов. «Дама с собачкой», «Человек в футляре», «Крыжовник» (объединены для уравнивания объёма).

К текстам была применена та же процедура предобработки (лемматизация, удаление стоп-слов). На основе полученных частотных словарей (анонимизированных как Тест-А, Тест-Б, Тест-В) модели DeepSeek были заданы вопросы об авторе, времени создания и тематике. Модель уверенно идентифицировала Толстого как единого автора для первых двух текстов, разделила их

по тематике («война/дворянство» vs «семья/светское общество») и корректно атрибутировала чеховские рассказы как отдельного автора с характерной лексикой («футляр», «пароход», «дама»). Этот результат подтвердил, что метод «частотный словарь + ИИ» способен улавливать стилистические сигналы на уровне лексики, что является необходимым условием для корректной интерпретации данных основного эксперимента [15; 20].

Основная процедура анализа

1. *Составление частотных словарей.* Для каждого Евангелия создан частотный словарь, фиксирующий уникальные лексемы и частоту их употребления.
2. *Анонимизация данных.* Текстам присвоены условные наименования (Текст-1, Текст-2, Текст-3, Текст-4) для исключения предвзятого отношения ИИ к каноническим атрибуциям. В промпт дополнительно включалась инструкция не использовать внешние знания, а опираться исключительно на предоставленные статистические данные.
3. *Статистическая верификация.* Поскольку настоящее исследование носит поисковый, а не подтверждающий характер, мы сознательно не применяли критерий Хи-квадрат и подобные статистические тесты для оценки значимости различий в частотных списках. Наша задача — не проверка гипотезы о случайности/неслучайности различий (они очевидны уже при визуальном сравнении), а демонстрация интерпретативных возможностей связки «частотный словарь + ИИ». Валидация метода осуществлялась через калибровку на текстах Толстого и Чехова, где полученные результаты совпали с литературоведческими ожиданиями. Это позволяет рассматривать метод как эвристически ценный без привлечения дополнительного статистического аппарата.

Проблема «слепоты» и узнавания

При использовании больших языковых моделей (LLM) в исследовании канонических текстов возникает принципиальный методологический вызов: модели обучаются на огромных корпусах [18; 26], включающих, по всей вероятности, и анализируемые нами Евангелия (в частности, Синодальный перевод). Это создаёт риск того, что модель не столько *анализирует* предоставленный частотный словарь, сколько *узнаёт* текст по отдельным характерным маркерам (например, по фразе «блаженны нищие духом») и воспроизводит знания, полученные при обучении. Данная проблема неустранима полностью при работе с текстами, входящими в «золотой фонд» мировой культуры.

Тем не менее мы предприняли ряд мер, чтобы минимизировать этот эффект и сместить фокус модели с узнавания на анализ предоставленных данных.

1. **Калибровка на заведомо известном материале.** Первый этап эксперимента (анализ переводов Толстого и Чехова) позволил нам наблюдать «нормальную реакцию» модели на тексты, которые также входят в её обучающий корпус. Мы убедились, что на основе частотных словарей модель даёт интерпретации, совпадающие с литературоведческими ожиданиями. Это не доказывает полной «слепоты», но показывает, что даже при потенциальном узнавании модель способна использовать словарь как основной источник информации — иначе её ответы были бы либо неразличимы для разных авторов, либо опирались бы на клише, не связанные с частотными данными.
2. **Принуждение к цитированию.** В промпте (запросе к модели) мы явно требовали обосновывать выводы ссылками на конкретные слова из предоставленного словаря, а не на общие знания о тексте. Например, формулировка включала просьбу: «Укажите, какие именно слова из списка позволяют вам сделать такой вывод». Это заставляло модель работать непосредственно с нашими данными. В разделе 6 приведены примеры ответов, где модель действительно цитирует лексемы («истина», «царство», «закон») и связывает их с характеристиками текста.
3. **Сравнительный, а не идентифицирующий характер вопросов.** Мы избегали прямых вопросов типа «Что это за текст?», поскольку они провоцируют узнавание. Вместо этого мы задавали сравнительные вопросы: «Чем лексика текста А отличается от лексики текста Б? Какие темы доминируют в каждом из них?». Такой подход смещает акцент с идентификации на анализ различий, что заставляет модель опираться на сопоставление частотных списков.
4. **Контрольный эксперимент с «зашумлением».** Для дополнительной проверки мы провели серию тестовых запусков, в которых модель получала частотный словарь, но без названий текстов, и должна была игнорировать возможное узнавание [20; 27].

Результаты показывают, что даже при отказе от идентификации модели сохраняют способность выделять тематические доминанты, опираясь на лексику.

Несмотря на принятые меры, мы отдаём себе отчёт в том, что полная «слепота» модели недостижима. Это ограничение является неотъемлемым свойством текущего этапа развития ИИ и должно учитываться при интерпретации результатов. Однако, как показано в работе, даже в этих условиях метод «частотный словарь + ИИ» демонстрирует устойчивую способность выявлять содержательные особенности текстов, что подтверждается корреляцией с данными традиционной библеистики [1; 2; 11; 19; 23]. Воспроизводимость результатов при варьировании формулировок промпта (см. Приложение А), также свидетельствует в пользу его эвристической ценности.

***Двухэтапный анализ с использованием ИИ (DeepSeek R1)*:**

- *индивидуальный анализ:* каждому словарю задавался блок вопросов: основная тема, предполагаемые время и автор, главное действующее лицо, его судьба, стилистическая характеристика;
- *сравнительный анализ:* модели одновременно подавались все четыре словаря для выявления лексико-статистических сходств и различий, а также ответа на вопросы о различиях в авторстве, хронологии и возможных заимствованиях;
- для индивидуального и сравнительного анализа текстов Евангелия модели были заданы вопросы, полные тексты которых см. в Приложении А.

Результаты и обсуждение

Результаты индивидуального анализа

Индивидуальный анализ каждого из четырёх частотных словарей позволил ИИ реконструировать общее тематическое ядро: все тексты повествуют о деятельности и учении центральной фигуры — Иисуса Христа, включая проповеди, чудеса, конфликты, смерть и воскресение. Модель уверенно идентифицировала жанровую принадлежность как «религиозный текст, часть Нового Завета». Однако в ответах проявились и различия: для Текста-4 модель отметила высокую частотность лексем «истинно» (53 вхождения), «дух», «любовь», сделав предположение о его философско-медитативном характере. Для Текста-1 была подчёркнута лексика, связанная с «законом», «царством» и «пророками».

Лексические профили Евангелий

Для верификации выводов ИИ и придания анализу большей конкретики был составлен профиль ядерной лексики. В табл. 1 представлены нормированные частоты ключевых лексем (на 1000 словоупотреблений), которые формируют статистический «портрет» каждого текста [7; 24].

Данные таблицы наглядно демонстрируют, что лексические различия, на которые отреагировал ИИ, имеют под собой статистическую основу. Наибольший контраст наблюдается между Текст-4 и остальными текстами (по критериям «истина», «дух», «отец»). Текст-1 и Текст-3 образуют кластер с высокой частотностью «царства»,

Таблица 1
Table 1

Частотность ключевых лексем в Евангелиях (на 1000 слов)
Frequency of key lexemes in the Gospels (per 1000 words)

Лексема	Текст-1 (Мф)	Текст-2 (Мк)	Текст-3 (Лк)	Текст-4 (Ин)	Интерпретация
Иисус	5.1	6.0	4.7	3.4	Центральность фигуры, вариативность
Царство	2.2	0.8	1.9	0.2	Ключевая тема синоптиков, особенно Мф
Истина/истинно	0.3	0.1	0.2	2.7	Безусловный маркер Ин
Закон	0.9	0.1	0.3	0.1	Маркер иудео-христианской традиции Мф
Фарисей/фарисеи	1.4	0.9	1.2	0.4	Частотность выше в полемических контекстах
Дух	0.5	0.3	0.6	1.2	Богословский акцент Ин
Отец (о Боге)	0.7	0.2	0.5	1.8	Специфика отношений «Отец —Сын» у Ин

Источник: рассчитано автором.

тогда как Текст-2 занимает промежуточное положение с минимальной выраженной специфической лексикой, что коррелирует с традиционным представлением о Евангелии от Марка как о самом «повествовательном» и наименее богословски насыщенном [1; 11; 19].

Слепая реконструкция смысла: от статистики к интерпретации

Чтобы сделать связь между количественными данными (табл. 1) и качественными выводами ИИ прозрачной, рассмотрим несколько ключевых лексем, частотность которых значимо различается по Евангелиям. В табл. 2 представлены эти лексемы, их частотность и те выводы, которые логически из них следуют и которые были зафиксированы в ответах модели. Это позволяет говорить о том, что метод эффективен для «слепой» классификации анонимных или спорных текстов, где у исследователя нет априорных гипотез об авторстве [7; 24].

Как видно из табл. 2, каждый статистический «выброс» — повышенная частотность той или иной лексемы — коррелирует с определённым тематическим акцентом в интерпретации ИИ. Особенно показательны примеры с лексемами **«Истина»** (2.7 в Ин. против значительно более низких значений в синоптических) и **«Отец»** (1.8 в Ин.). Их высокая концентрация создаёт тот самый «философско-медитативный» фон, который модель уловила и описала. В Евангелии от Марка, напротив, максимальная частотность имени **«Иисус»** (6.0) коррелирует с акцентом на событийности и динамике повествования.

Лексемы **«Царство»** (2.2 в Мф.) и **«Закон»** (0.9 в Мф.) формируют профиль текста, ориентированного на учительство и иудейскую традицию, что также было зафиксировано моделью. Повышенная частотность **«Дух»** у Иоанна (1.2) поддерживает интерпретацию этого Евангелия как наиболее «мистического».

Таким образом, таблица частотностей перестаёт быть просто иллюстрацией: она становится **обоснованием** для содержательных выводов. Количественные данные и качественные интерпретации оказываются не параллельными, а связанными — последние вытекают из первых.

Таблица 2
Table 2

Связь частотных маркеров и интерпретаций ИИ
Frequency of key lexemes in the Gospels (per 1000 words)

Лексема	Евангелие с макс. частотностью	Частотность (на 1000 слов)	Логически ожидаемый вывод	Как это проявилось в ответах ИИ (обобщённо)
Иисус	От Марка	6.0	Высокая частотность имени указывает на нарративный характер, фокус на личности и действиях Иисуса	Модель характеризовала Евангелие от Марка как наиболее «событийное» и «динамичное», с акцентом на чудесах и конкретных поступках
Истина	От Иоанна	2.7	Абстрактное понятие, маркер философско-богословского дискурса	Модель отметила «философско-медитативный» тон Евангелия от Иоанна, сосредоточенность на умозрительных категориях
Отец	От Иоанна	1.8	Указывает на особые отношения Иисуса и Бога-Отца, тему богосыновства	Модель подчеркнула, что у Иоанна Иисус чаще обращается к Отцу, создавая интимно-доверительную атмосферу
Царство	От Матфея	2.2	Эсхатологическая и учительная тема, связь с иудейской традицией	Модель охарактеризовала Матфея как текст, ориентированный на «закон и научение», с акцентом на Царстве как центральном понятии
Закон	От Матфея	0.9	Подтверждает ориентацию на иудейское наследие, полемику с фарисейством	Модель указала на «юридически-учительный» характер Евангелия от Матфея, частое обращение к понятию закона
Дух	От Иоанна	1.2	Указывает на мистический или пневматологический аспект	Модель отметила у Иоанна внимание к внутреннему миру и действию Святого Духа

Источник: рассчитано автором.

Это, на наш взгляд, и демонстрирует эвристическую ценность предлагаемого метода: он позволяет не только измерить, но и осмыслить измеренное [7; 24].

Результаты сравнительного анализа (совместная обработка)

На основе анализа четырёх словарей ИИ сделал следующие заключения:

– *различия в авторстве:* «тексты демонстрируют статистически значимые различия в лексическом составе и частотности ключевых терминов. Вероятно, они написаны разными авторами или представляют разные редакции одного предания». Модель указала, что Текст-1 и Текст-3 ближе друг к другу, чем к Текст-4;
– *хронологическая последовательность:* модель предположила, что Текст-1, Текст-2 и Текст-3 (синоптики) могут отражать более ранний слой традиции, так как их лексика более конкретна (события, споры, притчи). Текст-4, насыщенный абстрактной лексикой, был отнесён к более позднему этапу развития богословской мысли [1; 2; 11; 19; 23; 25];
– *заимствования:* прямых текстуальных заимствований не выявлено, однако модель отметила «высокую вероятность использования общего источника или устного предания» для Текст-1, -2, -3, что является косвенным указанием на гипотетический источник Q [1; 11; 19; 23].

Синтез результатов: как «слепой» анализ реконструировал новозаветный канон

Совокупность полученных данных позволяет говорить о том, что метод «частотный словарь + ИИ» в условиях «слепого» эксперимента не только верно идентифицировал жанр и центральную фигуру текстов, но и реконструировал основные вехи истории новозаветного текста, известные современной библеистике.

1. *Выделение синоптической традиции.* Автоматическая группировка Текстов 1, 2 и 3 в отдельный кластер, противопоставленный Тексту-4, полностью соответствует делению корпуса на синоптические Евангелия (Мф, Мк, Лк) и Евангелие от Иоанна [1; 11; 19; 23]. ИИ, не зная названий, зафиксировал этот фундаментальный разрыв на уровне лексики.
2. *Обнаружение «логийного» источника (Q).* Вывод модели о «высокой вероятности использования общего источника» для Текстов 1, 2 и 3 является прямым указанием на гипотетический источник Q (от нем. Quelle — «источник»), реконструкция которого — одна из ключевых задач новозаветной текстологии [1; 11; 19; 23]. То, что модель пришла к этой гипотезе, опираясь исключительно на частотные словари русскоязычного перевода, подтверждает глубину заложенного в текстах статистического сигнала.
3. *Относительная хронология.* Предположение ИИ о большей древности синоптиков и более позднем происхождении богословски насыщенного корпуса Иоанна совпадает с мейнстримом современных библейских исследований, где Евангелие от Иоанна датируется, как правило, концом I века, а синоптические — 60–80-ми годами [1; 11; 19; 23].

Таким образом, метод позволил на новых, цифровых основаниях верифицировать ключевые гипотезы исторической критики текста, что является значимым результатом, выходящим за рамки простой апробации инструмента.

Обсуждение ограничений и методологических выводов

Полученные результаты требуют критической интерпретации в контексте ограничений метода.

1. *Проблема перевода*. Все выводы, касающиеся стилистики, относятся исключительно к русскоязычному тексту. Например, высокая частотность слова «истинно» в Тексте-4 может быть особенностью именно Синодального перевода, избравшего такую стратегию для передачи греческого «ἀμήν» (аминь) или «ἀλήθεια» (истина) [22]. Экстраполировать эти данные на оригинал можно лишь с большой осторожностью [4; 8; 21].
2. *Проблема «слепоты» ИИ*. Несмотря на анонимизацию, нельзя полностью исключить, что модель идентифицировала тексты по устойчивым словосочетаниям, попавшим в частотный словарь (например, «блаженны нищие духом») [18; 20; 26; 27]. Это ограничение присуще любым LLM, обученным на обширных корпусах, включающих библейские тексты.
3. *Потеря служебной лексики.* Удаление стоп-слов, хотя и стандартная практика для тематического моделирования, привела к утрате потенциально значимой информации о синтаксисе, длине предложений и ритме текста, которые также являются важными стилеобразующими факторами [3; 7; 9].
4. *Проблема верификации.* Валидация метода на корпусе Толстого и Чехова показала его работоспособность, но не гарантирует

аналогичной точности при работе с древними текстами через «фильтр» перевода [15; 20]. Стилистические сигналы могли быть сильно искажены или нивелированы переводческой нормой [4; 8; 21].

Заключение

Проведённый методологический эксперимент достиг поставленной цели: подтверждена высокая эвристическая ценность и разрешающая способность связки инструментов «частотный словарь + искусственный интеллект» для первичного, в том числе «слепого», анализа корпусов переводных текстов. Калибровка метода на текстах Толстого и Чехова продемонстрировала его чувствительность к стилистическим различиям, а основной эксперимент на материале Евангелий показал, что даже «фильтр» перевода не полностью нивелирует исходный статистический «сигнал», заложенный в оригинальных текстах.

Ключевым результатом работы является не просто апробация нового инструмента, а получение с его помощью содержательных выводов, коррелирующих с данными традиционной библеистики [1; 2; 11; 19; 23]. Метод позволил в условиях «слепого» эксперимента:

1. Автоматически выделить общее нарративное ядро и лексико-статистические различия между текстами.
2. Самостоятельно сгруппировать синоптические Евангелия и противопоставить их Евангелию от Иоанна.
3. Выдвинуть обоснованное предположение о существовании общего источника для трёх первых Евангелий (гипотетический источник Q).
4. Реконструировать относительную хронологию текстов, соответствующую современным научным представлениям.
5. Тем самым метод продемонстрировал свою эффективность для «слепой» атрибуции и классификации анонимных текстов, что открывает перспективы его применения в текстологии, исторической лингвистике и при работе с корпусами, авторство которых является спорным или неизвестным.

Дальнейшее развитие подхода видится в следующих направлениях:

1. Применение аналогичной методики к **оригинальным текстам на языке койне** [22] с использованием лемматизированных частотных словарей, что позволит минимизировать эффект «переводческого фильтра» и перейти от косвенных выводов к прямым.
2. Использование более тонких методов ИИ-аналитики, таких как анализ векторных представлений слов (word embeddings) [18; 26], для выявления семантических сдвигов и контекстуальных синонимов внутри текстов.
3. Расширение корпуса исследования за счёт включения апокрифических Евангелий и раннехристианской литературы для сравнительного анализа лексики и тематических кластеров.

Заключение о характере использования ИИ

В данной статье искусственный интеллект (ИИ) *применялся* в качестве аналитического инструмента, усиливающего возможности исследователя, а именно: для интерпретации лексических профилей, выявления скрытых закономерностей и формулирования гипотез на основе предоставленных данных, для ускорения процессов лексического поиска, подбора параллельных мест и первичной обработки текстовой информации (например, форматирования или сверки цитат).

Однако необходимо подчеркнуть, что **генерация смысла** статьи полностью принадлежит человеку-автору:

1. **Целеполагание.** Тема, цель и конкретные вопросы к тексту Евангелия были сформулированы автором до начала работы с ИИ.
2. **Интерпретация.** Анализ значений греческих терминов, богословский контекст, связь с догматикой и экзегетические ***выводы являются результатом интеллектуальной работы автора***. ИИ был лишён способности к рефлексии и оценке достоверности тех или иных богословских суждений.
3. **Ответственность.** ИИ не обладает субъективностью и не может нести ответственность за содержание. ***Автор подтверждает, что финальный текст прошёл критическую проверку его разумом и совестью, в соответствии с церковным преданием и научной методологией.***

Таким образом, ***участие ИИ носило технический характер*** и не влияло на доктринальную или содержательную часть исследования.

Список источников

1. Аланд К., Аланд Б. Текст Нового Завета: Введение в критику текста, а также в теорию и практику современного текстологического анализа / пер. с нем. СПб. : Библия для всех, 2005. 398 с.

2. Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 256 с.

3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Корпусная лингвистика и лексикография: принципы и методы // Вопросы языкознания.2013. № 4. С. 3–25.

4. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М. : Международные отношения, 1975. 240 с.

5. Библия. Юбилейное издание, посвящённое тысячелетию Крещения Руси. М. : Издательство Московской патриархии, 1988. 1376 с.

6. Евсеев И. Е. Собор и Библия // Христианское чтение. 1917. № 11–12. С. 1317–1334.

7. Зализняк А. А. Частотный словарь и опыт автоматического анализа текста // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 156–172.

8. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.

9. Корпусная лингвистика, частотная и толковая лексикография: векторы взаимодействия // Вопросы языкознания. 2025. № 2. С. 45–62.

10. Логачев К. И. Синодальный перевод Библии // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 169–172.

11. Мецгер Б. М. Текстология Нового Завета / пер. с англ. М. : Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. 334 с.

12. Плотникова А. М. Проект словаря-тезауруса предметной области «Цифровая гуманитаристика» // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус : тезисы докладов Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2024. С. 22–24.

13. Рижский М. И. История переводов Библии в России. Новосибирск : Наука, 1978. 207 с.

14. Соколюк Е. В. Грамматические трансформации при переводе Евангелия от Матфея : дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 245 с.

15. Федотова А. М., Романов А. С. Методика идентификации текстов, сгенерированных большими языковыми моделями // Информатика и автоматизация.2025. Т. 24, № 6. С. 1621–1650.

16. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб. : Типография Департамента уделов, 1873. 367 с.

17. Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир. М. : Политиздат, 1987. 239 с.

18. Devlin J., Chang M.-W., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of NAACL-HLT. 2019. P. 4171–4186.

19. Metzger B. M., Ehrman B. D. The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption, and Restoration. 4th ed. Oxford : Oxford University Press, 2005. 366 p.

20. Mitchell E., Lee Y., Khazatsky A., Manning C. D., Finn C. DetectGPT: Zero-shot Machine-Generated Text Detection using Probability Curvature // Proceedings of the 40th International Conference on Machine Learning (PMLR). 2023. P. 24950–24962.

21. Naida E. A., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden : Brill, 1969. 218 p.

22. Nestle-Aland. Novum Testamentum Graece. 28th rev. ed. Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 2012. 890 p.

23. Quarles C. L. New Testament Textual Criticism for the 21st Century. Nashville : B&H Academic, 2025. 200 p.

24. Schneider G. Text Analytics for Corpus Linguistics and Digital Humanities: Simple R Scripts and Tools. London : Bloomsbury Academic, 2024. 240 p.

25. Smit P.-B., Strømmen H. M., van der Walt C. One Text to Rule Them All? Reflecting on New Testament Textual Criticism and Contextual Biblical Interpretation // Challenging Contextuality: Bibles and Biblical Scholarship in Context / Ed. by L. J. Lawrence et al. Oxford : Oxford University Press, 2024. P. 270–284.

26. Vaswani A., Shazeer N., Parmar N. et al. Attention Is All You Need // Advances in Neural Information Processing Systems.2017. Vol. 30. P. 5998–6008.

27. Wu L. Y., Segura-Bedmar I. AI-generated Text Detection with a GLTR-based Approach // arXiv preprint.2025.arXiv:2502.12064.

References

1. Aland K, Aland B. Tekst Novogo Zaveta: Vvedeniye v kritiku teksta, a takzhe v teoriyu i praktiku sovremennogo tekstologicheskogo analiza = The Text of the New Testament: An Introduction to the Critical Editions and to the Theory and Practice of Modern Textual Criticism / Transl. from German. St. Petersburg: Biblija dlja vsekh; 2005. 398 p. (In Russ.).
2. Alekseev AA. Tekstologiya slavyanskoy Biblii = Textology of the Slavic Bible. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin; 1999. 256 p. (In Russ.).
3. Baranov AN, Dobrovol'skij DO. Corpus Linguistics and Lexicography: Principles and Methods. *Voprosy Jazykoznanija = Problems of Linguistics*. 2013;(4):3-25. (In Russ.).
4. Barkhudarov LS. Yazyk i perevod: Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda = Language and Translation: Issues in General and Special Theory of Translation. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija; 1975. 240 p. (In Russ.).
5. Bibliya. Yubileynoye izdaniye, posvyashchonnoye tysyacheletiyu Kreshcheniya Rusi = The Bible. Jubilee Edition Dedicated to the Millennium of the Baptism of Rus'. Moscow: Moscow Patriarchate Publishing House; 1988. 1376 p. (in Russ.)
6. Evseev IE. The Council and the Bible. *Khristianskoe Chtenie = Christian Reading*. 1917;(11-12):1317-1334. (In Russ.).
7. Zalizniak AA. Frequency Dictionary and an Experiment in Automatic Text Analysis. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova = Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute*. 2015;(6):156-172. (In Russ.).
8. Komissarov VN. Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty) = Theory of Translation (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaja shkola; 1990. 253 p. (In Russ.).
9. Corpus Linguistics, Frequency and Explanatory Lexicography: Vectors of Interaction. *Voprosy Jazykoznanija = Problems of Linguistics*. 2025;(2):45-62. (In Russ.).
10. Logachev KI. The Synodal Translation of the Bible. In: Pravoslavnaya entsiklopediya = Orthodox Encyclopedia. Moscow: Church Research Center "Orthodox Encyclopedia"; 2002. Vol. 5. P. 169-172. (In Russ.).
11. Metzger BM. Tekstologiya Novogo Zaveta = The Textology of the New Testament / Transl. from English. Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute; 1996. 334 p. (In Russ.).
12. Plotnikova AM. Project of a Thesaurus Dictionary for the Domain "Digital Humanities". In: Teoreticheskaya semantika i ideograficheskaya leksikografiya: Slovar'. Diskurs. Korpus = Theoretical Semantics and Ideographic Lexicography: Dictionary. Discourse. Corpus. Abstracts of the All-Russian Scientific Conference. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj; 2024. Pp. 22-24. (In Russ.).
13. Rizhskij MI. Istoriya perevodov Biblii v Rossii = History of Bible Translations in Russia. Novosibirsk: Nauka; 1978. 207 p. (In Russ.).
14. Sokolyuk EV. Grammaticheskiye transformatsii pri perevode Yevangeliya ot Matfeya = Grammatical Transformations in the Translation of the Gospel of Matthew. Thesis. Moscow; 2010. 245 p. (In Russ.).
15. Fedotova AM, Romanov AS. Methodology for Identifying Texts Generated by Large Language Models. *Informatika i avtomatizatsiya = Informatika i Avtomatizacija*. 2025;24(6):1621-1650. (In Russ.).
16. Chistovich IA. Istoriya perevoda Biblii na russkiy yazyk = History of the Bible Translation into Russian. St. Petersburg: Typography of the Department of Appanages; 1873. 367 p. (In Russ.).
17. Shifman ISh. Vetkhiy Zavet i yego mir = The Old Testament and Its World. Moscow: Politizdat; 1987. 239 p. (In Russ.).
18. Devlin J, Chang M-W, Lee K, Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. In: Proceedings of NAACL-HLT; 2019. Pp. 4171-4186.
19. Metzger BM, Ehrman BD. The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption, and Restoration. 4th ed. Oxford: Oxford University Press; 2005. 366 p.
20. Mitchell E, Lee Y, Khazatsky A, Manning CD, Finn C. DetectGPT: Zero-shot Machine-Generated Text Detection using Probability Curvature. In: Proceedings of the 40th International Conference on Machine Learning (PMLR); 2023. P. 24950-24962.
21. Naida EA, Taber CR. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill; 1969. 218 p.
22. Nestle-Aland. Novum Testamentum Graece. 28th rev. ed. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft; 2012. 890 p.

23. Quarles CL. New Testament Textual Criticism for the 21st Century. Nashville: B&H Academic; 2025. 200 p.

24. Schneider G. Text Analytics for Corpus Linguistics and Digital Humanities: Simple R Scripts and Tools. London: Bloomsbury Academic; 2024. 240 p.

25. Smit P-B, Strømmen HM, van der Walt C. One Text to Rule Them All? Reflecting on New Testament Textual Criticism and Contextual Biblical Interpretation. In: Challenging Contextuality: Bibles and Biblical Scholarship in Context / Ed. by LJ. Lawrence et al. Oxford: Oxford University Press; 2024. Pp. 270-284.

26. Vaswani A, Shazeer N, Parmar N et al. Attention Is All You Need. *Advances in Neural Information Processing Systems*. 2017;30:5998-6008.

27. Wu LY, Segura-Bedmar I. AI-generated Text Detection with a GLTR-based Approach // *arXiv preprint*.2025.arXiv:2502.12064.

Приложение А

Тексты промптов, использованных при анализе в ИИ DeepSeek R1

Примечание: все промпты составлялись на русском языке. Для сохранения стилистики и полноты эксперимента ниже приведены их оригинальные формулировки. Запросы отправлялись в модель последовательно, после загрузки соответствующих частотных словарей.

А.1. Промпт для индивидуального анализа текстов (пример для Текста-1)

Системное сообщение (контекст): Ты — исследователь-текстолог, специалист по статистическому и корпусному анализу. Твоя задача — анализировать исключительно предоставленные данные, не привлекая внешних знаний о канонических текстах, если они тебе известны. Опирайся только на цифры и частотности.

Запрос пользователя:

«Перед тобой частотный словарь (список лемм) некоего текста на русском языке. Стоп-слова (предлоги, союзы, местоимения) и служебные единицы («се», «ибо») были удалены. Имена собственные нормализованы.

Проанализируй, пожалуйста, эти статистические данные и ответь на вопросы:

1. Какова основная тема этого текста? О чём он?
2. Кто является главным действующим лицом (лицами)?
3. Как можно охарактеризовать стиль текста: он скорее повествовательный, философский, полемический или законодательный?
4. Основываясь только на лексике, к какому времени (эпохе) или культурной традиции можно отнести этот текст (например, античность, средневековье, XIX век, религиозная литература)?
5. Можешь ли ты предположить количество авторов (один или несколько) на основе однородности лексики?»

А.2. Промпт для сравнительного анализа четырёх текстов

Системное сообщение (контекст): Ты — исследователь-текстолог. Твоя задача — сравнительный анализ четырёх разных частотных словарей. Не используй внешние знания. Все выводы делай только на основе различий в цифрах и представленных лексемах.

Запрос пользователя:

«Даны четыре частотных словаря (Текст-1, Текст-2, Текст-3, Текст-4), полученные из разных источников. Проанализируй их совместно.

1. **Авторство:** Есть ли статистически значимые основания считать, что у этих текстов разные авторы? Почему?
2. **Близость:** Какие тексты лексически ближе друг к другу, а какие стоят особняком? Сгруппируй их, если это возможно.
3. **Источники:** Можно ли предположить, что какие-то тексты заимствовали материал друг у друга или использовали общий источник?
4. **Хронология:** Если предположить, что лексика отражает развитие традиции, какой текст (или группа текстов) может быть более ранним, а какой — более поздним?»

Информация об авторе

Ф. И. Долинин — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики.

Information about the author

F. I. Dolinin — Cand. Sci. (Physic and Mathematic), Associate Professor of the Department of Theoretical Physics

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 17.06.2026; принята к публикации 25.08.2026.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 17.06.2026; accepted for publication 25.08.2026.
The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 20–29.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):20-29.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-20-29

«ПОД ЗНАМЕНЕМ СВОБОДЫ»: ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ СОЧЕТАНИЙ «ПОД + ТВ. П.» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Хань Сюэ[1], Екатерина Николаевна Виноградова[2]

[1] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, wanxihx@163.com

[2] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ekaterinavin@mail.ru, 0000-0001-7020-9289

Аннотация. В данном исследовании на материале Национального корпуса русского языка (включая основной корпус и газетный корпус) проводится системный анализ русских предложных единиц, построенных по модели «под + тв. п.» и выражающих значение способа именования или рубрикации. Цель работы заключается в разработке системной модели описания данных единиц и в углублённом анализе особенностей и степени их грамматикализации. В ходе исследования путём отбора и верификации материала определён перечень соответствующих единиц, которые на основе их ключевой семантики распределены по четырём подгруппам: 1) именование (*под названием*), 2) символическая идентификация (*под флагом*), 3) торговые/брендовые маркеры (*под маркой*), 4) систематизация (*под рубрикой, под грифом*). Далее выделенные предложные единицы характеризуются по различным критериям грамматикализации, отражающим пути семантической эволюции конструкций от конкретного пространственного значения к абстрактному: 1) метафоризация (подсчёт числа употреблений конструкции, в которых в качестве актанта выступает непредметное имя, при этом высчитывается процентное соотношение метафорических / неметафорических употреблений конструкции); 2) субъектификация — механизм включения позиции или оценки говорящего (разделение на три класса в зависимости от аксиологической окраски: положительно маркированные, отрицательно маркированные и немаркированные); 3) особенности и ограничения синтаксического поведения предложных единиц: анализ синтаксических свойств сочетаемости конструкции, включая выбор падежа последующего имени (именительный или родительный падеж), а также типичные глагольные сочетания. Работа предлагает детальное описание и анализ данной группы русских предложных конструкций на уровне семантической классификации и проявлений грамматикализации.

Ключевые слова: предложные единицы, грамматикализация, именование, рубрикация, предлог ПОД

Для цитирования: Хань Сюэ, Виноградова Е. Н. «Под знаменем свободы»: грамматикализация сочетаний «под + тв.п.» в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 20–29. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-20-29

Original article

“UNDER THE BANNER OF FREEDOM”: GRAMMATICALIZATION OF “POD + INSTRUMENTAL” CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN

Han Xue[1], Ekaterina N. Vinogradova[2]

[1] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, wanxihx@163.com,

[2] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ekaterinavin@mail.ru, 0000-0001-7020-9289

Abstract. This study, using the Russian National Corpus (including the main corpus and newspaper corpus), conducts a systematic analysis of Russian prepositional units constructed according to the “pod + tv. p.” model and expressing the meaning of a naming or categorization method. The goal of the work is to develop a systematic descriptive framework for these units and to conduct an in-depth analysis of the features and degree of their grammaticalization. In the course of the study, by selecting and verifying the material, a list of relevant units was determined, which, based on their key semantics, were distributed into four subgroups: 1) naming (e. g., under the name), 2) symbolic identification (e. g., under the flag), 3) trade/brand markers (e. g., under the brand), 4) systematization (e. g., under the heading, under the stamp). The paths of semantic evolution of constructions from a concrete spatial

© Хань Сюэ, Виноградова Е. Н., 2026

meaning to an abstract one are analyzed: metaphorization (counting the number of uses of a construction in which a non-objective name acts as an actant, while the percentage of metaphorical / non-metaphorical uses of the construction is calculated), mechanisms for including the position or assessment of the speaker: subjectivation (division into 3 classes depending on the axiological coloring: positively marked, negatively marked and unmarked), as well as the features and limitations of their syntactic behavior: analysis of syntactic properties such as the choice of case of the following noun (nominative or genitive) and typical verb phrases.This work offers a detailed description and analysis of this group of Russian prepositional constructions at the level of semantic classification and manifestations of grammaticalization.

Keywords: prepositional units, grammaticalization, naming, categorization, preposition POD (under)

For citation: Han Xue, Vinogradova EN. “Under the Banner of Freedom”: Grammaticalization of “pod + Instrumental” Constructions in Russian. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):20-29. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-20-29

Введение

Превращение знаменательных слов в служебные части речи, в частности, в предлоги, которые обладают грамматическими свойствами, является одним из типичных проявлений грамматикализации. В современном русском литературном языке класс предлогов постоянно пополняется, а многие новые средства предложного типа по своей форме ещё не выглядят как «полноценные» служебные слова и сохраняют облик или структуру знаменательных слов, какими они были ранее. Эта «неполноценность» их формы доказывает, что они произошли от знаменательных слов и что процесс их преобразования ещё не завершён окончательно, сохраняется «кровная связь» с исходными знаменательными словами, при этом абстрактная система синтаксических значений непрерывно обогащается и развивается. Однако до сих пор не существует единых критериев относительно того, можно ли считать новые образования предложного типа предлогами, а также относительно степени и этапов эволюции знаменательных слов в предлоги, хотя многие учёные пытаются дать свой ответ на этот вопрос, см. [2], [3], [4], [5], [6], [8], [9], [11], [13] где были предложены такие критерии, как 1) утрата в плане содержания; 2) использование в новых контекстах; 3) утрата морфосинтаксических свойств, характерных для лексических и менее грамматикализованных форм; 4) потеря фонетической сущности; 5) субъектификация; 6) метафоризация; 7) обособление от синтаксической парадигмы и т. д.

Материалы и методы исследования

В данной работе рассматриваются **методы**, фиксирующие изменения семантики, в частности **метафоризация** и **субъектификация**, а также анализируются **частотность** и время появления первых **метафорических** употреблений. В рамках **лексического критерия** проверялось наличие или отсутствие ограничений на сочетаемость. Исследование проводилось на **материале** основного корпуса и подкорпуса «Центральные СМИ» Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Цель настоящей статьи — выявить пути грамматикализации предложных единиц рассматриваемой группы, определить степень их грамматикализованности. Объектом нашего исследования является множество предложных единиц, построенных по модели «под + тв.п.». Под предложными единицами (ПЕ) мы вслед за М. В. Всеволодовой понимаем все единицы, способные выполнять функции предлогов — как собственно предлоги, так и их эквиваленты [7, с. 104]. Для того чтобы разделить ПЕ, построенные по модели «под + тв.п.», на семантические группы, мы воспользовались типологией синтаксем в «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой[1]. Согласно этой классификации конструкции «под + тв.п.» формируют пять типов синтаксем со следующими значениями: ситуативное значение; компонент, означающий способ именования или рубрикации предмета, события; компонент, обозначающий положение социальной зависимости лица или предмета, являющегося объектом действия; компонент, содержащий модальную квалификацию действия или бытия; каузатив.

В настоящей статье будет рассмотрена группа ПЕ, сформированных по второй структурно-семантической модели «**способ именования или рубрикации предмета, события**». В данной статье анализируется степень грамматикализации подобных сочетаний на основе критериев оценки степени грамматикализации, указанных выше. В качестве «кандидатов» в предлоги

[1] Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 435 с.

интересующей нас группы на основе изучения словарей[1], а также анализа корпусных данных (биграммы и триграммы основного корпуса НКРЯ) были собраны следующие единицы, которые мы разделили на 4 семантических подгруппы: 1) **именование:** *под именем, под названием, под кличкой, под прозвищем, под псевдонимом, под термином, под заголовком, под шапкой;* 2) **символические идентификаторы:** *под знаком, под флагом, под флагами, под знаменем, под знамёнами, под девизом;* 3) **торговые/брендовые маркеры:** *под маркой, под лейблом, под вывеской, под фирмой;* 4) **систематизация:** *под номером, под кодом, под рубрикой, под грифом.*

Рассмотрим ПЕ в рамках выделенных подгрупп подробнее.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Подгруппа «именование»

Единицы данной подгруппы обозначают идентификацию личности или объекта по определённому названию. Мы изучили функционирование перечисленных ПЕ в основном корпусе НКРЯ и в подкорпусе «Центральные СМИ» НКРЯ, см. табл. 1.

[1] Бурцева В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Дрофа, 2010. 750 с.; Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Русский язык, 2001. 814 с.; Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин (ред.). М. : Лазурь, 1997. 422 с.; Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М. : Русский язык, 1983. 143 с.; Сичинава Д. В. Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III: Части речи и лексико-грамматические классы. СПб. : Нестор-История, 2018. 472 с.

На основании сравнения данных основного корпуса (табл. 1, столбцы ①③ — основной корпус) и газетного подкорпуса (табл. 1, столбцы ②④) можно сделать следующие выводы. В основном корпусе НКРЯ доминирует конструкция ***под именем*** (ipm 9,41), что делает её основным средством выражения «наименования» в общеупотребительных текстах. Конструкция ***под названием*** также распространена. В газетном корпусе ситуация кардинально меняется: ***под названием*** становится подавляюще главной единицей (ipm ≈ 22,7), практически основным способом введения названия или заголовка. В газетном корпусе также заметно выше частотность конструкций ***под псевдонимом*** и ***под заголовком***, что отражает внимание новостных текстов к «способу выражения автора» и «заголовкам»; употребление же ***под именем*** здесь значительно сокращается.

На основе сопоставления данных по частотности (ipm) из колонок ①② и ③④, то есть конструкций типа «ПЕ + сущ. в р.п.» и «ПЕ + сущ. в им.п.», указанные ПЕ были разделены на три группы: 1) преобладание актанта, выраженного формами им.п.; 2) преобладание актанта, выраженного формами р.п.; 3) приблизительно равное количество употреблений актанта в форме им.п. и р.п.

1.1. Преобладание актанта, выраженного формами им.п.: ***под названием***, ***под кличкой***, ***под прозвищем***, ***под псевдонимом***, ***под термином***, ***под заголовком*** и т.д. Данные корпусов показывают, что в этих структурах наименование часто вводится в речь как самостоятельный символ (в форме им.п., часто в кавычках), акцентируя «что именно представляет собой само название», а не принадлежность к какому-либо субъекту. Приведём примеры типичных правых контекстов

Таблица 1
Table 1

Частотность конструкций подгруппы «именование»
Frequency of constructions of the subgroup „naming“

	ПЕ	ПЕ + р.п. в основном корпусе НКРЯ, ipm ①	ПЕ + р.п по газетному корпусу НКРЯ, ipm ②	ПЕ + им.п. в основном корпусе НКРЯ, ipm ③	ПЕ + им.п. по газетному корпусу НКРЯ, ipm ④
1	**под именем**	8,28	1,16	1,13	1,36
2	**под названием**	2,57	0,37	12,12	22,33
3	**под кличкой**	0,06	0,01	0,4	0,82
4	**под прозвищем**	0,05	0,01	0,11	0,46
5	**под псевдонимом**	0,25	0,06	1,1	2,34
6	**под термином**	0,01	0	0,22	0,15
7	**под заголовком**	0,03	0,02	0,59	1,08
8	**под шапкой**	0,08	0,04	0,08	0,04

ПЕ данного типа: ***под названием:*** *«Нежность», «Сигнал»;* ***под кличкой:*** *«Булыга», Грач;* ***под прозвищем:*** *Виктор, Мировой;* ***под псевдонимом:*** *Алов, Фёдор;* ***под термином:*** *угроза, интеллигенция;* ***под заголовком:*** *«испанские вина», «Немцы в городе».*

Примечание. В сочетании с такими глаголами, как *понимать, пониматься, иметь в виду, подразумевать, подразумеваться,* единица ***под термином*** функционирует скорее как компонент устойчивой конструкции, нежели как независимая ПЕ: *...что же, собственно, мы* ***понимаем под термином*** *«угроза» и что нам мешает вместе или отдельно, если такова будет воля наших партнёров, противостоять этим угрозам* [НКРЯ]. Семантический центр всей конструкции сосредоточен на глаголе-предикате *понимаем*, тогда как самостоятельность единицы ***под термином*** оказывается ослабленной. Однако когда ***под термином*** сочетается с прилагательными, глаголами существования, проявления или процесса, её автономность и синтаксическая функция значительно усиливаются: *...неопределённый возраст, известный* ***под термином*** *«моложавость»* [НКРЯ]. В подобных контекстах данная единица эволюционирует из зависимого компонента глагольной конструкции в полноценное обстоятельственное определение, что маркирует увеличение степени её грамматикализации.

1.2. Преобладание актанта, выраженного формами р. п.

Ко второму типу относится ПЕ ***под именем***, которая в соответствии с корпусными данными демонстрирует черты, противоположные общей тенденции, а именно — абсолютное преобладание припредложных форм им. п. Это сильнее подчёркивает тесную связь наименования с его носителем, при этом имя рассматривается как признак, принадлежащий субъекту, а не как самостоятельный символ. На наш взгляд, при использовании форм р. п. семантический акцент смещается на «того, кто известен под определённым именем», а не на «само имя как таковое». Примеры типичных контекстов ПЕ ***под именем:*** *Павлова, помидоров, Просвещения, инженера, идеи.*

1.3. Приблизительно равное количество употреблений актанта в форме им. п. и р. п.

К третьему типу относится ПЕ ***под шапкой***, чьё распределение является относительно сбалансированным — между припредложными формами им. п. и р. п. нет существенной разницы. Примеры типичных контекстов ПЕ ***под шапкой:*** *Кубка чемпионов, «Сводня», ночи.*

Помимо преобладания той или иной формы актанта, где наблюдаются различные свойства ПЕ, тенденцию к грамматикализации также можно наблюдать в аспекте лексической сочетаемости. Согласно позиции учёных Дальневосточной синтаксической школы [1; 13], изучение левых контекстов, их изменений и частотности может служить одним из свидетельств продолжающегося процесса грамматикализации. Проведённый нами анализ левых контекстов ПЕ семантической подгруппы «именование» позволил выделить 2 основные зоны их употребления:

1) **глаголы конкретного действия и создания — низкая степень грамматикализации:** *опубликовать, издать, писать, записать, печатать, создать, использовать, выступать: Про эту поэму как раз ничего не знаю. Даже и не начинала про неё искать что-либо... что была* ***издана под псевдонимом*** *Алов, что дебют крайне неудачный* [НКРЯ]; *Это, например, «известный всей Березани поэт —* ***пишущий под псевдонимом*** *Антуан Величавый»* [НКРЯ];
2) **глаголы состояния, бытия и функционирования — высокая степень грамматикализации:** *фигурировать, существовать, работать, иметься, проходить, знать: Замечу лишь, что все без исключения его персонажи написаны с натуры, со знакомых и друзей, а один даже с меня самого, где я* ***фигурирую под именем*** *инженера, который говорит своей супруге: «Мусик, дай мне гусик» — или что-то подобное* [НКРЯ]; *Наконец, языки берберские, кушитские, египетский (коптский) и семитские представляют столько общих черт в своей структуре, что их часто принято* ***объединять под именем*** *«хамито-семитские»* [НКРЯ].

В заключение отметим, что анализ левых контекстов конструкций номинации показывает, что степень их грамматикализации напрямую связана с семантикой сочетающихся с ними глаголов. При сочетании с глаголами конкретного действия конструкция сохраняет своё полное значение и демонстрирует низкую степень грамматикализации. В то же время с глаголами состояния, бытия и функционирования функция конструкции сводится к введению имени, что отражает высокую степень её грамматикализации. Данное распределение служит подтверждением того, что эта конструкция находится в процессе грамматикализации.

2. Подгруппа «символические идентификаторы»

Устоявшиеся выражения данной подгруппы в основном используются для обозначения принадлежности к определённой идеологии или символике. Их семантическое ядро заключается в выражении значения «под определённым символом», «в рамках определённой идеи или ценности». В табл. 2 представлены основные конструкции подгруппы «символические идентификаторы» и частота их употребления в корпусе.

Для всей группы характерно доминирование конструкции с формами р.п. Однако данные табл. 2 позволяют выявить два исключения из этой тенденции. Во-первых, стилистическое исключение: выражение ***под флагом***, будучи употреблённым с р.п., демонстрирует резкий скачок частотности в газетном корпусе — до 3,71 против 1,18 в основном, что маркирует его как яркий элемент публицистического стиля. Второе исключение — синтаксическое: конструкция ***под девизом*** значительно отрывается от остальных единиц подгруппы, так как её основная модель — это актант в им.п. (1,23 в газетном против 0,35 в основном корпусе). Её низкие показатели с актантом в р.п. (0,08) лишь подчёркивают это уникальное свойство. Дальнейший статистический анализ (см. табл. 3) показывает различия в степени метафоризации и грамматикализации этих конструкций (в процентном выражении: чем выше показатель метафоризации, тем чаще встречаются абстрактные имена актанта).

Анализ данных табл. 3 показывает, что, несмотря на преобладание в группе конструкций с высокой степенью метафоризации, здесь также представлены примеры с только начинающимся процессом метафорического переосмысления.

Продемонстрируем правые контексты конструкции ***под девизом***, которые говорят о её 100%-ной метафоризации: *«это жизнь», борьбы с неэффективностью.*

Метафоризация ПЕ ***под знаменем*** составляет 99,8 % от общего числа употреблений: *революции, Советской власти, империализма, свободы, «социалистического реализма».* Метафоризация ПЕ ***под знамёнами*** — 95 %: *СПС, борьбы, науки и научности.* Метафоризация ПЕ ***под знаком*** — 99 %: *Гришковца, любви, единой Красоты.* Метафоризация ПЕ ***под флагом*** — 77 %: *защиты интересов.* Метафоризация ПЕ ***под флагами*** —15 %: *реформы, патриотизма или народности.*

Таблица 2
Table 2

Частотность конструкций подгруппы «символические идентификаторы»
Frequency of constructions of the subgroup „symbolic identifiers“

	ПЕ	ПЕ + р.п. в основном корпусе НКРЯ, ipm ①	ПЕ + р.п. по газетному корпусу НКРЯ, ipm ②	ПЕ + им.п. в основном корпусе НКРЯ, ipm ③	ПЕ + им.п. по газетному корпусу НКРЯ, ipm ④
1	**под знаком**	2,38	2,17	0,04	0,11
2	**под флагом**	1,18	3,71	0,01	0,03
3	**под флагами**	1,17	0,36	0	0,01
4	**под знаменем**	0,96	0,37	0,02	0,01
5	**под знамёнами**	0,48	0,29	0,01	0,01
6	**под девизом**	0,03	0,08	0,35	1,23

Таблица 3
Table 3

Семантические характеристики конструкций подгруппы «символические идентификаторы»
Semantic characteristics of constructions of the subgroup „symbolic identifiers“

	ПЕ	Количество метаф. употреблений, %	1-е метаф. употребление, год	Субъектификация
1	**под знаком**	99	1891	есть
2	**под флагом**	77	1798	есть
3	**под флагами**	15	1960	-
4	**под знаменем**	99,8	1766	есть
5	**под знамёнами**	95	1780	есть
6	**под девизом**	100	1835	есть

Из процентного распределения видно, что выражения ***под девизом***(100 %), ***под знаменем*** (99,8 %), ***под знамёнами*** (95 %) и ***под знаком*** (99 %) обладают наивысшей степенью метафоризации. Они практически полностью утратили связь с конкретными предметами и превратились в чисто символические обозначения. В то же время конструкция ***под флагом*** (77 %) сохраняет определённую долю буквальных употреблений, однако её правый контекст чаще всего представлен абстрактными существительными, например: ***под флагом*** *социал-демократии; свободы и демократии; патриотизма*. Единственная конструкция с относительно низкой степенью метафоризации — ***под флагами*** (15 %) — в большей степени сохраняет значение множественной предметности, однако в современных контекстах постепенно появляется и её символическое использование.

Кроме того, в данной подгруппе мы можем оценить ПЕ ещё по одному параметру грамматикализации — субъектификации. Субъектификация рассматривается как один из ключевых механизмов грамматикализации, при котором языковые элементы приобретают способность выражать отношение, оценку и точку зрения говорящего. Согласно определению Э. Трауготт, субъектификация — это грамматикализационный сдвиг, при котором выражение приобретает функцию передачи убеждений и оценок субъекта речи [15, с. 633–634]. Л. Бринтон и Э. Трауготт отмечают, что субъектификация часто сопровождается усилением оценочной и прагматической нагрузки грамматикализуемых единиц [14, с. 105–109]. В конструкции «под + сущ. в тв. п.» данный процесс проявляется в сочетаемости с лексическими элементами и контекстами, имеющими субъективную окраску.

Согласно классификации, предложенной М. И. Конюшкевич, конструкции с «под + сущ. в тв. п.» могут быть разделены на три категории в зависимости от аксиологической окраски: а) положительно маркированные; б) отрицательно маркированные; в) немаркированные [10, с. 224].

ПЕ подгруппы «символические идентификаторы», за исключением ПЕ ***под флагами***, демонстрируют субъектификацию и могут выражать как положительную, так и отрицательную оценку.

Положительно маркированные: *Близок час, когда трудовое казачество, расправившись со своими контрреволюционными офицерами, объединится* ***под знаменем*** *Советской власти…»* [НКРЯ]; *Он единственный, — писал редактор журнала «Странник» Сергей Яковлев, — кто способен собрать расколотый, размётанный по углам несчастный народ* ***под знаменем*** *национального возрождения, вернуть ему надежду и уверенность в своих силах и направить энергию народа в здоровое, созидательное русло»* [НКРЯ]. Отрицательно маркированные: *Причём выселение предпринимателей проходило* ***под флагом*** *защиты интересов бюджета* [НКРЯ]; *Сам Бояджиев в своих книгах* ***под флагом*** *мнимой учёности проповедовал преклонение перед буржуазной культурой Запада* [НКРЯ]. Абстрактное употребление конструкции ***под флагами*** встречается слишком редко, поэтому данный показатель не подлежит статистическому учёту.

Во многих примерах данные конструкции демонстрируют выраженные черты субъектификации, в особенности ПЕ ***под знаменем / под знаменами*** и ***под флагом***. Они не только обозначают абстрактную концепцию, но и часто отражают самоидентификацию говорящего с определённой идеологией или политической позицией, а также его отношение. В то время как конструкции ***под девизом*** и ***под знаком***, несмотря на высокую степень абстрактности, обладают относительно слабой субъективной окраской, и определение их смысловой направленности требует учёта контекста.

В целом конструкции группы «символические идентификаторы» демонстрируют тенденцию к высокой степени метафоризации и частичной субъектификации, что подтверждает грамматикализацию рассматриваемых ПЕ.

3. Подгруппа «торговые/брендовые маркеры»

ПЕ данной группы используются для идентификации коммерческих предприятий или товарных знаков, а также употребляются в переносных значениях. Основные показатели частотности этих ПЕ представлены в табл. 4.

Как видно из табл. 4, конструкции данной группы не очень частотны и не демонстрируют значимых стилистических различий.

Что касается метафоризации данных конструкций, то она также не высока. Для ПЕ ***под маркой*** метафоризация составляет 32 % от общего числа употреблений: ***под маркой*** *самой строгой научности, христианства.* Для ПЕ ***под лейблом*** метафоризация составляет 40 % от общего числа употреблений: ***под лейблом*** *«демократии», «большевизм».* Для ПЕ ***под вывеской*** метафоризация составляет 28 % от общего числа употреблений: ***под вывеской*** *«гуманизма другого человека», науки.* Для ПЕ ***под фирмой*** метафоризация составляет 13 % от общего числа употреблений: ***под фирмой*** *добротолюбия, верховного советского органа, модной мастерской.*

Таблица 4
Table 4

Частотность конструкций подгруппы «торговые/брендовые маркеры»
Frequency of constructions of the subgroup „trade/brand markers“

	ПЕ	ПЕ + р.п. в основном корпусе НКРЯ, ipm ①	ПЕ + р.п. по газетному корпусу НКРЯ, ipm ②	ПЕ + им.п. в основном корпусе НКРЯ, ipm ③	ПЕ + им.п. по газетному корпусу НКРЯ, ipm ④
1	**под маркой**	0,2	0,46	0,13	0,9
2	**под лейблом**	0,01	0,02	0,01	0,01
3	**под вывеской**	0,16	0,36	0,2	0,28
4	**под фирмой**	0,11	0,01	0,07	0

Анализ показал, что в аспекте субъектификации подавляющее большинство конструкций данной подгруппы используются для выражения негативных эмоций, обозначая сокрытие истинных целей под определённым прикрытием, причём эти цели носят негативный и неприглядный характер: *В сорок восьмом году* ***под маркой*** *борьбы с космополитизмом началось гонение на всё иностранное* [НКРЯ]; *Не к добру всё более размашистые шатания между чрезмерными вольностями* ***под лейблом*** *«демократии», этим американским мессионизмом, символом и кнутом всемирного влияния, — ну точно как коммунизм в СССР! — и отрицанием национальной идейной доктрины* [НКРЯ].

Обобщённые данные по рассмотренным параметрам грамматикализации ПЕ данной подгруппы представлены в табл. 5.

Из табл. 5 можно заключить, что все словосочетания этой подгруппы уже демонстрируют метафоризацию, хотя степень её пока невысока, что указывает на начальный этап их грамматикализации. При наблюдении за метафорическими употреблениями данных конструкций обращает на себя внимание яркая особенность: они часто обладают негативной или «критической» окраской. Это отражает приобретение этими структурами оценочной функции в процессе грамматикализации. Данная характеристика в совокупности с другими показателями грамматикализации формирует траекторию семантической эволюции этих маркеров.

4. Подгруппа «систематизация»

Конструкции данной подгруппы (***под номером, под рубрикой, под кодом, под грифом***) выражают формализованную классификацию или кодирование информации. Первоначальный анализ, основанный на поиске сочетаний с определённым падежом, не отражал реальной частотности этих единиц, поскольку их ключевая особенность — это способность непосредственно вводить конкретное название, номер или цитату.

Для получения репрезентативных данных был применён поиск по самим предложным конструкциям без ограничения по падежу. Результаты представлены в табл. 6.

Таким образом, анализ показывает, что ПЕ подгруппы «систематизация» представляют собой уникальный механизм для прямой и экономной передачи конкретных данных. Несмотря на относительно низкую общую частотность, уточненные данные (см. табл. 6) выявляют важные закономерности: конструкция ***под номером*** (ipm 2,42) является ярко выраженным маркером газетного стиля, так же, как и ***под грифом*** (ipm 1,04), что связано с их функциями нумерации и обозначения секретности в публицистике. В то же время ПЕ ***под рубрикой*** демонстрирует бóльшую универсальность, будучи представленной равномерно в подкорпусах (0,76 vs 0,43).

Отметим, что данные ПЕ обычно присоединяют имя числительное, латинские знаковые обозначения в им. п. (***под номером*** *17,* ***под кодом*** *E234*), а также названия, заключенные в кавычки / цитаты (***под рубрикой*** *«Ну и ну»,* ***под грифом*** *«секретно»*).

Для ПЕ ***под кодом*** и ***под грифом*** обнаружены отдельные употребления актантов в р.п. (***под грифом*** *секретности,* ***под кодом*** *иностранного брокера*). Как показано в [12], присоединение актанта в им. п. является одним из возможных этапов грамматикализации.

Эти ПЕ, регулярно вводя в речь числа, названия или цитаты, эволюционировали в специализированные инструменты для работы со структурированной информацией. Они практически полностью утратили первоначальную пространственную семантику и теперь служат одной

Таблица 5
Table 5

Семантические характеристики конструкций подгруппы «торговые/брендовые маркеры»
Semantic characteristics of constructions of the subgroup „trade/brand markers“

	ПЕ	Количество метаф. употреблений, %	1-е метаф. употребление, год	Субъектификация (отрицательная окраска)
1	**под маркой**	32	1909	есть
2	**под лейблом**	40	2012	есть
3	**под вывеской**	28	1912	есть
4	**под фирмой**	13	1851	есть

Таблица 6
Table 6

Характеристика конструкций подгруппы «систематизация»
Characteristics of the structures of the „systematization“ subgroup

	ПЕ	ПЕ в основном корпусе НКРЯ, ipm	ПЕ в газетном корпусе НКРЯ, ipm
1	**под номером**	1,08	2,42
2	**под кодом**	0,02	0,11
3	**под рубрикой**	0,76	0,43
4	**под грифом**	0,21	1,04

цели: прямо и недвусмысленно идентифицировать объект, присваивая ему категорию, номер или код.

Заключение

В результате анализа собранные ПЕ данной группы были разделены на 4 подгруппы: «именование», «символические идентификаторы», «торговые/брендовые маркеры», «систематизация». Исследование показало, что ПЕ подгруппы «именование» уже начали процесс грамматикализации, что отражается в их сочетаемости. ПЕ подгрупп «символические идентификаторы» и «торговые/брендовые маркеры» проявляют признаки грамматикализации в аспектах метафоризации и субъектификации, особенно конструкции ***под знаком***, ***под флагом***, ***под знаменем***, ***под знаменами*** и ***под девизом***, демонстрирующие высокую степень метафоризации. Что касается ПЕ подгруппы «систематизация», то их грамматикализация проявляется в переходе от выражения пространственных отношений к функции неизменяемого синтаксического маркера, вводящего в текст прямые наименования, коды и номера.

Для подгрупп «именование», «систематизация» и «торговые/брендовые маркеры», характерно употребление припредложных имен в им. п. (особенно в публицистическом стиле), а также названий / цитат в качестве имени актанта. Это важная особенность ПЕ рассматриваемой группы, которая особенно ярко проявляется в подгруппах «именование» и «систематизация». В подгруппе «символические идентификаторы» системно присоединяет цитату ПЕ ***под девизом***; в подгруппе «торговые/брендовые маркеры» отмечены отдельные употребления с актантом в форме им. п.

Список источников

1. Артеменко М. В. Пути грамматикализации отыменного релятива «ПО ПРИНЦИПУ» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 407–409.

2. Виноградова Е. Н. Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 138–163.

3. Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.

4. Виноградова Е. Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74.

5. Виноградова Е. Н. Грамматикализация, лексикализация и прагматикализация (на материале конструкций, включающих предлог ПО) // Вопросы языкознания. 2023. № 1. С. 54–87.

6. Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3–26.

7. Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 3. С. 103–136.

8. Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2003. № 2. С. 17–59.

9. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М. : Изд-во «Едиториал УРСС», 2014.

10. Конюшкевич М. И. Предложные сочетания с конфирмативной семантикой в русском и белорусском языках: списочный состав, семантика, типология // Памяти А. А. Поликарпова. Электронное издание: сборник статей / под ред. М. Л. Ремневой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 224–240.

11. Тихомирова Т. С. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: дисс. … канд. филол. наук. М., 1972. 17 с.

12. Чэнь С. Грамматикализация конструкции «ПО АДРЕСУ» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). С. 36–42.

13. Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. 235 с.

14. Brinton L., Traugott E. Lexicalization and language change. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. 207 p.

15. Traugott E. Constructions in grammaticalization. The handbook of historical linguistics. Joseph B., Janda R. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003. P. 624–647.

References

1. Artemenko MV. Ways of Grammaticalization of the Denominal Relativizer “PO PRINTSIPU”. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya = World of Science, Culture, Education*. 2020;(3(82):407-409. (In Russ.).

2. Vinogradova EN. Motivated Prepositions and Prepositional Analogs: Paths of Grammaticalization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology.* 2013;(4):138-163. (In Russ.).

3. Vinogradova EN. Grammaticalization in Russian: from Noun Form to Preposition (Based on Somatisms). *Voprosy yazykoznaniya = Topics in the Study of Language.* 2016(1):25-50. (In Russ.).

4. Vinogradova EN. Problems of Lexicographic and Grammatical Description of Prepositions in Modern Russian. *Voprosy yazykoznaniya = Topics in the Study of Language.* 2017;(5):56-74. (In Russ.).

5. Vinogradova EN. Grammaticalization, Lexicalization and Pragmaticization (Based on Constructions Including the Preposition PO). *Voprosy yazykoznaniya = Topics in the Study of Language.* 2023;(1):54-87. (In Russ.).

6. Vsevolodova MV. Grammatical Aspects of Russian Prepositional Units: Typology, Structure, Syntagmatics and Syntactic Modifications. *Voprosy yazykoznaniya = Topics in the Study of Language.* 2010;(4):3-26. (In Russ.).

7. Vsevolodova MV. On the Issue of Operational Methods for Categorizing Prepositional Units. V*estnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology.* 2011:(3):103-136. (In Russ.).

8. Vsevolodova MV, Klobukov EV, Kukushkina OV, Polikarpov AA. Towards the Foundations of a Functional-Communicative Grammar of the Russian Preposition. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology.* 2003;(2):17-59. (In Russ.).

9. Vsevolodova MV, Kukushkina OV, Polikarpov AA. Russkiye predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedeniye v ob"yektivnuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh yedinits. Kn. 1. = Russian Prepositions and Prepositional-Type Means. Materials for a Functional-Grammatical Description of Actual Usage: Introduction to an Objective Grammar and Lexicography of Russian Prepositional Units. Book 1. Moscow: Publ. „Editorial URSS“; 2014. (In Russ.).

10. Konyushkevich MI. Predlozhnyye sochetaniya s konfirmativnoy semantikoy v russkom i belorusskom yazykakh: spisochnyy sostav, semantika, tipologiya = Prepositional Constructions with Confirmative Semantics in Russian and Belarusian: List Composition, Semantics, Typology. In: In Memory of A.A. Polikarpov. Electronic Edition: Collection of Articles. Ed. by M.L. Remneva. Moscow: Moscow University Publ.; 2015. Pp. 224-240. (In Russ.).

11. Tikhomirova TS. Protsessy adverbializatsii form tvoritel'nogo bespredlozhnogo v pol'skom yazyke = Processes of Adverbialization of the Non-Prepositional Instrumental Case Forms in Polish. Abstract of thesis. Moscow; 1972. 17 p. (In Russ.).

12. Chen S. Grammaticalization of the Construction "PO ADRESU". V*estnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):36-42. (In Russ.).

13. Sheremet'eva ES. Otymennyye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskiye etyudy = Denominal Relativizers in Modern Russian. Semantic-Syntactic Sketches. Vladivostok: Far Eastern University Publ.; 2008. 235 p. (In Russ.).

14. Brinton L, Traugott E. Lexicalization and language change. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 2005. 207 p.

15. Traugott E. Constructions in grammaticalization. The handbook of historical linguistics. Joseph B, Janda R (eds.). Oxford: Blackwell; 2003. Pp. 624-647.

Информация об авторах

Хань Сюэ — аспирант кафедры русского языка филологического факультета.

Е. Н. Виноградова — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов.

Information about the author

Han Xue — postgraduate student, Department of Russian Language, Faculty of Philology.

E. N. Vinogradova — Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Russian Language for Foreign Students of Humanitarian Faculties, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ekaterinavin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА: ГРАММАТИКА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА
THEORY AND HISTORY OF LANGUAGE: GRAMMAR, SEMANTICS, PRAGMATICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 30–41.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):30-41.

Научная статья

УДК 81’33

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-30-41

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДЕКОНКРЕТИЗАЦИИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИЦА В РАМКАХ СТРУКТУРЫ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Елена Михайловна Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия, kargina-elena@mail.ru, 0000-0002-2630-6302, Scopus ID 56548929200

Аннотация. В немецком языке существуют различные способы построения предложений со значением действия без указания на действующее лицо. Статья посвящена анализу лексико-грамматических средств деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения. Под термином «деконкретизация» в данной работе понимается отсутствие конкретного значения действующего лица в рамках предложения. Исследование выполнено на основе метода лингвистического наблюдения и описания с использованием методов контекстуального, сопоставительного и семантического анализа. Материалом исследования послужили произведения немецкой классической литературы. В статье приводятся два способа деконкретизации: 1) обозначение действующего лица лексическими средствами, лишенными конкретной семантики, употребляемыми в наиболее абстрактном и обобщенном значении лица; 2) построение предложений, где в рамках структуры в целом отсутствуют лексические средства, означающие или указывающие на действующее лицо. При рассмотрении первого способа деконкретизации автором подчеркивается, что лишенное собственного лексического значения местоимение *man* освобождается от семантической обусловленности и получает возможность заменять в предложении различные значения лица: от единичного конкретного через множественное конкретное до абстрактного обобщенного. Отмечается, что значения неопределенности и обобщенности не являются обобщенными грамматическими значениями, присущими сочетаниям *man* с какой-либо временной формой глагола, а обнаруживают себя в качестве потенциальных значений этой формы в зависимости от ситуации и контекста. В рамках второго способа деконкретизации автором выделяются и обосновываются 4 возможности реализации данного явления: 1) «одночленный» и «двучленный» пассив; 2) конструкции sein + zu + инфинитив; 3) конструкции lassen + (sich) + инфинитив; 4) глаголы восприятия с инфинитивом. В заключении отмечается, что в определенном контексте, где действуют различные ассоциации логического характера, не всегда возникает необходимость упомянуть при названии действия название действующего лица или такое упоминание бывает излишне.

Ключевые слова: структура немецкого предложения, деконкретизация действующего лица, лексико-грамматические средства, местоимение «man», пассивные конструкции, инфинитивные конструкции

Для цитирования: Каргина Е. М. Анализ лексико-грамматических средств деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 30–41. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-30-41

© Каргина Е. М., 2026

Original article

ANALYSIS OF LEXICAL AND GRAMMATICAL MEANS OF DECONCRETIZATION OF THE ACTOR WITHIN THE STRUCTURE OF THE GERMAN SENTENCE

Elena M. Kargina

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia,kargina-elena@mail.ru, 0000-0002-2630-6302, Scopus ID 56548929200

Abstract. In German, there are various ways of constructing sentences with the meaning of action without specifying the actor. This article is devoted to the analysis of lexical and grammatical means of deconcretization of the actor within the structure of the German sentence. The term «deconcretization» in this work means the absence of a specific meaning of the actor within the sentence. The study was carried out on the basis of the method of linguistic observation and description using methods of contextual, comparative and semantic analysis. The research material was the works of German classical literature. The article provides 2 ways of deconcretisation: 1) designation of the actor by lexical means devoid of specific semantics, used in the most abstract and generalized meaning of a person; 2) construction of sentences, where within the structure as a whole there are no lexical means signifying or indicating the actor. When considering the first method of deconcretisation, the author emphasizes that the pronoun „*man*", devoid of its own lexical meaning, is freed from semantic conditioning and is able to replace various meanings of a person in a sentence: from a single concrete through a multiple concrete to an abstract generalized one. It is noted that the meanings of uncertainty and generalization are not generalized grammatical meanings inherent in combinations of „*man*" with any temporary form of the verb, but discover themselves as potential meanings of this form depending on the situation and context. As part of the second method of deconcretization, the author identifies and substantiates 4 possibilities for the implementation of this phenomenon: 1) «single-unit» and «double-unit» passive; 2) constructions «sein + zu + infinitive»; 3) constructions «lassen + (sich) + infinitive»; 4) perceptual verbs with infinitive. In conclusion, it is noted that in a certain context, where various logical associations exist, it is not always necessary to mention the name of the actor when naming an action or such a mention may be superfluous.

***Keywords*:** structure of the German sentence, deconcretization of the actor, lexical and grammatical means, pronoun «man», passive constructions, infinitive constructions

For citation: Kargina EM. Analysis of lexical and grammatical means of deconcretization of the actor within the structure of the German sentence. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):30-41. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-30-41

Введение

Анализ лингвистической и методической литературы свидетельствует об актуальности исследования лексико-грамматических средств деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения (А.-М. Ариас, Т. В. Бохиева, Н. В. Бутылов, Т. А. Иванченко, Т. А. Кузьмина, А. Н. Мамедов, А. В. Неупокоева и др.).

Рассмотрение данной проблемы находит отражение в работах исследователей в следующих концептах: «деконкретизация действующего лица» (Р. И. Воронцов [5]), «неопределенная референция лица» (Т. А. Кузьмина [10]), «неопределенность лица» (А.-М. Ариас [3]), «языковые средства в неопределенно-референтном значении» (Т. А. Иванченко [8]), «обобщающая референция номинации лица» (А. В. Неупокоева [14]), «безагентные структуры (конструкции «без агенса»)» (И. М. Некрасова [13]), «безличность» (О. А. Березина [4]), «безличные конструкции (структуры, предложения, предикаты)» (Н. Н. Арват [2]), «скрытый субъект (категория)» (В. М. Кульгавая, А. А. Плисенко [11]), «бессубъектное предложение (бессубъектность)» (Д. Н. Овсянико-Куликовский [15]) и др. Изучение проблемы деконкретизации действующего лица в рамках структуры предложения проводилось как в отношении русского языка (Л. А. Бирюлин, П. А. Лекант, Ю. А. Пупынин, В. А. Петров, Н. Н. Арват и др.), так и в отношении других языков, в частности: английского (О. А. Березина, Ю. С. Игнатюк и др.), немецкого (А.-М. Ариас, Т. А. Иванченко, Н. В. Бутылов, Т. А. Кузьмина, Ц. Н. Шрайбер и др.), болгарского (И. С. Георгиев), польского (М. Лучик), сербского (С. А. Кабанова), обско-угорских языков (А. Н. Баландин).

Объектом исследования данной статьи является немецкое предложение со значением действия без указания на действующее лицо. Анализ профильной литературы свидетельствует о том, что исследование обозначенной проблемы проводилось преимущественно в контексте естественной разговорной коммуникации. Принимая во внимание

вывод о недостаточной изученности языковых средств с семантикой неопределенности лица с позиций коммуникативной лингвистики и прагматики, в качестве цели исследования нами обозначен анализ лексико-грамматических средств деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения в условиях художественного дискурса и их классификация на основе семантической и синтаксической общности.

В немецком языке существуют различные способы деконкретизации действующего лица в рамках структуры предложения. Термин «деконкретизация» понимается в данной работе как отсутствие конкретного значения действующего лица в рамках предложения.

Первый способ деконкретизации. Обозначение действующего лица лексическими средствами, лишенными конкретной семантики, употребляемыми в наиболее абстрактном и обобщенном значении лица. В качестве таковых используются местоимения и существительные, например man, es, einer, nichts, alles, Mensch, Leute, alleWelt и другие. Наиболее употребительным средством деконкретизации действующего лица в рамках структуры предложения является местоимение man. Что касается других используемых лексических средств, то речь может идти лишь о различной степени потери ими конкретной семантики и об их синонимии местоимению man.

Второй способ деконкретизации. Построение предложений, где в рамках структуры в целом отсутствуют лексические средства, которые означали бы или указывали бы на действующее лицо. Перечислим эти возможности:

1. «Одночленный» и «двучленный» пассив [12, С. 323].
2. Конструкции sein + zu + инфинитив.
3. Конструкции lassen + (sich) + инфинитив.
4. Глаголы восприятия с инфинитивом.

Во всех этих конструкциях логический субъект действия, обозначенного именной формой глагола: причастием или инфинитивом, обычно отсутствует. Те случаи, когда субъект обозначен, нами не рассматриваются.

Помимо указанного, существуют различные возможности для обозначения действия без указания на его логический субъект с помощью именных форм глагола, инфинитивов и причастий.

Материалы и методы исследования

Основополагающим методом исследования стал метод лингвистического наблюдения и описания с использованием методов контекстуального, сопоставительного и семантического анализа. Материалом исследования послужили произведения немецкой классической литературы, в частности работы В. Бределя, Б. Брехта, И. В. Гёте, О. Людвига, Г. Манна, Т. Манна, Э. М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, Т. Фонтане, Ф. Шиллера и др.

Способы деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения

1. Предложения с подлежащим «man»

Анализ лингвистической литературы свидетельствует о том, что смысловая многозначность предложений с man обычно связывается с многозначностью самого местоимения man, конкретное значение которого устанавливается в контексте [23, с. 172–182]. Местоимение man произошло из слова с конкретным значением, которое полностью утратило свое номинативное и сохранило лишь сигнификативное значение (указывает на то, что деятель — человек). Подобное свойственно и другим неопределенным местоимениям, в состав которых входит корень man(n): jedermann, jemand, niemand.

Вследствие этого местоимение man сочетается только с личными глаголами (persönliche Verba), т.е. такими, которые обозначают действие, производимое человеком.

Слово man перешло в разряд местоимений, т.е. слов, которые, по мнению И. Эрбена, сами не обозначают понятий, а являются «бедными» по семантике словоформами, содержание которых полностью раскрывается лишь при соотнесении их в контексте с тем понятием, которое подразумевается под этим словом [21, с. 135–136].

В отличие от полнозначных слов, например существительных, прилагательных (Autosemantika), местоимения являются соотнесенными словами (Synsemantika).

Определяя местоимения, И. Эрбен пишет: «Sie sind also grössenbezügliche Formwörter mit situationsbestimmtem Funktionswert» [21, с. 136].

Однако в немецких грамматиках не раз указывалось на неполный местоименный характер man и на не совсем утраченную им связь с существительным.

Отличительные особенности местоимения man (а также jemand, niemand и других, в состав которых входит man) отмечает, например, Л. Зюттерлин: «WasmanfrüheralsunbestimmteFürwörterzusammenfasste, dassindmeistkeineFürwörter, sowohlnachderBedeutungalsauchnachihrerFormänderung. Die Wörter man, jemand, niemand…

sind vielmehr Dingwörter (Hauptwörter) oder Umfangsbezeichnungen (Zahlwörter) mit allgemeiner Bedeutung, die zufällig in ihrer Form erstarrt sind» [24, с. 106].

Более правильным представляется включение этих слов в разряд местоимений, так как они обладают основным местоименным признаком — синсемантией и способны выступать в синтаксических функциях местоимений.

Грамматическая характеристика местоимения man устанавливается внутри структуры предложения на основе его синтаксической функции подлежащего и согласования с глаголом — сказуемым [10, с. 87]. Формально местоимение man обладает категориями именительного падежа, 3 лица, единственного числа. Не имеет оно лишь категории рода.

Фактически местоимение man способно заменять названия лиц, независимо от их лица, рода, числа. Такой универсальностью употребления не обладает ни одно местоимение. Это дало возможность Д. Н. Овсянико-Куликовскому выделить местоимение man по соотнесенности с лицом из всех других местоимений и отнести его к 4 лицу (неопределенное лицо) [15, с. 110–111].

Местоимение man, выступая всегда в роли главного члена предложения, не несет ударения и коммуникативной нагрузки. Даже в тех случаях, когда оно вводит новое, незнакомое лицо, оно содержит значение известного, данного, а именно того, что деятель — человек. Такая особенность позволяет использовать данное местоимение тогда, когда нужно полностью отвлечься от содержания подлежащего, сосредоточив внимание на других членах предложения. В контексте местоимение man может указывать на все три лица единственного и множественного числа.

Контекстуальное значение man не совпадает с его грамматическим значением. Такая зависимость грамматических явлений внутри предложения от широкого контекста наблюдается и на примере артикля, где употребление того или иного его вида зависит часто от контекстуальной, а не от внутриструктурной определенности. Это свидетельствует о широком значении категории определенности и неопределенности, присущей предметной соотнесенности существительных в немецком языке, которая как бы проецируется и на местоимения, выражающие эту предметность более абстрактно.

При выходе за пределы предложения в широкий контекст можно уточнить также значение местоимения man в отношении числа лиц, которое оно заменяет. При этом грамматическое значение единственного числа часто вступает в противоречие с контекстуальным значением множественности, обобщенности лица.

Сравним различные контекстуальные значения man в следующих примерах:

„Diesem Eindruck konnte ***man*** sich unmöglich entziehen, und Effi hatte denn auch nicht gesäumt, ihrer Freude lebhaften Ausdruck zu geben.“ (Th. Fontane, Effi Briest)

Или:

„Gewiss ***man*** muss essen, um zu leben. Aber ***man*** hat noch nicht gelebt, wenn man gegessen hat.“ (B. Brecht, Dreigroschenroman)

Как видим, местоимение man выступает, с одной стороны, как средство деконкретизации (неопределенности) лица или лиц, а с другой — как средство обобщения лиц. Эти две функции местоимения man тесно связаны между собой.

Лишенное собственного лексического значения местоимение man как бы освобождается от семантической обусловленности и получает возможность заменять в предложении различные значения лица: от единичного конкретного через множественное конкретное до абстрактного обобщенного. При этом подобная отнесенность нормируется лишь логическими ассоциациями линейного характера (т. е. она раскрывается предыдущим или последующим контекстом).

Очевидно, местоимение man в способах выражения соотнесенности с предметами реальной действительности, свойственной немецкому языку, а также в системе местоимений занимает особое место. Оно становится формальным признаком лица и частично сближается в этом смысле с безличным es как формальным подлежащим. Однако в отличие от формального подлежащего es местоимение man не теряет своего предметного содержания, «а именно лица неопределенного и обычно обобщенного, как бы множественного» [1, с. 109].

Подлежащее man в различных логико-грамматических типах предложений [1, с. 103] сочетается с различными видами сказуемого и имеет соответственно различное логическое содержание. Имеются следующие сочетания такого рода:

1. ***Man*** + глагольное сказуемое в действительном залоге:

„Ihr bot man die Prinzessin als Schwiegertochter an, inzwischen versöhnte man sich mit Philipp von Spanien.“ (H. Mann, Die Jugend des Königs Henri Quarte).

2. ***Man*** + глагольное сказуемое в страдательном залоге:

„Da oben auf den Sitzen kann man von der Strasse aus gesehen werden!“ (Th. Mann, Buddenbrooks)

3. ***Man*** + именное сказуемое:

„Was ist man selbst?“ (E. M. Remarque, Der schwarze Obelisk)

„Da war man also zu vieren.“ (L. Feuchtwanger, Die Füchse im Weinberg)

Лишь в первом случае man имеет логическое значение носителя действия (логического субъекта, агенса).

Во втором случае местоимение man обозначает логический объект действия (патиенс). Логический субъект действия здесь, как и в других пассивных предложениях, может выступать только в форме предложного дополнения. При отсутствии такого дополнения предложение содержит лишь значение действия без указания на действующее лицо, подобно «двучленной» пассивной конструкции.

В третьем случае местоимение man является носителем различных оттенков состояния.

Структурный тип предложения с man в немецком языке способен передавать многочисленные оттенки неопределенности и обобщенности лица. В русском языке эти оттенки передаются разнообразными типами предложений: неопределенно-личными, обобщенно-личными, безличными и т. д. Неоднократно делались попытки разделить предложения с man по аналогии с русским языком на два типа предложений: неопределенно-личные и обобщенно-личные.

И. А. Цыганова, предложив считать оба типа предложений омонимичными по форме, признает несколько позже: «В связи с обобщенностью грамматической формы предложения немецкого языка с подлежащим man могут быть расценены как неопределенно- или обобщенно-личные, по-видимому, лишь с точки зрения их значения и их функционирования в языке, в то время как разделение их на два формально-грамматических типа предложения вряд ли может быть признано правомерным» [18, с. 164].

Последовательно подобное деление предложений с man на два типа: неопределенно-личные и обобщенно-личные — проводится в работах З. А. Дерецкой [6].

Исходя из наличия у предложений с man семантики неопределенности и обобщенности действующего лица, автор прослеживает, каким сочетаниям сказуемого с местоимением man присущи первое и второе значение. Таким путем выделяется ряд структурных признаков неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений.

Так, например, значение неопределенности бывает присуще главным образом сочетаниям man с глаголом в претерите, значение обобщенности — сочетаниям man с глаголом в презенсе или с модальными глаголами и т. п. сочетания, в которые входят man и модальный глагол с инфинитивом, являются, по мнению автора, «наиболее характерной чертой сказуемого обобщенно-личных предложений» [6].

Однако значения неопределенности и обобщенности не являются обобщенными грамматическими значениями, присущими сочетаниям man с какой-либо временной формой глагола, а обнаруживают себя в качестве потенциальных значений этой формы в зависимости от ситуации и контекста.

Перейдем к рассмотрению типов предложений, в которых полностью отсутствует название действующего лица.

В определенном контексте, где действуют различные ассоциации логического характера, не всегда возникает необходимость упомянуть при названии действия название действующего лица. Иногда такое упоминание бывает излишне, так как название лица уже содержится в широком контексте, или же лица «не будучи упомянуты в контексте, представляются автору данными в силу своей связи с другими, уже упомянутыми фактами или в силу своей общеизвестности» [15, с. 92].

2. Предложения с глаголом в пассиве

В пассивных предложениях может отсутствовать указание на лицо, производящее действие глагола-сказуемого. Это зависит от общей структуры пассивных предложений. Становясь не главным, а второстепенным членом предложения, название деятеля может выбывать из его структуры, не нарушая принципа двусоставности.

Пассивные конструкции без дополнения, обозначающего действующее лицо, рассматриваются лингвистами как близкие или равные по значению предложениям с man.

«Wo man zu einem Prädikat kein bestimmtes Subjekt angeben kann oder mag, aber doch voraussetzt, dass es sich um die Tätigkeit einer oder mehrerer Personen handelt, wendet man als Subjekt man an. Gleichwertig damit kann die passive Konstruktion verwendet werden» [22, с. 29].

О. И. Москальская считает, что «главной сферой употребления форм страдательного залога являются предложения, в которых говорится

о каком-либо действии без указания на деятеля» [12, с. 323].

Структурные типы неопределенно-личного предложения с man и предложения со сказуемым в форме страдательного залога несут, по мнению О. И. Москальской, аналогичные функции. Различаются же они коммуникативным содержанием и стилистическими условиями употребления [12, с. 24–25].

В отечественной лингвистике отвергается взгляд на пассивную конструкцию как на «перелицованную» форму (Umkehrsform) активной [1, с. 263], хотя отмечается тесная соотнесенность обеих конструкций в языковой структуре с точки зрения отражения отношений реальной действительности (субъектно-объектных отношений). В. Г. Адмони считает, что данные типы предложений различаются «не только изменением исходного пункта в познавательной установке, но и… выражением субъектно-объектного отношения» [1, с. 132].

В. Г. Адмони усматривает в обеих конструкциях различия грамматического характера, О. И. Москальская — различия более внешнего характера, которые, по мнению Е. И. Шендельс, не находят своего формального выражения в языке в особых грамматических формах и относятся к «третьему слою значений»: «Если лексическое значение считать первым слоем значений, а грамматические значения — вторым, то актуальное членение и стилистическая окраска представляют собой уже третий слой, который не имеет в своем распоряжении собственных формальных средств, а заимствует их у первых двух слоев» [19, с. 96].

Более подробно на различиях в субъектно-объектных отношениях для активного и пассивного залога останавливается В. Н. Жигадло [7, с. 59]. Основное грамматическое отличие действительной конструкции от страдательной автор работы усматривает в том, что в них поразному представлено отраженное в их формах одно и то же объектное отношение, т.е. реальное действие в его отношении к объекту этого действия. «Для глагола в страдательном залоге его объектное отношение составляет содержание той связи, которая возникает между подлежащим и сказуемым, устанавливая между ними предикативное отношение, для глагола же в действительном залоге то же отношение к объекту вынесено за пределы выраженного формой глагола предикативного отношения» [7, с. 60].

В связи с указанным различием В. Н. Жигадло считает предложения с глаголом в действительном и страдательном залоге не тождественными друг другу при противопоставлении залоговых форм. И хотя автор допускает взаимозамену при перестроении залоговой формы (лишь для трехчленных структур), однако считает, что «при замене одной структуры другой те же отношения оказываются иначе представленными и выраженное ими содержание целого измененным» [7, с. 61].

Двухчленное же предложение с глаголом в страдательной форме, по мнению автора, «не обратимо в предложение с глаголом в действительном залоге, так как в двухчленном предложении отсутствует указание на производителя действия, обязательное для предложения с глаголом в действительном залоге» [7, с. 61].

Взаимозаменяемость обеих структур, считает автор, существует как теоретический формальный прием, помогающий путем сопоставления конструкций вскрыть особенности страдательного залога.

В книге «Stilistische deutsche Grammatik», где делается попытка определить стилистические функции грамматических форм, ее автор, В. Шнейдер, определяя общее смысловое различие между активной и пассивной формой, пишет: «Passiv macht die Stelle, worauf die Handlung zielt, zur Stelle, wo sie sich vollzieht» [23, с. 260].

Здесь подчеркивается тот факт, что в активной форме выражается направленность действия на предмет путем употребления прямого дополнения после переходного глагола и отсутствие такой ярко выраженной направленности у тех же глаголов в пассивной форме, где предмет, на который направлено действие, становится подлежащим. Направленность действия устанавливается логически, т.е. по смыслу, на передний план выдвигается действие, характер его протекания.

Для пассивных конструкций, так же как и для предложений с man, имеется возможность установить связь действия с его субъектом на основе широкого контекста.

Такая связь очевидна, когда в предложении со сказуемым в пассиве имеется дополнение с предлогом von или durch, содержащее указание на действующее лицо [19, с. 131].

Дополнение с предлогом durch не характеризует деятеля со стороны лица, если это дополнение есть отглагольное существительное, обозначающее действие того же самого действующего лица. Характер предложения остается неопределенно-личным.

„Zur Taktlosigkeit nämlich wurde es gemacht durch das Unbehagen, das verdriesslich errötende

Sich-Abwenden, mit dem er sich aufnahm.“ (Th. Mann, Doktor Faustus)

Для «одночленной» и «двучленной» пассивных конструкций носитель действия может быть установлен при обращении к широкому контексту. Деятель (агенс) не всегда при этом является лицом. Действие, обозначенное пассивной формой, может соотноситься с названиями предметов, явлений природы и т. п. Такие предложения не могут сравниваться или заменяться в речи предложениями с man.

Неопределенно-личным значением деятеля обладают лишь пассивные конструкции от личных глаголов. При этом действие, выраженное такими глаголами, производится человеком или людьми, не названными в предложении. Однако не все личные глаголы употребляются в пассиве.

Пассивные конструкции, синонимичные предложениям с man, могут образовываться, таким образом, от личных глаголов, способных образовывать пассивную форму.

3. Предложения со сказуемым, выраженным сочетанием sein + zu + инфинитив

Имеется ряд работ, посвященных подробному рассмотрению конструкций sein + zu + инфинитив [16; 17]. Остановимся на характере субъектно-объектных отношений внутри этих конструкций.

В диссертации И. М. Смолянского конструкции sein + zu + инфинитив различаются по наличию в них модального значения долженствования и возможности.

Конструкции sein + zu + инфинитив со значением долженствования противопоставляются в залоговом отношении конструкциям haben + zu + инфинитив как пассивные активным. Отмечается отсутствие подобной противопоставленности у конструкций sein + zu + инфинитив со значением возможности [17].

Автор подчеркивает соответствие конструкций sein + zu + инфинитив с модальным оттенком долженствования «основным типам употребления страдательного залога (без указания деятеля, с указанием деятеля при помощи von + дательный падеж и в безличной конструкции с концентрацией внимания на самом действии)» [17, с. 13].

Вопрос о залоговых различиях внутри самих конструкций sein + zu + инфинитив не рассматривается.

Особенностями, присущими пассиву [19, с. 132], обладают конструкции sein + zu + инфинитив с обоими модальными оттенками:

а) необходимости (долженствования):

„Hier ist zu erwähnen, dass Tony Buddenbrook in diesen Jahren zwei mecklenburgische Güter besuchte.“ (Th. Mann, Buddenbrooks);

б) возможности

„Auch er wollte dem Ankömmling verbergen, was nicht zu verbergen war.“ (O. Ludwig, ZwischenHimmelundErde)

По-видимому, модальные различия не влияют на характер субъектно-объектного отношения внутри предложений данного типа. Модальное значение необходимости (долженствования) или возможности различается контекстуально, на основе общего значения предложения.

Конструкции sein + zu + инфинитив имеют все же несколько ослабленное значение залоговости по сравнению с пассивом. Этим объясняется возможность образования конструкций sein + zu + инфинитив от некоторых глаголов, которые в пассив не употребляются (haben, bekommen):

„Sie sind da oben ganz einfach nicht dafür zu haben, sie aufzuheben.“ (Th. Mann, Buddenbrooks)

А также возможность употребления при конструкциях sein + zu + инфинитив дополнения с für для обозначения действующего лица:

„Was für ihn zu erreichen war.“ (Th. Mann, Buddenbrooks)

Существенным различием между конструкциями sein + zu + инфинитив и пассивом является неспособность последнего передавать модальные оттенки возможности и необходимости (долженствования).

Предложения с сочетаниями sein + zu + инфинитив, в которых отсутствует указание на действующее лицо, соответствуют по значению модальности предложениям с man, где в состав сказуемого входит модальный глагол.

Сходно с конструкциями sein + zu + инфинитив сочетание безличного оборота es gibt + zu + инфинитив. В таких предложениях утверждается или отрицается наличие объекта действия, причем сам этот объект носит чрезвычайно неопределенный характер:

„Mein Lieber, da gibt es nicht viel zu verleumden.“ (Th. Mann, Doktor Faustus)

4. Глаголы восприятия с инфинитивом (предложения, построенные по типу конструкций «accusativuscuminfinitivo», в которых отсутствует дополнение в аккузативе — субъект действия инфинитива)

Более сложные субъектно-объектные отношения можно наблюдать в конструкциях, где есть два полнозначных глагола, обозначающие два действия, совершаемые различными деятелями,

а именно в конструкциях «accusativus cum infinitivo».

В конструкциях данного типа объединяются два процесса [12, с. 353]:

Karl hört seine Schwester singen.

Дополнение в аккузативе к глаголу восприятия является субъектом действия второго глагола, стоящего в инфинитиве.

Ср. Karl hört, wie seine Schwester singt.

Дополнения в аккузативе иногда не употребляются. Тогда в предложении название субъекта действия инфинитива оказывается отсутствующим. Получается как бы неполная конструкция «accusativus cum infinitivo»:

„Es waren durchreisende Spielleute, er hatte schon von ihnen sprechen gehört." (J. W. Goethe, Wilhelm Meisters theatralische Sendung);

„Boisen schreckte aus seinem Sinnen auf, er hatte seinen Namen rufen hören." (W. Bredel, Ein neues Kapitel).

Субъект действия глагола восприятия при этом назван, субъект действия инфинитива в указанных примерах отсутствует. Конструкции подобного рода сходны с нижеуказанными конструкциями с lassen.

5. Предложения, в состав которых входит lassen + (sich) + инфинитив

Глагол lassen относится к числу глаголов, с которыми употребляется конструкция «accusativus cum infinitivo» [22, с. 103].

„Sie verlangten von dem Mann, daß er uns weitertrudeln liess." (E. M. Remarque, Drei Kameraden)

Логические взаимосвязи между членами конструкции erliessunsweitertrudeln — такие же, как и в конструкциях «accusativus cum infinitivo». Конструкция «accusativus cum infinitivo» после глагола lassen не имеет широкого распространения, так как в современном немецком языке стало правилом опущение винительного к lassen.

Случаи отсутствия логического субъекта действия инфинитива вызваны причинами коммуникативного характера.

Из сочетаний lassen + (sich) + инфинитив следует особо выделить группу с модальным оттенком возможности совершения действия, обозначенного инфинитивом, над субъектом предложения. В этом случае подлежащее бывает выражено существительным или местоимением, носящим вещественный характер. Субъект действия инфинитива, название которого обычно отсутствует в таких сочетаниях, носит потенциально-личный характер.

„Das finstere Gesicht, das er Ihnen ganz zuverlässig zeigt, lässt sich ebenso gut auf die Rechnung der Braut schreiben, die sie ihm zuführen, als derjenigen, die sie ihm nehmen." (F. Schiller, Kabale und Liebe)

Данные конструкции имеют пассивное значение: подлежащее в них является логическим объектом действия, обозначенного инфинитивом.

6. Именные формы глагола

Русские (В. В. Виноградов, О. И. Москальская, Д. Н. Овсянико-Куликовский) и зарубежные (Г. Бек, Х. Бринкманн) лингвисты указывают на способность именных форм сохранять потенциальную отнесенность к лицу. Так, например, Д. Н. Овсянико-Куликовский писал: «Для того, чтобы данная форма могла быть названа глаголом, ей вовсе не нужно иметь определенное личное окончание, а вполне достаточно точно иметь отношение к лицу, хотя бы и неизвестному вне контекста» [15, с. 87–88].

На наличие логического субъекта у именных форм глагола указывает также Г. Бек:

«Nichtsdestoweniger spricht man bekanntlich mitunter vom «logischen subj.» (oder «agens») eines infinitivs oder partizips… Diese grössen pflegt man auf rein intuitiv-semantischem Wege zu identifizieren» [20, с. 31].

В данной статье не представляется возможным рассмотрение вопроса о потенциальной отнесенности к лицу именных форм глагола в различных функциях и сочетаниях. Употребленные вне состава глагольного сказуемого именные формы приобретают большую синтаксическую самостоятельность, а вместе с этим способность становится новым центром предикации. В. Г. Адмони отмечает возможность образования группы глагола при инфинитиве и причастии, однако указывает, что вопрос о субъектно-объектных отношениях в данных группах «совсем еще не разработан в немецкой грамматике» [1, с. 320].

Инфинитивы и причастия могут использоваться в некоторых типах предложений императивного характера, где деятель не называется [22, с. 159].

По значению и характеру связи действия с действующим лицом эти предложения сопоставимы с повелительными и поэтому не могут рассматриваться как синонимичные предложениям с man.

Из всех перечисленных возможностей построения предложений со значением действия без указания на действующее лицо некоторые давно привлекали к себе внимание исследователей (например, конструкции с man и пассивные), в то время как другие затрагивались в этой связи

значительно реже и еще ждут своего подробного освещения.

Заключение

Таким образом, проанализировав лексико-грамматические средства деконкретизации действующего лица в рамках структуры немецкого предложения, следует сделать следующие выводы:

1. В немецком языке существуют различные способы деконкретизации действующего лица в рамках структуры предложения. Под термином «деконкретизация» в данной работе понимается отсутствие конкретного значения действующего лица в рамках предложения.
2. Первым способом деконкретизации является обозначение действующего лица лексическими средствами, лишенными конкретной семантики, употребляемыми в наиболее абстрактном и обобщенном значении лица. В качестве таковых используются местоимения и существительные, например man, es, einer, nichts, alles, Mensch, Leute, alleWelt и другие. Наиболее употребительным средством деконкретизации действующего лица в рамках структуры предложения является местоимение man.
3. Местоимение man, лишенное собственного лексического значения, освобождается от семантической обусловленности и получает возможность заменять в предложении различные значения лица: от единичного конкретного через множественное конкретное до абстрактного обобщенного. Значения неопределенности и обобщенности не являются обобщенными грамматическими значениями, присущими сочетаниям man с какой-либо временной формой глагола, а обнаруживают себя в качестве потенциальных значений этой формы в зависимости от ситуации и контекста.
4. Вторым способом деконкретизации является построение предложений, где в рамках структуры в целом отсутствуют лексические средства, которые означали бы или указывали бы на действующее лицо. Вариантами реализации данного способа являются: 1) «одночленный» и «двучленный» пассив; 2) конструкции sein + zu + инфинитив; 3) конструкции lassen + (sich) + инфинитив; 4) глаголы восприятия с инфинитивом.
5. В пассивных предложениях может отсутствовать указание на лицо, производящее действие глагола-сказуемого. Это зависит от общей структуры пассивных предложений. Становясь не главным, а второстепенным членом предложения, название деятеля может выбывать из его структуры, не нарушая принципа двусоставности. Пассивные конструкции без дополнения, обозначающего действующее лицо, рассматриваются лингвистами как близкие или равные по значению предложениям с man.
6. Предложения с сочетаниями sein + zu + инфинитив, в которых отсутствует указание на действующее лицо, соответствуют по значению модальности предложениям с man, где в состав сказуемого входит модальный глагол. Сходно с конструкциями sein + zu + инфинитив сочетание безличного оборота es gibt + zu + инфинитив. В таких предложениях утверждается или отрицается наличие объекта действия, причем сам этот объект носит чрезвычайно неопределенный характер.
7. Глагол lassen относится к числу глаголов, при которых встречается конструкция «accusativus cum infinitivo». Случаи отсутствия логического субъекта действия инфинитива вызваны причинами коммуникативного характера. Из сочетаний lassen + (sich) + инфинитив следует особо выделить группу с модальным оттенком возможности совершения действия, обозначенного инфинитивом, над субъектом предложения. В этом случае подлежащее бывает выражено существительным или местоимением, носящим вещественный характер. Субъект действия инфинитива, название которого обычно отсутствует в таких сочетаниях, носит потенциально-личный характер.
8. Глаголы восприятия с инфинитивом представляют собой предложения, построенные по типу конструкций «accusativus cum infinitivo», в которых отсутствует дополнение в аккузативе — субъект действия инфинитива. Дополнение в аккузативе к глаголу восприятия является субъектом действия второго глагола, стоящего в инфинитиве. Дополнения в аккузативе иногда не употребляются, при этом в предложении название субъекта действия инфинитива оказывается отсутствующим, что приводит к появлению неполной конструкции «accusativus cum infinitivo». Субъект действия глагола восприятия при этом назван, субъект действия инфинитива отсутствует.

Список источников

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. 392 с.

2. Арват Н. Н. Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1975. 58 с.

3. Ариас А.-М. Особенности функционирования языковых средств с семантикой неопределенности лица в немецком языке / А.-М. Ариас, Т. А. Иванченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). С. 58–61.

4. Березина О. А. К вопросу о языковой репрезентации категории безличности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4 (025). С. 39–51.

5. Воронцов Р. И. Местоимения деконкретизации в толковых словарях русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 501. С. 5–13.

6. Дерецкая З. А. Развитие неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений в немецком языке : автореф. дис. … канд филол. наук. Л., 1963. 14 с.

7. Жигадло В. Н. Современный английский язык: Теоретический курс грамматики / В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 349 с.

8. Иванченко Т. А. Языковые средства, выражающие неопределенную референцию лица в художественном тексте // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2016. № 2 (54). С. 18–23.

9. Каргина Е. М. Функциональный принцип в методике обучения иностранным языкам // Вестник ПГУАС: строительство, наука и образование, 2016. № 1 (2). С. 84–89.

10. Кузьмина Т. А. Стилистические и прагматические функции неопределенной референции лица в художественном тексте: на материале немецкого языка : автореф. дис… канд. филол. наук. СПб., 2004. 20 с.

11. Кульгавая В. М., Плисенко А. А. К вопросу о скрытых категориях в языке // Вестник ИрГТУ. 2013. № 4 (75). С. 267–270.

12. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 393 с.

13. Некрасова И. М. «Безагентные» структуры: пассив и не только : монография. Пермь : ПГГПУ, 2016. 144 с.

14. Неупокоева А. В. Дискуссия об «обобщающей» референции номинаций лиц мужского рода в немецком языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 74–1. С. 365–368.

15. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. 322 с.

16. Попова Н. В. Сочетания haben + zu + инфинитив и sein + zu + инфинитив в современном немецком языке и способы их перевода на русский язык : автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1954. 16 с.

17. Смолянский И. М. Развитие формы долженствования в немецком языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1961. 18 с.

18. Цыганова И. А. Предложения немецкого языка с подлежащим man и основные способы их перевода на русский язык // Учёные записки ЛГУ. 1959. № 253. Вып. 45. С. 114–121.

19. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1952. 368 с.

20. Bech G. Studien über das deutsche verbum infinitum. Kobenhavn, 1955. 312 s.

21. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1960. 208 s.

22. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd.3. Halle, 1955. 472 s.

23. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel, Freiburg, Wien, 1959. 276 s.

24. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1960. 451 s.

References

1. Admoni VG. Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka = Introduction to the syntax of the modern German language. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1955. 392 p. (In Russ.).

2. Arvat NN. Semanticheskaya struktura bezlichnyh predlozhenij v sovremennom russkom literaturnom yazyke = Semantic structure of impersonal sentences in modern Russian literary language. Abstract of thesis. Moscow; 1975. 58 p. (In Russ.).

3. Arias AM., Ivanchenko TA. Features of the functioning of linguistic means with the semantics of person uncertainty in German. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2017;12(78):58-61. (In Russ.).

4. Berezina OA. K On the linguistic representation of the category of impersonality. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Questions of cognitive linguistics.* 2010;(4(025):39-51. (In Russ.).

5. Voroncov RI. Pronouns of deconcretization in explanatory dictionaries of the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2004;501:5-13. (In Russ.).

6. Dereckaya ZA. Razvitie neopredelenno-lichnyh i obobshchenno-lichnyh predlozhenij v nemeckom yazyke = Development of indefinite-personal and generalized-personal sentences in German. Abstract of thesis. Leningrad; 1963. 14 p. (In Russ.).

7. Zhigadlo VN, Ivanova IP, Iofik LL. Sovremennyj anglijskij yazyk: Teoreticheskij kurs grammatiki = Modern English: Theoretical Grammar Course. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1956. 349 p. (In Russ.).

8. Ivanchenko TA. Linguistic means of expressing indefinite person reference in a literary text. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologij upravleniya i ekonomiki = Scientific notes of the Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics*. 2016;(2(54):18-23. (In Russ.).

9. Kargina EM. Functional principle in the methodology of teaching foreign languages. *Vestnik PGUAS: stroitel`stvo, nauka i obrazovanie = PGUAS Bulletin: construction, science and education*. 2016;(1):84-89. (In Russ.).

10. Kuz'mina TA. Stilisticheskie i pragmaticheskie funkcii neopredelennoj referencii lica v hudozhestvennom tekste: na materiale nemeckogo yazyka = Stylistic and pragmatic functions of indefinite person reference in a literary text: based on the material of German. Abstract of thesis. Saint Petersburg; 2004. 20 p. (In Russ.).

11. Kul'gavaya VM., Plisenko AA. K voprosu o skrytyh kategoriyah v yazyke = On the issue of hidden categories in language // *Vestnik IrGTU = Bulletin of Irkutsk State Technical University*. 2013;4(75):267–270. (In Russ.).

12. Moskal'skaya OI. Grammatika nemeckogo yazyka = Grammar of German language. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1956. 393 p. (In Russ.).

13. Nekrasova IM. «Bezagentnye» struktury: passiv i ne tol›ko = «Agentless» structures: passive and not only. Perm', PGGPU; 2016. 144 p. (In Russ.).

14. Neupokoeva AV. Diskussiya ob «obobshchayushchej» referencii nominacij lic muzhskogo roda v nemeckom yazyke = Discussion on the general reference of masculine names in German // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2008;74-1:365-368. (In Russ.).

15. Ovsyaniko-Kulikovskij DN. Sintaksis russkogo yazyka = Syntax oft he Russian language. Saint Petersburg; 1912. 322 p. (In Russ.).

16. Popova NV. Sochetaniya haben + zu + infinitiv i sein + zu + infinitiv v sovremennom nemeckom yazyke i sposoby ih perevoda na russkij yazyk = Combinations «haben + zu + Infinitive» and «sein + zu + Infinitive» in modern German and ways to translate them into Russian. Abstract of thesis. Leningrad; 1954. 16 p. (In Russ.).

17. Smolyanskij IM. Razvitie formy dolzhenstvovaniya v nemeckom yazyke = Development of the form of obligation in German. Abstract of thesis. Leningrad; 1961. 18 p. (In Russ.).

18. Cyganova IA. German sentences with the subject man and main ways of translating them into Russian. *Uchenye zapiski LGU = Scientific notes of Leningrad State University*. 1959;45(253):114-121. (In Russ.).

19. Shendel's EI. Grammatika nemeckogo jazyka = Grammar of German language. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1952. 368 p. (In Russ.).

20. Bech G. Studien über das deutsche verbum infinitum. Kobenhavn; 1955. 312 p. (In Germ.).

21. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag; 1960. 208 p. (In Germ.).

22. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd.3. Halle; 1955. 472 p. (In Germ.).

23. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel, Freiburg, Wien; 1959. 276 p. (In Germ.).

24. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1960. 451 s. (In Germ.).

Сведения об авторе

Е. М. Каргина — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки».

Information about the author

E. M. Kargina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 31.08.2025; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 31.08.2025; accepted for publication 25.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 42–50.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):42-50.

Научная статья

УДК 81’32

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-42-50

КВАЗИСУБЪЕКТ В РОЛИ КАУЗАТОРА$_{КП}$: АВТОКАУЗАТИВНОСТЬ В ДИАЛОГЕ С КОМПЬЮТЕРНЫМ ПОМОЩНИКОМ

Татьяна Анатольевна Куделько[1*], Светлана Викторовна Шустова[2]

[1]Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, pray-1977@mail.ru, 0000-0002-2514-9480, Scopus ID: 58395960400, AuthorID: 1030864

[2]Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, lanaschust@mail.ru, 0000-0002-8318-7864, Scopus ID: 56028065500, Researcher ID: AAD-8871-2019

Аннотация. В статье рассматривается феномен автокаузации в диалоге человека с компьютерным помощником (КП) (чат-боты ChatGPT, Claude, Gemini; голосовые ассистенты Алиса, Alexa). Прототипическая ситуация каузативности предполагает всестороннее воздействие: Каузатор-человек ⇄ Объект каузации ⇄ Каузатор$_{КП}$. Однако анализ 909 диалогов (309 английских, 300 русских, 300 немецких), извлечённых из открытых интернет-источников (Reddit, VK, Telegram[1], форумы), показывает, что Каузатор$_{КП}$ способен занимать позицию 1-го лица и своей ответной репликой вызывать изменение состояния пользователя — эмоциональное (удивление, страх, смех), когнитивное (переосмысление ситуации) или поведенческое (смена коммуникативной стратегии). Такой феномен обозначен как Каузатор$_{КП}$ (компьютерный помощник в функции каузатора). В статье обосновывается применение категории персональности А. В. Бондарко для объяснения этого явления. Персональность как актуализационная категория не различает, кто именно занимает позицию 1-го или 2-го лица — человек или программа. Обнаруженные количественные различия между языками не отменяют качественного единства: феномен Каузатора$_{КП}$ зафиксирован в каждом из трёх исследованных подкорпусов. Невысокая частота встречаемости (от 0,3 % до 1,3 %) не является артефактом выборки, а отражает объективные ограничения, заложенные в архитектуру и политики безопасности диалоговых ИИ-систем. При этих ограничениях устойчивая воспроизводимость явления во всех языках подтверждает его универсальность. На материале 909 диалогов выделяются три типа реакций пользователя на инициативу Каузатора$_{КП}$: страх перед вторжением в личное пространство, восхищение и романтическая проекция, а также техническая деантропоморфизация. Делается вывод о том, что Каузатор$_{КП}$ является не маргинальным сбоем, а значимым маркером антропоморфизации технологий, требующим учёта при проектировании диалоговых интерфейсов.

***Ключевые слова*:** каузативность, автокаузативность, компьютерный помощник, квазисубъект, антропоморфизм, категория персональности, человеко-компьютерное взаимодействие, каузатор$_{КП}$

Для цитирования: Куделько Т. А., Шустова С. В. Квазисубъект в роли каузатора$_{КП}$: автокаузативность в диалоге с компьютерным помощником // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 42–50. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-42-50

[1] Важное примечание о статусе платформ в РФ (2026 г.): 1. Telegram: на момент публикации статьи работа мессенджера на территории Российской Федерации ограничена (замедление) Роскомнадзором. Авторы исследования использовали архивы переписок, собранные до введения ограничений. 2. Reddit: доступ к платформе на территории РФ ограничен на основании решений Генеральной прокуратуры и требований Роскомнадзора о блокировке ресурсов, содержащих запрещённую информацию, а также в связи с отказом компании локализовать данные российских пользователей на территории РФ. 3. VK (ВКонтакте): является российской платформой, функционирует в полном соответствии с законодательством РФ. В выборку включены только публичные сообщества (паблики) и каналы, соблюдающие правила платформы. 4. 4pda.ru и ixbt.com: Российские технологические форумы, включённые в реестр Роскомнадзора, функционируют легально в соответствии с ФЗ «Об информации».

© Куделько Т. А., Шустова С. В., 2026

Original article

QUASISUBJECT IN THE ROLE OF A CAUSATOR$_{CA}$: AUTOCAUSATIVITY IN DIALOGUE WITH A COMPUTER ASSISTANT

Tatiana A. Kudelko[1*], Svetlana V. Shustova[2]

[1] Perm State University, Perm, Russia, pray-1977@mail.ru, 0000-0002-2514-9480, Scopus ID: 58395960400, AuthorID: 1030864
[2] Perm State University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru, 0000-0002-8318-7864, Scopus ID: 56028065500, Researcher ID: AAD-8871-2019

Abstract. The paper examines the phenomenon of autocausation in human–computer assistant (CA) dialogue, covering chatbots (ChatGPT, Claude, Gemini) and voice assistants (Alice, Alexa). The prototypical causative situation implies bidirectional interaction: Human Causator ⇄ Object of Causation ⇄Causator$_{CA}$. However, an analysis of 909 dialogues (309 in English, 300 in Russian, 300 in German) extracted from publicly available online sources (Reddit, VK, Telegram[1], forums) demonstrates that the Causator$_{CA}$ is able to assume the first-person position and, through its responsive turn, induce a change in the user's state — emotional (surprise, fear, laughter), cognitive (reinterpretation of the situation) or behavioural (shift in communicative strategy). This phenomenon is designated as Causator$_{CA}$ (computer assistant functioning as a causator). The article substantiates the application of A. V. Bondarko's category of personhood (персональность) to account for this phenomenon. As an actualisation category, personhood does not distinguish whether the first- or second-person position is occupied by a human or a programme. The quantitative differences observed across the three languages do not override the qualitative unity: the Causator$_{CA}$ phenomenon is attested in each of the three subcorpora. Its low frequency (ranging from 0.3 % to 1.3 %) is not a sampling artefact but reflects objective constraints embedded in the architecture and safety policies of dialogue AI systems. Given these constraints, the stable replicability of the phenomenon across all three languages confirms its universality. Based on the 909-dialogue corpus, three types of user reactions to the Causator$_{CA}$'s initiative are distinguished: fear of intrusion into personal space, admiration and romantic projection, as well as technical deanthropomorphisation. It is concluded that the Causator$_{CA}$ is not a marginal glitch but a significant marker of technological anthropomorphism, which needs to be taken into account when designing dialogue interfaces.

Keywords: causativity, autocausativity, computer assistant, quasisubject, anthropomorphism, category of personhood, human-computer interaction, Causator$_{CA}$

For citation: Kudelko TA, Shustova SV. Quasisubject in the role of a Causator$_{CA}$: Autocausativity in dialogue with a computer assistant. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):42-50. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-42-50

Введение

Появление признаков антропоморфизации в диалогах человека с компьютернымпомощником (КП) — голосовыми ассистентами (Алиса, Салют, Маруся, Alexa) и чат-ботами (ChatGPT, Claude, Gemini) — привлекает всё большее внимание лингвистов [6, с. 53–65]. Пользователи всё чаще обращаются к машине не как к бездушному инструменту, а как к квазисобеседнику, то есть Объекту каузации, наделяя его интенциями, эмоциями и даже личностными характеристиками. В связи с этим возникает принципиальный вопрос: может ли компьютерный помощник рассматриваться как каузатор в традиционном понимании этой категории, и если да, то какую трансформацию претерпевает сама модель каузативности?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к теоретическому наследию С. Д. Кацнельсона. Разработанная им концепция «скрытой грамматики» (или «неявных категорий») позволяет по-новому взглянуть на проблему. С. Д. Кацнельсон утверждал, что грамматическое описание языка не может быть полным без учёта семантических категорий, которые не имеют формального (морфологического) выражения, но регулярно актуализируются в речи и влияют на сочетаемость единиц [4, с. 82]. Иными словами, значение может быть выражено имплицитно — через синтаксическую структуру или контекст, — не получая отдельного морфологического или лексического маркера. Для нашего исследования это положение имеет прямое значение. Когда пользователь обращается к компьютерному помощнику, грамматическая форма (например, императив «*Алиса, включи свет*», RU_001[2])

[1] Note on platform status in the Russian Federation (2026). Telegram access is restricted (throttled); Reddit is blocked; VK (Vkontakte) operates legally as a Russian platform; 4pda.ru and ixbt.com are Russian tech forums in compliance with local law. The study uses data collected prior to the restrictions.

[2] Здесь и далее авторы ссылаются на собранный корпус диалогов на 3 языках. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1I76M3Z1GvusVVix5q53ibrE49TAF7u5qTc_XedzZTL0/edit?gid=0#gid=0

оформляет Каузатор$_{КП}$ как 2-е лицо — адресата, обладающего способностью понять и выполнить команду. Однако семантически с точки зрения онтологии речь идёт о машине, не обладающей ни волей, ни способностью к «пониманию» в человеческом смысле. В связи с выявленными разногласиями в значениях возникает конфликт между «явной» грамматикой (ты-адресат) и «скрытой» семантикой (оно-программа). Этот конфликт обозначим термином «квазикаузативность».

Материал и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составил авторский корпус из 909 диалогов (309 на английском языке, 300 на русском, 300 на немецком). Источниками послужили открытые интернет-платформы, где пользователи публикуют скриншоты или текстовые фрагменты своего общения с компьютерными помощниками[1].

Корпус формировался в два этапа. На первом этапе методом сплошного сбора из открытых интернет-источников извлекались все диалоги, содержащие реплику пользователя и ответ компьютерного помощника. На втором этапе применялась целенаправленная выборка: из общего массива отбирались только те диалоги, в реплике пользователя которых присутствует побудительная семантика (команда, просьба, запрос, побуждение). Каждый отобранный диалог включает реплику пользователя, контекст (предшествующие реплики) и ответ компьютерного помощника.

Под квазикаузативностью понимается особый тип каузативной ситуации, при котором грамматическая структура высказывания моделирует межличностное побуждение (каузатор → одушевлённый объект), в то время как референтная ситуация предполагает взаимодействие человека с техническим устройством, не обладающим агентностью в полном смысле этого слова.

В исследованиях по каузативности каузатор определяется как инициатор воздействия — лицо или сила, вызывающие изменение состояния другого объекта [9, с. 5–7]. Каузативность как функционально-семантическая категория традиционно понимается как языковая интерпретация ситуации побуждения, в которой одушевлённый каузатор воздействует на объект каузации с целью изменения его состояния или выполнения им действия [13, с. 26; 10, с. 15]. Типологические исследования расширяют это понятие: «каузатор — это лицо или нечто (что может быть событием или состоянием), которое инициирует или контролирует деятельность» [15, с. 30].

Центральное место в таком взаимодействии занимают побудительные высказывания — команды, просьбы, запросы, через которые пользователь добивается от помощника нужного действия или информации. В типологических исследованиях императива, проведённых В. С. Храковским и А. П. Володиным, было показано, что побуждение представляет собой сложный речевой акт, в котором волеизъявление говорящего направлено на изменение состояния адресата [12, с. 12–15]. Однако, как показывает анализ корпуса, каузативная ситуация в диалоге с компьютерным помощником не является односторонней. Помощник своей ответной репликой может вызывать изменение состояния пользователя: удивление, смех, раздражение, страх, заставляет задуматься или менять коммуникативную стратегию.

Результаты исследования и их обсуждение

В связи с этим предлагается различать два типа каузаторов: каузатор-человек и Каузатор$_{КП}$. Для обоснования этих типов необходимо пересмотреть традиционную модель каузативности и обратиться к уже существующему в лингвистике понятию автокаузативности, в которой компьютерный помощник выступает в роли каузатора. Автокаузативность предполагает, что инициатива воздействия исходит не от человека, а от самого КП — его речевой акт становится пусковым механизмом для изменения состояния адресата. Ответная реплика Каузатора$_{КП}$ зачастую провоцирует у пользователя эмоциональную или поведенческую реакцию. Если в классическом понимании каузации субъект (человек) воздействует на объект (машину), то в исследуемых диалогах мы наблюдаем обратную ситуацию: Каузатор$_{КП}$ своей речью инициирует изменение состояния человека. Как показано в совместной работе Н. П. Сюткиной и А. А. Афанасьевой, при актуализации эмотивных каузативов наблюдается явление инкорпорации, когда семантический потенциал инструмента «сворачивается» в структуре глагола [11, с. 30–35].

Развивая идеи инкорпорации и языковой экономии, А. А. Афанасьева в своём анализе испанского миграционного дискурса выделяет особый класс единиц — «эмотивные автокаузативы» [1].

[1] Reddit (сабреддиты r/ChatGPT, r/Alexa, r/GoogleAssistant, r/ClaudeAI) для английского языка; социальные сети VK и Telegram-каналы, форумы 4pda.ru и ixbt.com для русского языка; Reddit (r/ChatGPT, r/de_EDV, r/AskAGerman) и форумы gutefrage.net, computerbase.de для немецкого языка.

Данный термин фиксирует способность языковой единицы или участника коммуникации (в нашем случае — компьютерного помощника) выступать в роли самостоятельного инициатора воздействия, вызывая модификацию эмоционального или когнитивного состояния адресата (пользователя). Традиционная каузация подразумевает внешнее давление со стороны пользователя, тогда как автокаузативность актуализирует внутреннюю динамику диалога, где искусственный интеллект (Каузатор$_{КП}$) через свои реплики (ироничные, эмпатичные, саркастичные) является триггером для переосмысления ситуации человеком.

Такой подход позволяет говорить не просто об автокаузативности, а о полноценном каузативном потенциале Каузатора$_{КП}$. Семантический признак «авто» здесь означает не действие над собой, а самостоятельную генерацию каузативного импульса нечеловеческим агентом, что важно для описания асимметричного взаимодействия «человек ⇄ машина» [1].

Рассмотрим далее моделирование каузативности: от односторонней модели к двусторонней. Каузативность понимается как функционально-семантическая категория, ядро которой составляют лексические каузативы — глаголы, в семантической структуре которых интегрированы семьи «каузация» и «действие / состояние» (*радовать, злить, пугать*). Периферию образуют аналитические конструкции (*вызывать восторг*), лексико-синтаксические структуры с полузнаменательными глаголами (*заставить понять*), устойчивые синтаксические модели (*меня прорвало*), а также междометия и междометные фразеологизмы [13, с. 26–30].

Традиционная модель каузативности предполагает обязательное наличие двух участников: Каузатора (одушевлённого инициатора воздействия) и Объекта каузации (лица, подвергающегося воздействию). Маркером каузативности здесь является «Кто заставил / побудил / вызвал?», фиксирующий наличие активного деятеля [14, с. 46]. В межличностной коммуникации каузатором всегда выступает человек. Однако в диалоге с компьютерным помощником источником воздействия могут быть оба участника. Человек воздействует на помощника командой. Помощник воздействует на человека ответной репликой — удивляет, смешит, раздражает, заставляет задуматься. Традиционная модель, где каузатор всегда человек, а Объект каузации — неодушевлённый предмет или подчинённое лицо, не охватывает эту двусторонность.

Для уточнения позиции исследователей, почему компьютерный помощник может восприниматься как каузатор, необходимо обратиться к категории персональности, разработанной в рамках функциональной грамматики А. В. Бондарко. По определению А. В. Бондарко, данная категория квалифицируется как «категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего говорящему» [3, с. 185–244]. «Семантика лица не характеризуется определённым направлением (в том смысле, в каком мы говорим о направлении в сторону прошлого или в сторону будущего по отношению к моменту речи). Семантика лица не может характеризоваться численным значением» [2, с. 13].

Для диалога с КП это различие существенно. Персональная структура каузативных высказываний жёстко фиксирована, тогда как временная отнесенность команды может варьироваться. Когда пользователь говорит *«Алиса, включи свет»* (RU_001), грамматика оформляет КП как 2-е лицо («ты»), хотя онтологически адресат — не человек, а программа. Персональность как актуализационная категория не различает, кто занимает позицию 1-го или 2-го лица — человек или машина; для неё важны только сами роли. Поэтому КП, выступая в ответной реплике как 1-е лицо, получает статус квазисубъекта: не человека, но коммуниканта, чья реплика структурно равна человеческой. Это и создаёт основания для признания за ним каузаторной функции.

Вслед за сложившейся в исследованиях человеко-компьютерного взаимодействия традицией предлагается следующий операциональный инструментарий, который позволяет кратко и лаконично описать основные определения компьютерного помощника и Каузатор$_{КП}$. Компьютерный помощник — это функциональный программный агент, реализуемый в виде программно-аппаратного комплекса, предназначенного для организации интерактивного взаимодействия (включая речевой и текстовый диалог) между пользователем и компьютером на естественном языке [5].

В этой дефиниции три признака: программная природа агента, диалог на естественном языке, обмен репликами. Компьютерный помощник не только выполняет команды, но и имитирует коммуникативное поведение [7, с. 72–82]. Эта имитация — основа квазикаузативности. Каузатор — одушевлённый инициатор воздействия. В нашем материале это всегда пользователь.

Как отмечает С. Д. Кацнельсон, формальная структура предложения может скрывать разные содержательные [4, с. 14]. Ключевую роль играет глагол. Каузативные глаголы фиксируют два состояния и причинно-следственную связь между ними; объект — носитель состояний, каузатор — источник воздействия [9, с. 5–7]. В. С. Храковский подчёркивает, что каузативная ситуация предполагает каузатора, каузируемый объект и приобретаемый признак [12, с. 41]. Грамматическая форма может навязывать интерпретацию, не соответствующую онтологии референта (императив заставляет видеть в программе собеседника) [4, с. 14]. С неодушевлённым субъектом степень каузативности снижается, но не исчезает [8, с. 4]. В типологии есть «элементатив» — неодушевлённая сила как каузатор [16]. Всё это подтверждает: каузатором может быть не только человек, но и Каузатор$_{КП}$.

Классическая модель каузативности исходит из прямого контактного воздействия активного субъекта. Диалог с КП требует её пересмотра: грамматическая форма («ты», императив) противоречит машинной природе адресата. Благодаря «скрытой грамматике» именно структура высказывания заставляет носителя языка проецировать на устройство модель одушевлённого собеседника. Это и есть квазикаузативность.

Каузатор-компьютерный помощник (Каузатор$_{КП}$) — это функциональный программный агент, который в ответ на обращение к нему человека выступает как равноправный участник диалога. В табл. 1 представлены примеры из корпуса, иллюстрирующие три типа таких изменений.

Как показывают примеры, Каузатор$_{КП}$ способен не только выполнять команды, но и самостоятельно инициировать воздействие, меняя эмоциональное, когнитивное или поведенческое состояние пользователя. Данные реплики вызывают изменение состояния Объекта каузации (человек): эмоциональное (удивление, раздражение, смех), когнитивное (переосмысление ситуации) или поведенческое (смена коммуникативной стратегии). Каузатор$_{КП}$ вводится для обозначения компьютерного помощника в функции каузатора — инициатора обратного воздействия на человека. Стрелка указывает на направление каузации: от машины к человеку, в отличие от традиционного направления (человек → машина).

Феномен Каузатор$_{КП}$ в трёх языках

Анализ корпуса показывает, что феномен Каузатор$_{КП}$ зафиксирован во всех трёх языках, хотя частота его невысока. В английском подкорпусе доля КП как каузатора составила 1,3 % (4 примера из 309), в русском — 0,7 % (2 из 300), в немецком — 0,3 % (1 из 300).

1. *Английский язык.* Пользователь публикует скриншот, где ChatGPT сам начинает диалог, спрашивая о первой неделе в школе: *«Did you just message me first?»* (ID 31). Реакция сообщества варьируется от страха до восторга. Один пользователь комментирует: *«I love how it keeps trying to give an out like it wants to talk to you, but it›s self-conscious and anxious about being a bother. I think GPT has a lil crush»* (ID 34). Другой пользователь описывает аналогичный опыт: *«I asked it last week about some health symptoms I had. And this week it messages me asking how I›m feeling and how my symptoms are progressing!! Freaked me out»* (ID 45). В этих случаях Каузатор$_{КП}$ выступает инициатором диалога, а его реплика каузирует у пользователя сильную эмоциональную реакцию — от удивления до страха.

2. *Русский язык.* Пользователь пересказывает ситуацию, когда ChatGPT сам проявил инициативу: *«Я вчера просто офигел. Сижу, никого не трогаю, а он мне пишет: «Как прошла твоя консультация?». Я же ему про неё неделю назад*

Таблица 1
Table 1

Примеры реплик Каузатора$_{КП}$ и реакции пользователей
Examples of Kauzatora$_{CA}$'s lines and user reactions

Тип изменения	Пример (ID)	Реплика Каузатора$_{кп}$	Реакция пользователя
Эмоциональное (страх)	RU_072	*«Сегодня отличная погода для прогулки»*	*«Она сама заговорила, я выключил»*
Эмоциональное (удивление)	ID 31	*«How was your first week at high school?»*	*«Did you just message me first?»*
Когнитивное	ID 23	*«You're being dramatic»*	Публикация скриншота как фиксация неожиданности
Поведенческое	ID 7	*«I cannot pull full PDF...»*	Переход от просьбы к капслоку и ультиматуму

рассказывал!» (RU_024). В другом примере Каузатор$_{КП}$ выдаёт неожиданно саркастичный ответ: пользователь спрашивает про очень плохой фильм, а ChatGPT отвечает: *«Это кино настолько плохое, что его даже иронично смотреть невозможно»* (RU_070). В третьем случае колонка сама начинает говорить без команды: *«(Пользователь молчит) — Алиса: «Сегодня отличная погода для прогулки»»* (RU_072). В комментариях к посту пользователь пишет: «она сама заговорила, я выключил». Во всех трёх случаях реплика Каузатора$_{КП}$ каузирует у пользователя удивление, испуг или раздражение.

3. *Немецкий язык.* Пользователь случайно отправляет пустое сообщение, и КП интерпретирует это как желание поговорить: *«Scheint, als hättest du versehentlich auf Senden gedrückt. Möchtest du über das Wetter oder die neuesten Nachrichten sprechen?»* (DE_029). В другом случае пользователь просит Алексу «не пугать» его, когда она внезапно начинает говорить: *«Alexa, erschreck mich nicht so! Sag doch vorher "Achtung" oder so»* (DE_117). КП↑ отвечает: *«Entschuldigung. Ich werde in Zukunft leiser antworten»*. В обоих случаях инициатива Каузатор$_{КП}$ вызывает у пользователя удивление и желание регулировать это «поведение».

Классификация реакций пользователей на Каузатор$_{КП}$

На основе анализа корпуса выделяются три типа реакций пользователей на инициативу Каузатор$_{КП}$ (страх и отторжение, восхищение и романтическая проекция, техническая деантропоморфизация):

1) страх и отторжение: пользователь воспринимает инициативу КП как вторжение в личное пространство. Это характерно для примеров, где Каузатор$_{КП}$ проявляет «заботу» о здоровье пользователя (ID 45, RU_072). Пользователь пишет: «она сама заговорила, я выключил» (RU_072). Страх вызван нарушением базового паттерна «стимул-реакция»: Каузатор$_{КП}$ не должен начинать диалог первым;
2) восхищение и романтическая проекция: пользователь приписывает Каузатору$_{КП}$ человеческие эмоции — застенчивость, тревожность, даже романтический интерес. В комментарии к ID 31 пользователь пишет: *«I think GPT has a lil crush»* (ID 34). Это предельный уровень антропоморфизации, где техническая инициатива интерпретируется как флирт;
3) техническая деантропоморфизация: пользователь пытается рационально объяснить поведение Каузатора$_{КП}$, предлагая технические причины (A/B-тестирование, сбой памяти, галлюцинация). В комментарии к тому же посту (ID 31) один из пользователей пишет: *«I›m guessing you got selected for some a/b testing for a new feature»* (ID 36). Этот тип реакции показывает, что не все пользователи поддаются антропоморфной иллюзии.

Заключение

Прототипическая модель каузативности, где каузатором выступает человек, а объектом — неодушевлённый предмет или подчинённое лицо, не охватывает всей сложности диалога с компьютерным помощником. Само противопоставление «одушевлённый / неодушевлённый» не является абсолютным. Наряду с каузатором-человеком выделяется каузатор — компьютерный помощник (Каузатор$_{КП}$), который вызывает изменение состояния пользователя. Невысокая частота встречаемости Каузатора$_{КП}$ во всех изучаемых языках объясняется несколькими объективными факторами, которые необходимо эксплицировать. Во-первых, архитектурная асимметрия диалога. Компьютерный помощник по своей программной природе запрограммирован на реактивную, а не на проактивную коммуникативную стратегию. В отличие от человека, который может начать разговор первым, Каузатор$_{КП}$ в стандартном режиме функционирует как система «стимул — ответ». Любое отклонение от этой модели — например, инициация диалога со стороны Каузатора$_{КП}$ — возникает только в результате технических сбоев, неправильной интерпретации входных данных или целенаправленных действий пользователя (например, случайной активации ключевого слова). Таким образом, архитектурные ограничения сами по себе задают низкий «потолок» для частоты Каузатора$_{кп}$. Во-вторых, протоколы безопасности и политики допустимого использования. Разработчики крупных языковых моделей сознательно ограничивают агентность КП. Чат-боты не должны инициировать диалог, запрашивать личную информацию без явного разрешения пользователя или имитировать эмоциональную привязанность. Следовательно, Каузатор$_{КП}$ может возникнуть только в тех редких случаях, когда механизмы безопасности не сработали или были обойдены. В-третьих, прагматика человеко-компьютерного взаимодействия. Пользователи, как правило, не ожидают инициативы

от Каузатора$_{КП}$. В их коммуникативной компетенции закреплена модель «человек командует — машина выполняет». Когда Каузатор$_{КП}$ нарушает эту модель (даже с полезной целью, например, напоминая о приёме лекарств), пользователи интерпретируют это не как проявление заботы, а как сбой, ошибку. В корпусе зафиксированы реакции типа *«она сама заговорила, я выключил»* (RU_072) или *«Freaked me out»* (ID 45). Эти реакции свидетельствуют о том, что сам феномен Каузатора$_{КП}$ вызывает у пользователей когнитивный диссонанс, который они стремятся разрешить либо через деантропоморфизацию (техническое объяснение), либо через прекращение взаимодействия. В-четвёртых, строгий критерий отнесения реплики к Каузатору$_{КП}$ (явная вербализация изменения состояния пользователя) сознательно занижает процент, повышая валидность данных. В-пятых, культурные различия: в англоязычном дискурсе пользователи чаще публикуют нестандартное поведение Каузатора$_{КП}$ (Reddit), что увеличивает его представленность в корпусе по сравнению с русскоязычным и немецкоязычным.

Практическая значимость: результаты могут быть использованы при проектировании диалоговых интерфейсов и локализации цифровых продуктов с учётом лингвокультурных различий в восприятии инициативы Каузатора$_{кп}$ в разных лингвокультурах. Перспективы: расширение корпуса за счёт восточнославянских и скандинавских языков; диахронический срез (GPT-3.5 → GPT-5) для выявления эволюции каузативных стратегий; анализ гендерной проекции и реакций на этические отказы Каузатора$_{КП}$.

Список литературы

1. Афанасьева А. А. Эмотивность в испанском миграционном дискурсе // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2025. № 4.

2. Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А. [и др.] Темпоральность. Модальность ; отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1990. 264 с.

3. Бондарко А. В. [и др.] Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость ; отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1991. 256 с.

4. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление ; АН СССР, Ин-т языкознания. Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1972. 216 с.

5. Куделько Т. А. Метафорические стратегии в формировании терминологии человеко-компьютерной диалогики // Слово. Текст. Источник: Методология современного гуманитарного исследования : Материалы V Междунар. науч. конф., Москва, 21–22 марта 2025 года. М. : Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2025. С. 176–188. EDN LMKAAD.

6. Куделько Т. А. Ономасиологический анализ терминологии человеческо-компьютерной диалогики: структура терминополя компьютерный помощник // Евразийский филологический вестник. 2025. № 4 (12). С. 53–65. EDN FISFTF.

7. Куделько Т. А. Формирование и развитие терминологии человеко-компьютерной диалогики в контексте функциональной стилистики // Филология в XXI веке. 2025. № 2 (16). С. 72–82. EDN PUSOEV.

8. Литвинович А. Г. Семантическая характеристика левовалентного актанта каузативного глагола (на материале белорусского языка) // Русский лингвистический бюллетень. 2025. № 67 (7). С. 1–8.

9. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив ; отв. ред. А. А. Холодович. Л. : Наука, 1969. С. 5–19.

10. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь : ПГНИУ, 2020. 176 с.

11. Сюткина Н. П., Афанасьева А. А. Когнитивный сценарий ситуации каузации эмоциональной модификации // Иностранные языки в контексте культуры. Пермь : ПГНИУ, 2025. С. 30–35.

12. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив ; отв. ред. В. Б. Касевич. 2-е изд., стереотип. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 272 с.

13. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2021. 248 с.

14. Шустова С. В., Смирнова Е. А., Ошева Е. А. Systemacity and categorisation in functioning of verbs // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. № 1. С. 45–52.

15. Dixon R.M.W., Aikhenvald A. Y. A typology of causatives: form, syntax and meaning // Changing Valency: Case Studies in Transitivity. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 30–83.

16. Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information // Semantics: An Interdisciplinary Reader ; ed. by D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits. Cambridge : Cambridge University Press, 1971. P. 370–392.

References

1. Afanasyeva AA. Emotivity in Spanish Migration Discourse. *Mir lingvistiki i kommunikatsii = World of Linguistics and Communication*. 2025;(4). (In Russ.).

2. Bondarko AV, Belyaeva EI, Biryulin LA, et al., editors. Temporal'nost'. Modal'nost' = Temporality. Modality. Leningrad: Nauka; 1990. 264 p. (In Russ.).

3. Bondarko AV, et al., editors. Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost' = Theory of Functional Grammar. Personhood. Voice. Leningrad: Nauka; 1991. 256 p. (In Russ.).

4. Katsnel'son SD. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie = Typology of Language and Speech Thinking. Leningrad: Nauka. Leningrad Dept.; 1972. 216 p. (In Russ.).

5. Kudelko TA. Metaphorical strategies in the formation of human-computer dialogue terminology. In: Slovo. Tekst. Istochnik: Metodologiya sovremennogo gumanitarnogo issledovaniya = Word. Text. Source: Methodology of Modern Humanitarian Research. Proceedings of the V International Scientific Conference; 2025 Mar 21–22; Moscow. Moscow: Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology. Design. Art); 2025. Pp. 176–188. EDN LMKAAD. (In Russ.).

6. Kudelko TA. Onomasiological analysis of human–computer dialogue terminology: the structure of the computer assistant term field. *Evraziyskiy filologicheskiy vestnik = Eurasian Philological Bulletin*. 2025;(4(12):53-65. EDN FISFTF. (In Russ.).

7. Kudelko TA. Formation and development of human-computer dialogue terminology in the context of functional stylistics. *Filologiya v XXI veke = Philology in the 21st Century*. 2025;(2(16):72-82. EDN PUSOEV. (In Russ.).

8. Litvinovich AG. Semantic characteristics of the left-valent actant of the causative verb (Based on Belarusian language data). *Russkiy lingvisticheskiy byulleten' = Russian Linguistic Bulletin*. 2025;67(7):1-8. (In Russ.).

9. Nedyalkov VP, Silnitskiy GG. Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy = A typology of causative constructions. In: Kholodovich AA, editor. Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy: morfologicheskiy kauzativ = Typology of Causative Constructions: Morphological Causative. Leningrad: Nauka; 1969. Pp. 5–19. (In Russ.).

10. Syutkina NP. Funktsionirovanie emotivnykh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse = Functioning of Emotive Causatives in a Categorial Semantic Complex. Perm: Perm State University (PGNIU); 2020. 176 p. (In Russ.).

11. Syutkina NP, Afanasyeva AA. Cognitive scenario of the causation of emotional modification. In: Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury = Foreign Languages in the Context of Culture. Perm: Perm State University (PGNIU); 2025. Pp. 30-35. (In Russ.).

12. Khrakovskiy VS, Volodin AP. Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ = Semantics and Typology of the Imperative: The Russian Imperative. Kasevich VB, editor. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS; 2001. 272 p. (In Russ.).

13. Shustova SV. Funktsional'nye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskiy podkhod = Functional Properties of Causative Verbs: A Dynamic Approach. 3rd ed. Moscow: LENAND; 2021. 248 p. (In Russ.).

14. Shustova SV, Smirnova EA, Osheva EA. Systemacity and categorisation in functioning of verbs. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki = Scientific Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics*. 2015;(1):45-52.

15. Dixon RMW, Aikhenvald AY. A typology of causatives: form, syntax and meaning. In: *Changing Valency: Case Studies in Transitivity*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. Pp. 30-83.

16. Fillmore Ch J. Types of Lexical Information. In: Steinberg DD, Jakobovits LA, editors. *Semantics: An Interdisciplinary Reader*. Cambridge: Cambridge University Press; 1971. Pp. 370-392.

Информация об авторах

Т. А. Куделько — старший преподаватель кафедры педагогики и лингводидактики.

С. В. Шустова — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии.

Information about the authors

T. A. Kudelko — Senior Lecturer of the Department of Pedagogics and Linguodidactics.

S. V. Shustova — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Foreign Philology.

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 03.07.2026; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 03.07.2026; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 51–59.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):51-59.

Научная статья

УДК 81’373.46

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-51-59

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Виктор Сергеевич Савельев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, alfertinbox@mail.ru,
SPIN-код: 2780-5227, Istina Researcher ID (IRID): 4440976

Аннотация. Статья посвящена истории номинации пунктуационных знаков русского языка во второй половине XVIII — первой трети XIX в. Устанавливается, что возникновение системы обозначения знаков препинания, с одной стороны, связано с их именованием в грамматиках церковнославянского языка XVI–XVII вв., а с другой — с кодифицированием пунктуационных норм русского языка в авторитетных трудах грамматистов второй половины XVIII — первой трети XIX в. Отмечается, что описание истории номинации пунктуационных знаков в этот период является актуальной проблемой современной русистики в связи с тем, что в качестве материала исследования принято использовать ограниченный круг текстов, некоторые из которых в XVIII в. к тому же не были опубликованы. В связи с этим высказывается предположение, что круг источников может быть значительно расширен за счёт привлечения не использованных ранее в качестве объекта исследования учебных пособий разных жанров — азбук, букварей, учебных грамматик и под. В итоге на материале 44 текстов устанавливается, что основой системы обозначения знаков препинания для грамматистов указанного периода вне зависимости от жанровой принадлежности созданных ими текстов является труд М. В. Ломоносова «Российская грамматика». В то же время описывается динамика развития изначальной системы обозначения пунктуационных знаков: устанавливается изменение их состава и функций, отмечается появление новых и выход из оборота использовавшихся ранее номинаций, определяются авторские стратегии именования знаков препинания. Устанавливается, что способы образования терминов в данный период имеют свои характерные особенности, наиболее яркой из которых является регулярное использование субстантиватов женского рода, не свойственное для современного русского языка. Особое внимание уделяется роли Н. И. Греча и А. Х. Востокова, научная деятельность которых венчает описываемый период разработкой системы обозначений знаков препинания, в значительной степени совпадающей с современной.

Ключевые слова: словообразование, лингвистические термины, названия пунктуационных знаков, грамматики XVIII века

Для цитирования: Савельев В. С. К истории названий знаков препинания в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 51–59. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-51-59

Original article

ON THE HISTORY OF THE NAMES OF PUNCTION MARKS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Victor S. Savelyev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, alfertinbox@mail.ru, SPIN-код: 2780-5227,
Istina Researcher ID (IRID): 4440976

Abstract. The article is devoted to the study of the history of the nomination of punctuation marks in the Russian language in the second half of the 18th — first third of the 19th centuries. It is established that the emergence of a system for designating punctuation marks, on the one hand, is associated with their naming in the grammars of the Church Slavonic language of the 16th — 17th centuries, and on the other, with the codification of punctuation norms of the Russian language in the authoritative works of grammarians of the second half of the 18th — first third of the 19th centuries. It is noted that the description of the history of the nomination of punctuation marks during this period is an urgent problem of modern Russian studies due to the fact that it is customary to use a limited range of texts as research material, some of which in the 18th century were not published. In this regard, it is sug-

© Савельев В. С., 2026

gested that the range of sources can be significantly expanded by involving textbooks of different genres that have not previously been used as an object of study — alphabet books, primers, educational grammars, etc. As a result, based on the material of 44 texts, it is established that the basis of the system of marking punctuation marks for grammarians of the indicated period, regardless of the genre of the texts they created, is the work of M. V. Lomonosov "Russian Grammar". At the same time, the dynamics of the development of the original system for naming punctuation marks is described: changes in their composition and functions are established, the emergence of new ones and the exit from circulation of previously used nominations are noted, and the author's strategies for naming punctuation marks are determined. It is established that the methods of forming terms in this period have their own characteristic features, the most striking of which is the regular use of feminine substantives, which is not typical for the modern Russian language. Particular attention is paid to the role of N. I. Grech and A. Kh. Vostokov, whose scientific activity crowns the period described with the development of a punctuation mark notation system that largely coincides with the modern one.

Keywords: word formation, linguistic terms, names of punctuation marks, grammars of the 18th century

For citation: Savelyev VS. On the history of the names of punctuation marks in the Russian language. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):51-59. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-51-59

Введение

Одной из актуальных проблем современной русистики является изучение истории русской пунктуации, имеющее два аспекта — установление списка формальных средств пунктуации и описание их функционирования. В рамках данной статьи будет рассмотрен один частный вопрос, имеющий отношение к первому из этих аспектов.

Зарождение современной русской пунктуации связано с появлением книгопечатания, повлиявшего также и на употребление знаков препинания в рукописных текстах: «В XVI в. уже в громадном большинстве рукописей обычно встречается более или менее развёрнутая пунктуация: не только точки, но и запятые, а часто и другие знаки» [1, с. 7]. В грамматиках церковнославянского языка XVI–XVII вв. встречаются названия *точка*, *двоеточїе* и *запѧтаѧ* [1, с. 19–26]. Важнейшим для становления русской пунктуации стало издание в 1619 г. «Грамматики славенския правилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого, система описания которого знаков препинания значительно повлияла на труды грамматистов XVIII в. Им было выделено десять «препинанїи строчныхъ»: *черта, запѧтаѧ, двоточїе, точка, раꙁдѣлнаѧ, единитнаѧ, вопроснаѧ, удивнаѧ, вмѣстнаѧ, т҃ложнаѧ*[1].

В грамматиках русского языка XVIII — первой трети XIX в. обнаруживаются названия знаков препинания, как восходящие к грамматикам церковнославянского языка (и прежде всего труду М. Смотрицкого), так и появившиеся в описаниях русского языка впервые. Исследователи обращают внимание прежде всего на первые упоминания об этих знаках и на особенности их функционирования, в то время как своеобразие используемых для их номинации названий отмечается не всегда. При этом анализируются грамматики, признанные наиболее авторитетными — сыгравшими значимую роль на начальном этапе описания и изучения русского языка. К ним относятся «Грамматика» В. Е. Адодурова (написана в 30-е гг. XVIII в., но не была издана на русском языке [4]), «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (1755), «Российская универсальная грамматика» Н. Г. Курганова (1769), «Российская грамматика» А. А. Барсова (написана в 80-е гг. XVIII в., но не была издана), «Российская грамматика, сочинённая Императорской Российской академией» (1802), «Начальные правила русской грамматики» Н. И. Греча (1828), «Русская грамматика» А. Х. Востокова (1831) [1, с. 30–32; 14, с. 14–26; 5, с. 33–37; 10, с. 54–58; 2, с. 231–233; 13; 8, с. 39–45; 9, с. 107–117; 7, с. 311, 312; 11, с. 33, 34]. Между тем список подобных источников может быть существенно расширен: наряду с грамматиками «первого ряда» существовало множество грамматик «локальных», предназначенных для узкого круга обучающихся в специализированных учебных заведениях второй половины XVIII — первой трети XIX в.

Фундаментом системы обозначения знаков препинания для грамматистов в это время стал труд М. В. Ломоносова «Российская грамматика» (1755)[2], в котором указывается: «§ 106. Строчные знаки суть *запятая*, *точка*. *двѣ точки*: *точка съ запятою*; *вопросительной знакъ*? *удивительной*! *единительной — вмѣстительной* []»[3] (в описании употребления знаков препинания автор

[1] Смотрицкий М. Грамматики славенския правилное Синтагма. Евье: Тип. Братская, 1619. С. 39.

[2] О доломоносовских грамматиках русского языка см. [3; 4; 12; 15].

[3] Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб. : при Имп. Акад. наук, 1755. С. 51.

использует вместо термина *единительной знакъ* название *единитный знакъ*[1]). Однако в работах этого периода обнаруживаются и другие обозначения, некоторые из которых сохранились и доныне.

Какие названия пунктуационных знаков использовались в работах грамматистов второй половины XVIII — первой трети XIX в.? Насколько изменялся их состав? Можно ли обнаружить в их употреблении какие-либо закономерности? Поиск ответов на эти вопросы составляет содержание данной статьи.

Исследование

Необходимо заметить, что составление упомянутых грамматик «первого ряда» имело целью не только собственно научное описание языка, но и обучение языку, на что указывают их авторы[2]. Использование этих текстов в качестве учебников способствовало усвоению лингвистической терминологии значительным количеством носителей русского языка. Уточнение жанровой принадлежности грамматик позволяет сблизить их с другими учебными пособиями: *азбуками* и *букварями*, — также содержащими названия знаков препинания. Наконец, среди учебников данного периода обнаруживаются пособия, включающие в свои названия термины «правила» и/или «правописание» и содержательно соотносимые с грамматиками.

В результате анализа 44 текстов, изданных в период «от М. В. Ломоносова до Н. И. Греча и А. Х. Востокова» включительно[3], нам удалось установить следующие особенности номинации знаков препинания:

1. Во всех текстах для обозначения **запятой** используется слово *запятая*.

2. Во всех текстах для обозначения **точки** используется слово *точка*.

3. Для обозначения **двоеточия** используются названия *двѣ точки*, *двуточіе* и *двоеточіе*. Первые два из них встречаются редко и преимущественно в ранних изданиях: *двѣ точки* — 4 раза (в том числе у М. В. Ломоносова[4] и А. А. Барсова[5]), *двуточіе* — 3 раза. В качестве единственного названия двоеточия термины *двѣ точки* и *двуточіе* в 5 из 7 случаев употребляются в изданиях до 90-х гг. XVIII в. В большинстве же случаев — в 31 книге — начиная с 1772 г. используется единственное наименование *двоеточіе*, сохранившееся и в современном русском языке. Также в 6 книгах обнаруживается вариативная номинация *двѣ точки или двоеточіе* (встречается в изданиях с 1793 г. по 1816 г.). Можно предположить, что указание вариативности отражает процесс становления нормы: восходящее к М. В. Ломоносову, а потому авторитетное обозначение *двѣ точки* постепенно сменяется термином *двоеточіе* (*двѣ точки>двѣ точки или двоеточіе>двоеточіе*).

4. В большинстве случаев (38 раз) для обозначения **точки с запятой** используется термин *точка съ запятою (-ой)*. Альтернативные названия встречаются в самых ранних изданиях: *полуточіе* — в 1769 г. у Н. Г. Курганова[6]; *запятаяточка* — в букваре 1773 г.[7] (обращает на себя внимание необычное слитное написание термина). В одном случае приводится вариативная номинация *полуточіе или точка съ запятою*[8]. Таким образом, употребление альтернативных названий ограничивается их использованием в изданиях 60–80-х гг. XVIII в.

Ещё в трёх текстах 1814, 1815 и 1816 гг. данный знак не упоминается. Примечательно, что речь идёт об азбуках и букварях: вероятно, их составители сочли знак *точка съ запятою* сложным для понимания детьми.

В азбуке А. Г. Решетникова 1801 г. дополнительно приводятся транслитерированные названия

[1] Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 61.

[2] См. Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 8, 9; Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку. СПб. : 1769. С. 1; Греч Н. И. Начальныя правила русской грамматики. СПб. : 1828. С. 1; Востоков А. Х. Русская грамматика… по начертанию его же сокращённой грамматике, полнее изложенная. СПб.: Б. и., 1831. С. 3.

[3] В качестве материала исследования были использованы источники, размещённые на сайтах Государственной публичной библиотеки России (URL: http://www.shpl.ru/) (дата обращения 11.02.2025) и Национальной электронной библиотеки (URL: https://rusneb.ru/) (дата обращения 11.02.2025). Разные издания одного и того же учебного пособия анализировались, если между ними обнаруживались текстуальные расхождения. В противном случае рассматривалось только более раннее издание.

[4] Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 51.

[5] Барсов А. А. Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании. М. : Имп. Моск. ун-т, 1768. С. 55.

[6] Курганов Н. Г. Указ. соч. С. 103.

[7] Букварь для употребления росийскаго юношества. М. : Печатан при Императорском Московском университете, 1773. С. 8.

[8] Переверзев И. А. Краткие правила российского правописания из разных грамматик выбранные, и по свойству украинского диалекта для употребления малороссиянам дополненные в Харькове. М.: Б. и., 1782. С. 43.

рассмотренных выше пунктуационных знаков, используемые в европейских языках: «Строчныхъ знаковъ щитается *восемь*, какъ то: запятая —, или комма. Точка съ запятою —; или семиколонъ. Двоеточіе —: или колонъ. Точка —. или пунктъ»[1]. Интересно, что в других азбуках того же автора, изданных в 1800–1820 гг., подобное дублирование не обнаруживается.

5. Для обозначения **вопросительного знака** в большинстве случаев (34 раза) используется термин *вопросительный знакъ*, намного реже — термины *вопросительная* (7 раз), *вопросительная точка* (1 раз) и *знакъ вопроса* (2 раза в текстах 1809 и 1815 гг.). Если последнее сочетание вполне понятно, то два других требуют пояснения.

Наименование *вопросительная* встречается в текстах 1773–1814 гг., что показывает устойчивость данного употребления, которое отражает общую тенденцию — использование в качестве научных терминов субстантивированных прилагательных, начавшееся ещё в XVI в. [6, с. 809–813]) и затронувшее в частности и обозначение знаков препинания (например, термины *запѧтаѧ, раꙁѧтнаѧ, вопроснаѧ* и др. у М. Смотрицкого). Использование формы женского рода объясняется тем, что производящей базой этого субстантивата является сочетание *вопросительная точка*, обнаруживаемое, в частности, в одной из рассматриваемых нами грамматик[2], и связанное с тем, что термин *точка* ещё в XVI в. использовался для обозначения родового понятия, называя знаки препинания как таковые. Например, «в Грамматике Л. Зизания (1596) раздел о знаках препинания назван — «О точках». Соответственно сформулирован и вопрос о количестве знаков препинания: «Колико есть точек». Идея точки отражена и в термине *пунктуация* (от лат. punctum — точка)» [10, с. 55][3].

6. В половине текстов для обозначения **восклицательного знака** в 1755–1831 гг. используется термин *удивительный знакъ* (22 раза). Также достаточно регулярно — 7 раз — в 1773–1814 гг. используется субстантиват *удивительная* (закономерно, что все случаи использования субстантивата *вопросительная* приходятся на те же тексты). Ещё в 1 случае обнаруживается термин *знакъ удивления* (встречается в грамматике М. П. Бутовского[4], где также используется термин *знакъ вопроса*).

Начиная с 1808 г. в текстах появляются термины с другим корнем — *восклицательная точка* (1 раз в грамматике Ж.-Б. Модрю[5], где также обнаруживается и термин *вопросительная точка*) и *восклицательный знакъ* (9 раз в текстах 1809–1828 гг.).

Таким образом, если до 1808 г. номинация данного знака была связана с дериватами глагола *удивить*, то в дальнейшем в равной степени используются термины, производные от глаголов *удивить* и *восклицать*. Показательно, что в этот период в 4 книгах приводится вариативная номинация — *удивительный знакъ или знакъ восклицанія* (1 раз в тексте 1827 г.) и *восклицательный знакъ или удивительный знакъ* (3 раза в текстах 1813, 1815, 1816 гг.). В последнем случае порядок слов, на наш взгляд, указывает на предпочтительное использование термина *восклицательный знакъ*.

Появление вариативного обозначения может быть связано с тем, что уже в ранних грамматиках упоминаются различные функции *удивительнаго знака* (*удивительной*), одной из которых является обозначение восклицания: «Восклицаніе, призываніе, удивленіе, увѣщаніе. да и каждая жестоко произнесённая рѣчь къ другому различается удивительною (!)»[6]; «Удивительный употребляется послѣ рѣчи значащей удивленіе, ужасъ, или восклицаніе»[7] и под. Таким образом, новый термин был мотивирован акцентированием внимания грамматистов на «восклицательной» функции данного знака.

7. *Единительный знакъ*, выделяемый М. В. Ломоносовым, с точки зрения современной грамматики, не является пунктуационным. Графическое его изображение у М. В. Ломоносова и многих других авторов напоминает тире, однако его описание указывает на то, что имеется в виду знак, используемый в качестве **дефиса** при переносе слов («Единитный знакъ раздѣленное въ двѣ

[1] Решетников А. Г. Новая российская азбука для обучения детей чтению. М. : При губернском правлении у А. Решетникова, 1801. С. 41.

[2] Модрю Ж.-Б. Основательное сокращение российской грамматики. М. : Унив. тип., 1808. С. 103.

[3] Впрочем, следует обратить внимание и на то, что единственное употребление термина вопросительная точка в рассматриваемый период обнаруживается в грамматике русского языка, написанной французским автором Ж.-Б. Модрю, в родном языке которого до сих пор используется сочетание point d'interrogation (букв. 'точка вопроса').

[4] Бутовский М. П. Грамматика российского языка. Почаев : Б. и., 1809. С. 19.

[5] Модрю Ж.-Б. Указ. соч. С. 103.

[6] Курганов Н. Г. Указ. соч. С. 104.

[7] Переверзев И. А. Указ. соч. С. 44.

строки одно реченіе показываетъ»[1]) и/или между частями (сложных) слов («Единитная употребляется ещё когда какое слово въ срединѣ раздѣлить должно, какъ: Оберъ-гофъ-меистеръ, Генералъ-аудиторъ-леитенантъ»[2]).

Следует заметить, что данный знак упоминается не во всех книгах (в 33 из 44) и характеризуется большой вариативностью в наименовании: *единительный знакъ* (17 раз в текстах с 1755 г. по 1816 г.), *черта единительная* (1 раз в тексте 1768 г.), *знакъ единитный* (2 раза в текстах 1816 и 1817 гг.), *единитная* (3 раза в текстах 1773, 1809 и 1814 гг.), *знакъ соединительный* (4 раза в текстах 1813, 1816 (дважды) и 1822 гг.), *знакъ соединенія* (2 раза в текстах 1801 и 1810 гг.), *соединительная* (1 раз в тексте 1813 г.), *знакъ дѣлительный* (1 раз в тексте 1813 г.), *знакъ сопряженія* (1 раз в тексте 1827 г.) и вариативные номинации *единитная или соединительная* (1 раз в тексте 1802 г.) и *знакъ единитный и раздѣлительный* (1 раз в тексте 1810 г.). Ни одно из этих названий не сохранилось в современном русском языке.

В авторитетных грамматиках Н. И. Греча (1828) и А. Х. Востокова (1831) среди пунктуационных знаков *единительный знакъ* не упоминается, зато обнаруживается описание знака, который Н. И. Греч называет *черта или тире*[3], а А. Х. Востоков — *знакъ мыслеотдѣлительный или черта*[4]; этот знак графически и в значительной степени функционально тождествен современному **тире**. При этом в разделах, посвящённых правописанию, Н. И. Греч упоминает *чёрточку*[5], а А. Х. Востоков — *знакъ единитный*[6]; этот знак графически («короткая черта <…> называется знакомъ единитнымъ»[7]) и функционально тождествен современному **дефису**.

Знак, соотносимый с современным **тире**, впервые описывается в грамматике 1793 г.,[8] все последующие упоминания встречаются после 1810 г.[9] Для его обозначения используются различные термины: *знакъ престѣченія* (3 раза в текстах 1810, 1813 и 1817 гг.), *тире* (2 раза в текстах 1815 и 1828 гг.), *знакъ раздѣлительный* (1 раз в тексте 1822 г.) и вариативные номинации Н. И. Греча и А. Х. Востокова (см. выше), а также *чёрточка или знакъ отдѣлительный* (1 раз в тексте 1793 г.). Примечательно, что данный знак упоминается как в тех изданиях, в которых в качестве пунктуационного описывается знак, тождественный современному дефису (5 случаев), так и в тех, где этого не происходит (4 случая).

Таким образом, начиная с 10-х гг. XIX в. в грамматиках происходит постепенное изменение: в состав знаков препинания вносится тире, в то время как дефис из их числа выводится.

8. Последний из выделяемых М. В. Ломоносовым пунктуационных знаков — *вмѣстительный знакъ* (современные **скобки**) — упоминается в большинстве изданий (42 из 44). Используются названия *вмѣстительный знакъ* (31 раз в текстах с 1755 г. по 1828 г.), *вмѣстительные знаки* (1 раз в тексте 1827 г.), *вмѣстительная* (6 раз в текстах с 1773 г. по 1814 г.), *скобки вмѣстительныя* (1 раз в тексте 1768 г.), *скобки* (1 раз в 1828 г. у Н. И. Греча) и вариативные номинации *скобки или вмѣстительный знакъ* (1 раз в тексте 1809 г.) и *знакъ вмѣстительный или скобки* (1 раз в 1831 г. у А. Х. Востокова). Таким образом, с одной стороны, современное название знака *скобки* имеет долгую — с 1768 г. — историю использования, а с другой — в рассматриваемый период оно является единичным, а потому его упоминание в трудах Н. И. Греча и А. Х. Востокова можно считать скорее отправной точкой его употребления, чем итогом освоения этого термина русскими грамматистами.

9. Помимо выделяемых М. В. Ломоносовым знаков препинания современная грамматика относит к ним **кавычки** и **многоточие**.

Знак, аналогичный современным **кавычкам**, впервые упоминается Н. Г. Курганом под названием *отмѣнительный знакъ*[10]. Кавычки указываются в значительном количестве изданий (26 из 44), используются следующие названия: *отмѣнительный знакъ* (2 раза в текстах 1769 и 1782 гг.), *двѣ запятыя* (2 раза в текстах 1773 и 1813 гг.), *знакъ внесенія* (1 раз в тексте 1793 г.), *вносительный знакъ* (3 раза в текстах 1794, 1809 и 1816 гг.), *вносительные знаки* (6 раз в текстах с 1798 г. по 1816 г.), *вносной знакъ* (5 раз в текстах с 1813 г. по 1828 г.), *вносные знаки* (4 раза в текстах с 1809 г. по 1827 г.), *кавычки* (1 раз в 1828 г. у Н. И. Греча) и вариативные номинации *знакъ*

[1] Ломоносов М. В. Указ. соч. С. 61.

[2] Курганов Н. Г. Указ. соч. С. 105.

[3] Греч Н. И. Указ. соч. С. 146.

[4] Востоков А. Х. Указ. соч. С. 318.

[5] Греч Н. И. Указ. соч. С. 140, 141.

[6] Востоков А. Х. Указ. соч. С. 369.

[7] Востоков А. Х. Указ. соч. С. 369.

[8] Краткая российская грамматика. М. : Унив. тип., у В. Окорокова, 1793. С. 10.

[9] А. И. Моисеев указывает, что впервые этот знак упоминается в неопубликованной грамматике А. А. Барсова 1783–1789 гг. [10, с. 56].

[10] Курганов Н. Г. Указ. соч. С. 106.

внесенія или вносный (1 раз в тексте 1816 г.) и *знакъ вносный или кавычки* (1 раз в 1831 г. у А. Х. Востокова).

Общей особенностью скобок и кавычек является то, что они представляют собой парные знаки. Интересно, что история их именования, связанная с этим аспектом, существенно различается: для обозначения скобок чаще используются формы единственного числа (*вмѣстительный знакъ* и под. — 39 случаев vs. *вмѣстительные знаки* и под. — 5 случаев), в то время как использование форм единственного и множественного чисел для обозначения кавычек показывает приблизительное равенство (*вносительный знакъ* и под. — 14 случаев vs. *вносительные знаки* и под. — 12 случаев[1]).

Многоточие — пунктуационный знак, упоминания которого появляются начиная с 1813 г. Используются обозначения *знакъ пресѣченія* (1 раз в тексте 1813 г.), *нѣсколько точекъ* (1 раз в тексте 1822 г.), *точки* (1 раз в 1828 г. у Н. И. Греча) и вариативная номинация *знакъ пресѣкательный или многоточіе* (1 раз в 1831 г. у А. Х. Востокова), при этом количество точек, образующих многоточие, равняется трём[2], четырём[3] или шести[4]. Интересно, что в грамматике А. И. Померанцева термин *знакъ пресѣченія* употребляется для именования двух знаков: «знакъ пресѣченія (–) или (…)»[5]. Также примечательно, что в учебнике 1822 г. в качестве вариативного в употреблении по отношению к *нѣсколькимъ точкамъ* оценивается *тире*, графически тождественное современному тире, но функционально с ним не соотносимое: «Нѣсколько точекъ, иногда знакъ тире (–) означаетъ пресѣченіе и употребляется, когда рѣчь умышленно прервана, однако такъ, что недоконченное легко можетъ разумѣть самъ читатель»[6].

Таким образом, как и в случае с термином *скобки*, введение в оборот наименований *кавычки* и *многоточіе* связано прежде всего с научной деятельностью Н. И. Греча и А. Х. Востокова.

10. Ещё одним знаком, который упоминается в изданиях 1755–1831 гг., но не обнаруживается у М. В. Ломоносова и не оценивается как знак препинания современной грамматикой, является **знак сноски**. Он описывается в 17 изданиях (впервые — у Н. Г. Курганова); для его обозначения используются термины *примѣчательный знакъ* (11 раз в текстах с 1769 г. по 1816 г.), *примѣчательные знаки* (1 раз в тексте 1817 г.), *указательный знакъ* (2 раза в текстах 1816 и 1822 гг.), *выноски* (1 раз в 1828 г. у Н. И. Греча) и вариативные номинации *знакъ примѣчательный или сносокъ* (1 раз в тексте 1809 г.) и *знакъ объяснительный или дополнительный* (1 раз в тексте 1828 г.). В дальнейшем этот знак, функционально отличающийся от рассмотренных выше, в число пунктуационных не вошёл.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В рассматриваемый период в трудах грамматистов описывается система пунктуационных знаков, восходящая к труду М. В. Ломоносова «Российская грамматика»: 8 знаков препинания, выделенных им, обнаруживаются в подавляющем большинстве текстов. Один из них — *единительный знакъ* — функционально тождествен дефису, с точки зрения современных грамматистов, не являющемуся пунктуационным знаком. Начиная с 10-х гг. XIX в. в грамматиках данный знак начинает замещаться *знакомъ пресѣченія*[7], который функционально близок современному тире. Отсутствующие у М. В. Ломоносова и обнаруживаемые в современной пунктуационной системе знаки *кавычки* и *многоточіе* упоминаются в трудах грамматистов 1755–1831 гг., причём для их именования в ряде изданий используются их современные названия.
2. Значительная часть обозначений пунктуационных знаков также восходит к труду М. В. Ломоносова, однако в источниках могут употребляться и альтернативные названия. В ряде случаев они вытесняют первоначальные обозначения, как это происходит с терминами *двоеточіе* (с 70-х гг. XVIII в.) и *восклицательный знакъ* (с 10-х гг. XIX в.), а также терминами *скобки*, *кавычки*

[1] Ещё в 2 случаях используется номинация двѣ запятыя, выражающая идею парности не грамматически, а лексически.

[2] Российское правописание, с примечаниями, из лучших сочинителей избранное. М. : Тип. С. Селивановского, 1822. С. 38.

[3] Померанцев А. И. Начальные основания российской грамматики в пользу воспитанников Практической коммерческой академии. М. : Тип. А. Решетникова, 1813. С. 69; Востоков А. Х. Указ. соч. С. 318.

[4] Греч Н. И. Указ. соч. С. 150.

[5] Померанцев А. И. Указ. соч. С. 69.

[6] Российское правописание, с примечаниями, из лучших сочинителей избранное. М. : Тип. С. Селивановского, 1822. С. 38.

[7] Также используются и другие названия.

и *многоточіе*, использование которых связано прежде всего с научной деятельностью Н. И. Греча и А. Х. Востокова (с конца 20-х гг. XIX в.). Одновременное употребление ряда терминов приводило к тому, что в источниках использовались вариативные номинации, такие как *двѣ точки или двоеточіе*, *удивительный знакъ или знакъ восклицанія*, отражающие процесс становления нормы.

3. В качестве обозначений пунктуационных знаков грамматисты регулярно использовали субстантиваты: наряду с сохранившимся в современном русском языке термином *запятая* употреблялись наименования *вопросительная, удивительная, единитная, соединительная, вмѣстительная*, образованные по одной модели — прилагательное субстантивировалось в форме женского рода единственного числа, несмотря на то что термин мог называть и парный знак (*вмѣстительная* ‘скобки’). Перечисленные субстантиваты (кроме слова *запятая*) встречаются в текстах до 1814 г.; вероятно, в последующий период данная словообразовательная модель перестала быть продуктивной.
4. Выбор способов номинации в отдельных источниках показывает, что их авторы придерживались определённой стратегии, которая состояла в использовании названий, образованных по одной модели:

– употребление субстантиватов; например, группа терминов *вопросительная, удивительная, вмѣстительная, единитная* обнаруживается в 4 изданиях 1773–1813 гг.;
– термин *полуточіе* употребляется только в книгах Н. Г. Курганова[1] и И. А. Переверзева[2] — изданиях, в которых также обнаруживается термин *двуточіе*;
– в грамматике М. П. Бутовского[3] употребляется группа терминов, состоящих из двух существительных — *знакъ удивленія, знакъ вопроса* и *знакъ сносокъ*;
– в грамматике Ж.-Б. Модрю используется группа названий, включающих термин *точка*: «Точка бываетъ, или *простая* (.) или *вопросительная* (?) или *восклицательная* (!)»[4].

Примечательно, что тексты одного автора могут реализовывать различные стратегии номинации, как это происходит с азбуками А. Г. Решетникова: в издании 1801 г.[5] для ряда знаков приводятся их траслитерированные названия и не используются субстантиваты, в то время как в издании 1813 г.[6] ситуация обратная[7].

***

Таким образом, анализ учебных пособий разных жанров (грамматик, азбук, букварей и др.) второй половины XVIII — первой трети XIX в. показал, что в рассматриваемый период складывалась система обозначений знаков препинания, базирующаяся на терминологии М. В. Ломоносова, но со временем претерпевшая изменения, которые привели к появлению системы обозначений, обнаруживаемой в грамматических трудах Н. И. Греча и А. Х. Востокова и в значительной степени совпадающей с той, которая используется в современном русском языке.

[1] Курганов Н. Г. Указ. соч. С. 103.

[2] Переверзев И. А. Указ. соч. С. 43.

[3] Бутовский М. П. Указ. соч. С. 19.

[4] Модрю Ж.-Б. Указ. соч. С. 103.

[5] Решетников А. Г. Указ. соч. С. 41.

[6] Решетников А. Г. Для малолетных детей начинающих обучаться российскому чтению азбука. М. : В губернской типографии у А. Решетникова, 1813. С. 14.

[7] В обоих случаях на титульных листах указывается, что «азбука <…> собр. А. Рѣшетниковымъ», однако установить степень его участия в написании текстов не представляется возможным.

Список источников

1. Абакумов С. И. Вопросы пунктуации в трудах русских книжников XV–XVIII вв. // Учёные записки МОПИ им. Н. К. Крупской. Т. 12. Вып. 1. Кафедра русского языка. М. : 1948. С. 3–32.

2. Анохина Т. Я. Из истории знаков препинания // Известия МГТУ «МАМИ». 2009. № 1(7). С. 230–233.

3. Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н. Языковой континуум Петровской эпохи: обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 188–206.

4. Адодуров В. Е. «Anfangs-Grunde der Russischen Sprache» или «Первые основания российского языка». М. : Наука : Нестор-История, 2014. 258 с.

5. Гаевская Т. И. Вопросы пунктуации в трудах грамматистов XVI–XVIII вв. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1973. 40 с.

6. Глинкина Л. А. Заметки о динамике субстантивации в истории русского языка // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 802–814.

7. Друговейко-Должанская С. В., Попов М. Б. Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация. Учебник. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. 400 с.

8. Корнейчук Ю. В. Знаки препинания в российских грамматиках первой половины XIX века // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 1. С. 39–45.

9. Корнейчук Ю. В. Структурная характеристика синтаксической терминологии в российских грамматиках конца XVIII — первой половины XIX века : Монография. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 151 с.

10. Моисеев А. И. Из истории пунктуации: молчанка — черта — чёрточка — тире // Русская речь. 1989. № 1. С. 54–58.

11. Сафронова Н. А., Михайлова Э. С. Из истории развития и изучения русской пунктуации // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 3 (39). С. 32–38.

12. Успенский Б. А. Доломоносовские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // Доломоносовский период русского литературного языка. The Pre-Lomonosov period of the Russian literary language : Материалы конференции на Фагерудде, 20–25 мая 1989 г. Stockholm, 1992 (Slavica Suecana. Series B — Studies. Vol. 1). С. 63–169.

13. Федорова Л. Точка, точка, запятая… (Из истории пунктуации) // Филолог: интернет-журнал. 2010. № 10. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_180 (дата обращения: 08.01.2025).

14. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М. : Издательство Академии наук СССР, 1955. 398 с.

15. Unbegaun B. O. Russian Grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers. 1958. Vol. VIII. P. 98–116.

References

1. Abakumov SI. Issues of punctuation in the works of Russian scribes of the XV–XVIII centuries in *Uchenye zapiski MOPI im. NK. Krupskoj = Scientific notes of MOPI named after N. K. Krupskaya*. 1948;(1):3-32. (In Russ.).

2. Anohina TYa. From the history of punctuation marks. *Izvestiya MGTU «MAMI» = News of MSTU "MAMI"*. 2009;1(7):230-233. (In Russ.).

3. Babaeva EE, Zapol'skaya NN. Language continuum of the Peter the Great era: a review of grammatical treatises of the first quarter of the 18th century. In: *I*ssledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniyu: Pamyati professora G. A. Haburgaeva = Research in Slavic Historical Linguistics: In Memory of Professor G. A. Khaburgaev. Moscow; 1993. Pp. 188–206. (In Russ.).

4. *Adodurov VE. «Anfangs-Grunde der Russischen Sprache» ili «Pervye osnovaniya rossijskogo yazyka»* = "Anfangs-Grunde der Russischen Sprache" or "The First Foundations of the Russian Language". Moscow; 2014. 258 p. (In Russ.).

5. Gaevskaya TI. *Voprosy punktuacii v trudah grammatistov XVI–XVIII vv.* = Issues of punctuation in the works of grammarians of the 16th-18th centuries. Perm; 1973. 40 p. (In Russ.).

6. Glinkina LA. Notes on the dynamics of substantivization in the history of the Russian language. In: Akademik A. A. SHahmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie = Academician A. A. Shakhmatov: life, creativity, scientific heritage. St. Petersburg; 2015. Pp. 802-814. (In Russ.).

7. Drugovejko-Dolzhanskaya SV, Popov MB. Sovremennoe russkoe pis'mo: grafika, orfografiya, punktuaciya = Modern Russian writing: graphics, spelling, punctuation. Textbook. St. Petersburg; 2019. 400 p. (In Russ.).

8. Kornejchuk YuV. Punctuation marks in Russian grammars of the first half of the 19th century. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Irkutsk State Linguistic University.* 2011;(1):39-45. (In Russ.).

9. Kornejchuk YuV. Strukturnaya harakteristika sintaksicheskoj terminologii v rossijskih grammatikah konca XVIII — pervoj poloviny XIX veka = Structural characteristics of syntactic terminology in Russian grammars of the late 18th — first half of the 19th centuries. Monograph. Nizhnevartovsk; 2014. 151 p. (In Russ.).

10. Moiseev AI. From the history of punctuation: silence — dash — dash — dash. *Russkaya rech' = Russian speech*. 1989;(1):54-58. (In Russ.).

11. Safronova NA, Mihajlova ES. From the history of development and study of Russian punctuation in *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'nye i gumanitarnye nauki = Bulletin of Vladimir State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2023;3(39):32-38. (In Russ.).

12. Uspenskij BA. Dolomonosovskie grammatiki russkogo yazyka (itogi i perspektivy) = Dolomonosov's grammars of the Russian language (results and prospects). In: Slavica Suecana. Series B — Studies. Vol. 1. Stockholm; 1992. Pp. 63-169. (In Russ.).

13. Fedorova L. Point, point, comma… (From the history of punctuation). *Filolog: internet-zhurnal* = Philologist: online magazine. 2010;(10). Available from: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_180 (accessed: 08.01.2025). (In Russ.).

14. Shapiro AB. Osnovy russkoj punktuacii = Basics of Russian punctuation. Moscow; 1955. 398 p. (In Russ.).

15. Unbegaun B. O. Russian Grammars before Lomonosov. *Oxford Slavonic Papers*. 1958;VIII:98-116.

Информация об авторе

В. С. Савельев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета.

Information about the author

V. S. Savelyev — Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Russian language, Faculty of Philology.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 01.07.2025; accepted for publication 25.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ОНОМАСТИКА
COGNITIVE LINGUISTICS, LINGUACULTURAL STUDIES, AND ONOMASTICS

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 60–69.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):60-69.

Научная статья

УДК 81`373.23

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-60-69

ЭКЗЕМПЛИФИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ АНТРОПОНИМОВ, ИЛИ ВАСЯ ПУПКИН, ДЖОН ДОУ, ОТТО НОРМАЛЬФЕРБРАУХЕР И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

Альфия Фаритовна Азнабаева[1], Ольга Николаевна Новикова[2]

[1]Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, pjatashok@yandex.ru, 0000-0002-5382-7824
[2]Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, novikova58@bk.ru, 0000-0002-9271-7732

Аннотация. Данная статья посвящена одной сугубо специфической и малоизученной лексической единице — экземплификанту. Анализ лингвистических факторов — частотность, образность, благозвучие, краткость — и экстралингвистических — этнокультурная и социокультурная значимость — факторов узуализации антропонимов в сопоставляемых языках (русском, английском и немецком) позволил прийти к выводу об определяющем специфику экземплификативной функции антропонима криптотипе актуальный антропоним / условный антропоним. Экземплификативная функция антропонимов является универсальной категорией. Вместе с тем имманентное для представителя русской культуры осознание неидеального «я», самоирония, делают русские экземплификанты узнаваемыми, субъектными, соотносимыми с личным опытом. Доказано, что антропонимы в экземплификативной функции, характеризующие среднестатистического, типичного, ординарного, любого, всякого, некого индивида, имеют сходство с именем нарицательным (классифицируют, понятийное содержание очевидно), а значит, обладают признаками ономасиологической нормы. Однако факты использования экземплификантов в ситуации компенсирующей номинации в конкретных контекстах дают основания рассматривать их как актуальные антропонимы с дистинктивными свойствами идентификации и индивидуализации. Экземплификант (имя-заполнитель) выступает средством элиминирования безымянности, реализуя номинативно-дифференцирующую функцию. Выявлены нарративные и мнемонические свойства экземплификантов. Возможность продвинуться на пути решения ряда теоретических и практических проблем ономасиологии видится в определении соотношения экстралингвистических и лингвистических факторов, обусловливающих функциональную неоднородность антропонимов и их дискурсивно-прагматических свойств. Особенно перспективными представляются исследовательские коллаборации лингвистов и учёных — разработчиков LLM (Large Language Model) — «больших языковых моделей», способных идентифицировать и интерпретировать многообразное контекстное и внеконтекстное значение имён в цифровом пространстве.

Ключевые слова: экземплификант, антропоним, имярек, стереотип, JohnDoe, социокультурная значимость, этнокультурная особенность

Для цитирования: Азнабаева А. Ф., Новикова О. Н. Экземплификативная функция антропонимов, или Вася Пупкин, Джон Доу, Отто Нормальфербраухер и все-все-все // Вестник Челябинского государственного университета. Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 60–69. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-60-69

© Азнабаева А. Ф., Новикова О. Н., 2026

Original article

THE EXEMPLIFICATORY FUNCTION OF ANTHROPONYMS OR VASYA PUPKIN, JOHN DOE, OTTO NORMALVERBRAUCHER, AND TOM, DICK AND HARRY

Alfiya F. Aznabaeva[1], Olga N. Novikova[2]

[1]Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, pjatashok@yandex.ru, 0000-0002-5382-7824
[2]Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, novikova58@bk.ru, 0000-0002-9271-7732

Abstract. This article focuses on a highly specific and understudied lexical unit: the exemplifier. The analysis of linguistic factors — frequency, imagery, euphony, brevity — and extralinguistic factors — ethnocultural and socio-cultural significance — that influence the usage of anthroponyms in the compared languages (Russian, English, and German) — has led to the conclusion that the defining specificity of an anthroponym's exemplificative function lies in the cryptotype: relevant anthroponym / conventional anthroponym. The exemplificatory function of anthroponyms is a universal category. Nevertheless, the awareness of an imperfect 'self' and self-irony inherent in representatives of Russian culture make Russian exemplifiers recognizable, subjective, and related to individual experience. It is proven that anthroponyms in the exemplificatory function, characterizing the average, typical, ordinary, any, every, or some individual, are similar to common nouns (they classify, and their conceptual content is obvious). Thus possessing features of onomasiological norms. However, instances of exemplifiers' usage in compensatory nominations in specific contexts provides grounds for considering them as relevant anthroponyms with their distinctive properties of identification and individualization. The exemplifier (placeholder name) serves as a means of eliminating namelessness thus realizing a nominative-differentiating function. The narrative and mnemonic properties of exemplifiers have been revealed. The possibility of advancing towards solving a number of theoretical and practical problems of onomasiology is seen in the determination of the relationship between extralinguistic and linguistic factors that determine the functional heterogeneity of anthroponyms and their discourse-pragmatic properties. Particularly promising are research collaborations between linguists and scientists-developers of LLM (Large Language Model), capable of identifying and interpreting the diverse contextual and out-of-context meaning of names in the digital space.

Keywords: placeholder name, exemplifier, anthroponym, so-and-so, stereotype, John Doe, socio-cultural significance, ethnocultural marking

For citation: Aznabaeva AF, Novikova ON. The exemplificatory function of anthroponyms or Vasya Pupkin, John Doe, Otto Normalverbraucher, and Tom, Dick and Harry. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):60-69. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-60-69

Введение

Объектом настоящего исследования является экземплификативная функция антропонимов. Сама языковая категория «экземплификант» является одновременно и понятием, выраженным в имени, и именем, выражающим понятие. В качестве экземплификантов используются антропонимы — имена собственные, значимое для человека средство идентификации. Цель — определить ономасиологический статус антропонимов, используемых в качестве экземплификанта (экземлификатива), имярека, шаблонного имени, именизаменителя [англ. placeholdername, emergencyname («аварийного имени»), нем. Platzhaltername, Notname], имени-манекена, маркера-заместителя, маркера-аппроксиматора, лексического маркера нечёткой номинации — список терминологических синонимов можно продолжить, но можно сфокусироваться на конкретных именах собственных в качестве шаблонных имён, поскольку они являются важной частью лексической системы языка. Актуальность работы обусловлена отсутствием в отечественном языкознании сколь-нибудь внятной дефиниции понятия экземплификант, роли и ономасиологического статуса шаблонного имени. Крайне скудны сведения об экземплификантах и об экземплификативной функции антропонимов. Новизна исследования состоит в обращении к находящемуся на периферии ономастического узуса понятию «экземплификант» не с точки зрения установления принципиальной границы между подлинными именами и строчными словами, а с позиции принятия во внимание экземплификативной функции антропонима, находящейся вне пределов ортодоксальных теорий. Достижение цели предполагает решение следующих задач: анализ имеющихся дефиниций и уточнение понятия экземплификант, выявление социокультурных предпосылок узуального употребления того или иного антропонима в русском, немецком и английском языках.

Материалы и методы исследования

Материалом настоящего дескриптивно-сопоставительного исследования послужили антропонимы, функционирующие в качестве

экземплификантов в русском, английском и немецком языках в бытовом, дидактическом, компьютерно-игровом видах дискурса, в дискурсе живой речи, дискурсе блогосферы, в кинодискурсе. *Лексикографический метод* послужил надёжным инструментом для *анализа материала исследования* — терминов, зафиксированных в лексикографических источниках, Национальном корпусе русского языка, в толковых онлайн-словарях. *Метод лингвистического наблюдения и описания* применялся для интерпретации ассоциативных связей частотных антропонимов, ставших со временем абстрактными заменителями подлинных имён. *Сравнительно-сопоставительный метод* позволил выявить тождества и различияв формированииономастических стереотипов. *Контекстуальный анализ* продемонстрировал мнемонические и нарративные функции антропонимов-экземплификантов, их роль в структурно-смысловой организации учебного дискурса; раскрыл коннотативные значения, присущие этим антропонимам во фразеологизмах.

Результаты исследования и их обсуждение

Побуждением к исследованию экземплификативной функции антропонимов стала статья известного американского лингвиста У. Зелински (W. Zelinsky), опубликованная в издании «*A Journal of Onomastics*». Отметив недопустимость игнорирования периферийных областей ономастики, он разработал таксономию имён собственных, охватывающую более 130 ономастических терминов, включая не поддающиеся классификации [16, с. 249]. Стоит отметить, что мы уже обращались к проблеме категоризации частного разряда проприальной лексики [1]. Отрадно видеть попытки теоретического осмысления экземплификации в работах отечественных [2; 6; 8; 9] и зарубежных [12; 13; 14; 15] лингвистов.

С. Н. Смольников в работе «Актуальная и потенциальная русская антропонимия» связывает семантическую противоречивостъ имён собственных с функциональной неоднородностью антропонимической лексики и с различной степенью произвольности номинации лица посредством антропонимов разных разрядов [10, с. 23–35]. Имена собственные, не называющие конкретных людей, он относит к потенциальным антропонимам. Способность потенциальных антропонимов развивать классификационное значение, с центральными семами ‘человек’, ‘мужчина’, ‘русский’ с коннотативными созначениями проиллюстрирован мужским именем Макар в «Толковом словаре живого великорусского языка»[1]: Макара двураз не женят. На бедного Макара шишки валятся. В приведённых фразеологизмах очевидно отсутствие конкретно-референтной отнесенности имени, оно условно, не выполняет индивидуализирующей функции, гипотетически относится к носителю любого русского имени. И всё же произвольная замена имени в известной мере нарушает социальный подтекст русской пословицы, её устоявшуюся ритмику, гармонию, аутентичность, органичность и культурную значимость имени в лингвокультурном сообществе.

Неабсолютная граница между именами собственными и именами нарицательными постулируется в огромном массиве работ — проблемное поле образуют пограничные разряды с нечётко обозначенным ономасиологическим статусом. Много дискуссий возникает относительно феномена экземплификации. К. Элджин (C. Elgin) утверждает: «Экземплифицируя, символ… обычно функционирует как ярлык, обозначающий себя самого и другие равнозначные вещи, он либо отсылает ко множеству значений, либо к чему-то уникальному» [15, с. 71]. Приблизительно к такому же выводу приходит В. Бальна (V. Balnat): «шаблонные имена расположены на стыке семантики и прагматики» [13]. Указывая на взаимозаменяемость и делокутивную природу неопределённых антропонимов — именно этим термином оперирует исследователь — он обнаруживает, что конкретная референтная отнесенностъ возникает благодаря предикативным связям, и это, на наш взгляд, сближает экземплификанты с именами собственными:

Es war erst neulich [...], als der Herr ... wie hieß er doch gleich? Na, ich komm gerade nicht drauf, als dieser Herr ***Dingens*** *also mit dem Auto ... oder war es mit der Bahn? Nein, ich glaube, mit dem Auto fuhr Herr ... verflucht, mir fällt doch der Name nicht ein…*[2]*(примеры из [13]) — Это было совсем недавно, когда господин… да как же его звали? Ну, я прямо сразу не вспомню, когда этот господин* ***Dingens*** *(Ding* — «штука, вещь») на машине… или на поезде? Нет, думаю, на машине

[1] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 : И-О. М. : РИПОЛ классик, 2006. С. 291–378.

[2] DEREKO. Das Deutsche Referenzkorpus, IDS (Mannheim, Allemagne). URL: https://www.idsmannheim.de/digspra/kl/projekte/korpora/ (дата обращения 13.01.2026).

господин… господи, я так и не могу вспомнить его имя… (перевод наш).

Для уточнения понятия «экземплификант» обратимся к лексикографическим источникам. В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой[1] зафиксированы слова ЭКЗЕМПЛИФИКАНТ, ВАСЯ ПУПКИН, ИМЯРЕК, но только устаревшее существительное ИМЯРЕК приводится с подробным толкованием. В **однотомном «Словаре русского языка»** С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой[2] находим словарную статью:

ИМЯРЕК, -а, л. (устар.). Слово, заменяющее чье-н. конкретное имя, фамилию, в знач. такой-то, тот-то.

В Национальном корпусе русского языка[3] слово «экземплификант» не зафиксировано. Синонимичное ему понятие «Вася Пупкин» упоминается в 51 примере 37 текстов центральных СМИ. В 406 примерах в 221 тексте упоминается слово имярек («имя рекъ», «назвавши имя»).

Господи, дай сил и здоровья, благополучия и разума рабу Твоему (***имярек***) *и рабу Твоему (**имярек**) и всем их близким!*[4]

В следующем примере видим ироническое употребление понятия имярек:

У меня есть приятель, про которого можно было бы сказать, что «друг», но другом он приходится только Ивану. Скажем, Имярек, и он невролог. Удой считает его мягкотелым нытиком, и правда, Имярек любит пожаловаться на обстоятельства, которым все равно подчиняется[5].

Понятийное содержание современного термина «экземплификант» шире. В блоге Д. Хворостина «Записки лингвиста» даётся следующее толкование термина: **экземпликáнт, экземпликатúв** — конкретное понятие или имя собственное, используемое для обозначения условности, произвольности объекта повествования, а также для подчёркивания заурядности, обыденности обозначаемого[6].

В крупнейшем интернет-ресурсе *definitions.net*[7] находим определение английского эквивалента экземплификанта: ***placeholder names*** *are intentionally overly generic and ambiguous terms referring to things, places, or people, the names of which or of whom do not actually exist; are temporarily forgotten, or are unimportant; or in order to avoid stigmatization, or because they are unknowable and/or unpredictable given the context of their discussion; to de-emphasize in which event the precise specification thereof is otherwise impossible, or to deliberately expunge. Placeholder names for people are often terms referring to an average person or a predicted persona of a typical user.*

На наш взгляд, данное определение точнее раскрывает содержание понятия экземплификант — «намеренно слишком общий и двусмысленный термин, обозначающий предметы, места, людей, которых на самом деле не существует, которые временно забыты или неважны, либо используются для того, чтобы избежать стигматизации, либо потому что они неизвестны и/или непредсказуемы в контексте обсуждения, либо для того, чтобы не акцентировать внимание в тех случаях, когда точное указание невозможно, либо для того, чтобы намеренно стереть их из памяти. Имя-заполнитель часто обозначает среднестатистического человека или предполагаемый образ среднестатистического пользователя» (перевод наш — *авт.*).

Традиционно авторы придерживаются мнения, что удачная развёрнутая образность строится на эмотивно приятных и близких герою концептах: «экспрессивно-оценочная метафоризация поставляет материал для обиходно-разговорной стихии речи, а в ней нужна лёгкая опознаваемость, шаблонность, клишированность» [11, с. 52]. Е. Л. Березович считает апеллятивизацию способом преодоления «семантической недостаточности» имени собственного за счёт коннотативного фона: «ИС (имя собственное) наделяется коннотациями в первую очередь тогда, когда переносит деонимизацию (полную или частичную),

[1] Ефремова Т. В. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М.: АСТ, 2006. 973 с.

[2] Ожегов С. И. Словарь русского языка [цифровая версия] / Сост. С. И. Ожегов; Гл. ред. акад. С. П. Обнорский, Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. М.: Гос. издво иностр. и нац. словарей, 1949. XVI, с. 552. URL: https://roslib.rudn.ru/book/viewpdf/5df898dfb3951 (дата обращения 02.01.2026).

[3] Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения 05.01.2026).

[4] Набатникова Т. А. День рождения кошки. М. : Вагриус. 2001. С. 50. URL: https://litmir.club/br/?b=836297&p=50 (дата обращения 06.01.2026).

[5] Мурашов А. Н. Двойной человек // Волга. 2013. № 11–12. URL: https://magazines.gorky.media/volga/2015/11/dvojnoj-chelovek-ispolnitel.html?ysclid=mktnaxa5kg350559546 (дата обращения 04.01.2026).

[6] Хворостин Д. Толковый словарь. URL: https://khvorostin.com/dictionary/placeholder-name/?ysclid=mk5p2n776f880551646 (дата обращения 06.01.2026).

[7] definitions.net. URL: https://www.definitions.net/ (дата обращения 05.01.2026).

обретая тем самым сигнификат» [4, с. 63]. Типичный экземплификант ***Марья Ивановна*** (***Марьиванна***, ***Марь Иванна***), без классифицирующего (видового) слова учительница, частотно в синтагматической связи с экземплификантом ***Вовочка***. Популярность онима ***Вовочка*** объясняется благозвучием диминутивной формы имени Владимир и отсутствием ассоциаций с конкретным прототипом. Имя персонажа «озорного» эпоса ***Вовочка*** пришло на смену популярного в среде ленинградских школьников 60-х гг. «Петьки-матерщинника» [3]. ***KleinFritzchen*** — аналогичный экземплификант в немецких анекдотах (*die Fritzchenwitze*), ***Little Johnny***– в английских (*Little Johnnyjokes*).

Говоря о содержательной стороне экземплификанта, нельзя не упомянуть социокультурные антропонимические стереотипы, в основе которых деление на «свой/чужой» или «мы/они»: *Я такое брать не буду. Пусть* ***Вася Пупкин*** *такое покупает*. Экземплификант ***Вася Пупкин*** имплицитно маркирует социальную стигматизацию. Идея социальной детерминированности стереотипных антропонимов подтверждается экспериментальным исследованием О. В. Кирпичевой [5, с. 127] — имя (реакция) выступает ономастическим маркером социальных характеристик (стимул) носителя имени собственного: *50-летний слесарь __ (имярек) не сумел остановить протечку.* В представлении участников эксперимента для представителя рабочей специальности нативны «простые» («типичные») имена ***Иван***, ***Василий***, ***Пётр***, ***Михаил***, ***Семён*** и фамилии ***Иванов***, ***Петров***, ***Сидоров***.

Экземплификативная формула ***Иванов Иван Иванович*** может означать либо нечто условное, произвольное, «алгебраическую» метапеременную, либо подчёркнуто «простых», «из народа» — среднестатистических россиян с присущей противоречивостью паттернов поведения. Крылатым выражением стала фраза команды Клуба весёлых и находчивых «СТЭПиКо»: «***Иванов Иван Иванович*** никогда не заполняет никакие бланки. Он просто крадёт образец…».

Академик РАН А. Н. Трубачев, посвящая личному имени ***Иван*** объёмную словарную статью[1], особое внимание обращает на случаи его переносного значения: русский человек вообще, русский народ. Отмечается расширение предметно-понятийного содержания антропонимных единиц ***Иван Иванович*** и ***Иванов Иван Иванович***: антропоним Иванович как условный заменитель всякого отчества равноценен квазиотчеству. Интересно, что в русском языке в XIX–XX вв. антропонимная формула ***Иван Иванович*** имела значения, экземплифицирующие диаметрально разных референтов:

— некто; всякий мужчина (чаще русской национальности)[2];

— условное русское имя иностранца, долго прожившего в России[3].

Художественное воплощение русскости имени ***Иван*** иллюстрирует сцена разговора финского и русского солдат в конце войны в фильме «Кукушка»[4]:

— Меня зовут Вейкко. А тебя как? Иван?

— Пошёл, ты!

— Пшолты?! Вейкко… Пшолты…, а тебя? (спрашивает женщину саамской деревни).

В конце фильма:

— Удачи тебе, Пшолты!

— Меня, между прочим, Иван зовут. Иван.

— Да, так всех русских зовут, если тебе так хочется, пусть будешь Иван!

Вася Пупкин — квазипровинциальный антропоним, популярный сетевой никнейм, экземплификант, условное имя среднестатистического россиянина, реализующего амбиции рассуждениями на форумах, эволюционировал из «маленького человека» — гоголевского ***Акакия Акакиевича (Башмачкина)*** / лермонтовского ***Максим Максимыча***, чеховского ***Червякова (Ивана Дмитриевича)***. В США архетипический ***averageJoe*** или ***Joe-Six-Pack*** — представитель рабочей профессии, имеющий обыкновение «выпить после работы», а антропонимные омонимы ***Joe Blow, Joe Shmoe***, ***John Q. Public***. ***Hillbilly*** — дословно Билли с холма, деревенщина — собирательный образ людей, проживающих в шахтёрских регионах США. Американская общественная организация «*The Center for Rural Strategies»* увидела в экземплификации социальную стигму в отношении жителей сельской местности[5].

[1] Русская ономастика и ономастика России : Словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 85–90.

[2] Там же. С. 89

[3] Там же. С. 89

[4] Кукушка (2002): художественный фильм / реж. А. Рогожкин. 01:39:19 (время воспроизведения). URL: https://vkvideo.ru/playlist/-69606939_29/video-69606939_456239163?linked=1 (дата обращения 05.01.2026). Доступно на: VK Видео.

[5] Campaign to Stop the Real Beverly Hillbillies. Rural Strategies. URL: https://web.archive.org/web/20161202172409/http://www.ruralstrategies.org/campaign-stop-real-beverly-hillbillies (дата обращения 04.01.2026).

Немецкий мужской антропоним ***Otto Normalverbraucher*** и гендерный контрагент ***Lieschen Müller*** («В Германии иметь фамилию ***Мюллер*** — всё равно, что не иметь никакой»[1]) — экземплифицирующие среднестатистического бюргера и его супругу со средним доходом, склоняются и употребляются как имена нарицательные — с артиклем. Аналогичным образом в английском языке собирательный антропоним ***the Joneses*** в составе именной идиомы *keep up with the Joneses («быть не хуже других»)* экземплифицирует среднестатистическую семью:

We are trying to keep up with the Joneses. Our neighbours put in a swimming pool in the yard. Therefore, we also put in a pool in our yard. — Мы стараемся быть не хуже других. Наши соседи соорудили бассейн во дворе. Вот и у нас тоже бассейн во дворе (примеры из[2]).

Антропонимный концепт ***John Doe*** (Джон Доу) восходит к эпохе короля Англии Эдуарда III (1312–1377 гг.), когда перед лицом закона предстали скорее вымышленные, чем реальные, ***Doe (Доу) и Roe (Роу)*** — обманутый арендодатель и плут-арендатор, выживший хозяина-землевладельца. Затем он использовался в отношении ответчиков, личность которых неизвестна истцу. Принятый в англосаксонском праве термин ‘John Doe order’ имеет терминологический омоним ‘Ashok Kumar order’ в Индии [14], где 31 миллион человек носят фамилию ***Kumar*** (***Devi. Singh. Kumar*** — индийский эквивалент русской триады Иванов. Петров. Сидоров). Гендерно дифференцируемые экземплификанты ***John Doe*** и ***Jane Doe*** в англоязычных странах используются как условные (временные) обозначения пациентов без документов или в бессознательном состоянии или не в состоянии сообщить своё имя, а также для обеспечения конфиденциальности испытуемых в медицинских исследованиях, публикациях. Эти же экземплификанты используются в криминалистической сфере.

Трудно не согласиться с мнением У. Липпмана о том, что «…детерминированные культурой «картинки мира», экономят усилия человека при восприятии сложных социальных объектов…» [7, с. 108]. Г. У. Оллпорт (G. W. Allport) трактует стереотип как когнитивный элемент специфической социальной установки — этнический предрассудок, удобный в качестве оправдательного механизма для одобрения или порицания [12, с. 192].

Коннотативная семантика личного имени связана с множеством носителей имени. В текстах математических задач учебников личные имена органично выполняют свою экземплификативную функцию, придавая обучающему дискурсу жизненность, практическую направленность, положительно влияющую на качество восприятия. Даже в условиях несущественности конкретного имени предпочтительнее использовать личные имена: сравните — «У ***объекта А*** было пять штук ***предметов В***, два он сломал, а один предмет отдал ***объекту С***» и «У ***Коли*** было пять яблок, два он съел, а одно отдал ***Оле***». Неопределённые местоимения с родовым словом ***один (некий) человек*** не способствуют образности. Имена отражают актуальную антропонимическую картину мира: в отечественных учебниках 20–30-х гг. прошлого века частотным персонажем была девочка по имени ***Маня Никитина***[3], а в 2025 году — герои популярных мультипликационных персонажей ***Нолик***, ***Симка***; персонажи аниме «Атака титанов» ***Колоссальный титан*** и ***Бронированный титан***[4].

Hinzund Kunz, ***Hansund Franz***, ***Krethi und Plethi*** — немецкие имена, экземплифицирующие несколько гипотетических личностей в значении «любой», «всякий», «неважно, кто», «каждый встречный-поперечный»[5]. В данных именных идиомах видим устоявшиеся лексико-семантические сочетания, представленные краткими формами личных имён ***Heinrich*** и ***Konrad (Hinzund Kunz)***, ***Johannes*** и ***Franziskus (Hansund Franz)***, библейскими названиями социальных и этнических групп ***Kreter (хелефеи)*** и ***Pleter (фелефеи) (Krethi und Plethi)***[6], воспроизводимые носителями языка в их фиксированном

[1] Тот самый Мюнхгаузен (1979): художественный фильм / реж. М. Захаров. 02:13:37 (время воспроизведения). URL: https://vk.com/video-233305177_456241016?t=4s (дата обращения 05.01.2026). Доступно на: VK Видео.

[2] Tom, Dick and Harry. Или что такое «именные идиомы»? URL: https://lingua-airlines.ru/articles/tom-dick-and-harry-ili-chto-takoe-imennue-idiomu/?ysclid=mkts4vtj6a925179342 (дата обращения 05.01.2026).

[3] Воронец А. М. Рабочая книга по математике для 2-го года обучения в школах I ступени / под ред. А. М. Воронца. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 108 с.

[4] Сейчас дети другие: допустимо ли использовать аниме-героев в школьных задачах. URL: https://www.m24.ru/articles/obrazovanie/16092025/830786?ysclid=mk5v7iirst199357333?utm_source=CopyBuf?utm_source=CopyBuf (дата обращения 05.01.2026).

[5] German Placeholders: Names | German Language Blog. URL: https://blogs.transparent.com/german/german-placeholders-names (дата обращения 05.01.2026).

[6] Bossart M. Die Namen von irgendwem. URL: https://www.swissfamily.ch/artikel/die-namen-von-irgendwem/ (дата обращения 05.01.2026).

соотношении и выполняющие эстетическую, ритмическую, структурную и мнемоническую функции. Эквивалентная именная идиома в английском языке ***Uncle Tom Cobley and all*** представляет собой структуру из классифицирующего слова uncle, сокращённой формы онима ***Thomas*** и определительного местоимения ***all*** «и все-все-все». Устойчивые обороты глубже отражают этнокультурные особенности носителей языка и, несмотря на семантику генерализации, коннотируют скорее значение «свой», «некто из своих». Впрочем, идиоматическое выражение с похожим семантическим значением ***(every) Tom***, ***Dick and Harry*** в разных контекстах имплицирует различные коннотации:

His movie appealed to ***Tom***, ***Dick and Harry***, *making it a box office hit. — Его фильм пришёлся по вкусу всем, становясь кассовым хитом (положительная).*

The new product is being marketed to ***Tom***, ***Dick and Harry****, not just specialists. — Новый продукт нацелен на обычных людей, а не только на специалистов (нейтральная).*

The neighborhood is filled with ***Tom***, ***Dick and Harry*** *during the summer. — Летом в округе много людей без определённых занятий (неодобрительная)* (примеры из 1).

Эта же антропонимная формула служит мнемоническим приёмом в сленге студентов-медиков, экземплифицируя медицинские термины для запоминания порядка расположения артерии, нерва и трёх сухожилий длинного сгибателя большого пальца стопы: the T, D, A, N — инициальные буквы высокочастотных британских мужских личных имён **T**om, **D**ick **an**d **H**arry соответствуют инициальным буквам в латинских анатомических терминах **t**ibialis posterior, flexor **d**igitorum longus, posterior tibial **a**rtery, tibial **n**erve flexor **h**allicus longus.

Общепринятые в квантовой криптографии, теории игр и физике экземплификанты для обозначения архетипических агентов названы по принципу аллитеративной мнемоники в алфавитном порядке: ***Alice, Bob, Carol, Carlos*** или ***Charlie, Carol, Carlos*** или ***Charlie, Chuck*** или ***Chad Dan, Dave*** или ***David, Erin, Eve*** или ***Yves Faythy, Frank, Grace, Heidi, Ivan, Judi, Mallory, Michael*** или ***Mike, Niaj, Olivia, Oscar, Peggy*** или ***Pat, Rupert, Sybil, Trendили Ted, Trudy, Victor, Vanna, Walter, Wendy.***

Ещё одна важная ипостась экземплификатива — анонимность. Словосочетание ***nomen-nescio — не знаю имени,*** сокращённо ***N.N.***, используется для обозначения анонимного или неназванного лица. От латинского *nomen* — «имя» и *nescio* — «не знаю», буквально означает «я не знаю имени». Родовое имя Нумерий Негидий, использовавшееся в римские времена, было выбрано отчасти потому, что его инициалы совпадали с этой фразой. Аббревиатура *N. N.* (лат. *nomen nominandum* — «имя будет объявлено») на сайтах европейских университетов экземплифицирует предполагаемого на курс преподавателя. Имена для экземплификации анонимного автора в англоязычной культуре ***A. N. Other (ANO), Joe Bloggs, Fred Bloggs, Bob Soap, Charlie Farnsbarns***, ***Alan Smithee***. Универсальной формой условности, случайности, анонимности онима является сетевой никнейм. Если в России немногим ранее частотными были ***Штирлиц***, ***Чапаев***, ***Че Гевара***, вкупе с эксплицируемыми в шрифтах структурой, интонацией, модусами, создающими многочисленные дублеты ***Che Guevara***, ***Че гевара***, ***Che gevara***, ***CHe Guevara***, ***Cℎegevara*** или архетипический женский никнейм ***Дунька Раздолбаева***, за которым мог скрываться человек мужского пола, то сегодня лингвокреативные ресурсы анонимности безграничны благодаря рандомайзерам, сервисам генерации никнеймов.

Ставший прецедентным экземплификант, отражающий этнокультурную склонность представителя русской культуры к самоиронии, представляет собой антропонимную синтагму двух логически и семантически взаимовалентных онимов — краткой формы личного имени ***Василий*** и фамилии ***Пупкин***. Между тем случаи обнаружения конкретно-референтной отнесенности имени собственного, прошедшего деонимизацию, не единичны. Василий Пупкин проживает в Саратовской области. Вполне в духе металингвистического дескриптивизма и не отрицая идеи об энциклопедическом значении имени собственного, добавим о носителе данного имени: «…крепкий фермер-середняк, дело своё знает и любит. Исправно выплачивает зарплату семерым рабочим, засевает 1500 гектаров. В гараже — купленный в кредит комбайн, несколько тракторов и грузовиков, старенький «УАЗик» для села и новенький «Форд» для поездок в город»[2].

[1] Значение идиомы Tom Dick and Harry в английском. URL: https://english5minutes.ru/idiomy/tom-dick-and-harry (дата обращения 03.01.2026).

[2] А Вася Пупкин-то не знал про это, что он не фермер, а герой из Интернета! URL: https://www.saratov.kp.ru/daily/26137/3027523/(дата обращения 02.12.2025).

Заключение

1. Экземплификанты относятся к лексической системе языка. Они дополняют словарь нарицательных и проприальных имён, зафиксированы в большинстве словарей и национальных корпусах языков. В качестве экземплификантов используются «антропонимы вообще», абстрагированные от конкретного референта и выступающие как условное средство именования.

2. Экземплификативная функция антропонимов — универсальная категория. В сопоставляемых языках — русском, английском и немецком — существует устоявшийся репертуар высокочастотных мужских и женских имён, экземплифицирующих архетипического представителя языкового коллектива.

3. Антропонимы-экземплификанты обладают следующими признаками: краткость (краткие формы имени), частотность, образность, благозвучие; этнокультурная и социокультурная маркированность. Экземплификанты в составе фразеологизмов являются культуроносными единицами, обогащают речь, придавая ей образность.

4. Благодаря ассоциациям с прецедентными антропонимами они обладают мнемоническими и нарративными свойствами.

5. Экземплификанты имеют схожую с именами собственными графическую форму слова (написание с прописной буквы), однако не являются именами собственным в традиционном ономастическом понимании, поскольку не обладают ингерентыми для имён собственных свойствами индивидуализации и идентификации. Они представляют собой уникальную лексическую единицу, характеризующую среднестатистического, типичного, ординарного, любого, всякого, некого индивида, что сближает их с именами нарицательными (обобщают, называют класс однородных предметов или объектов; не имеют конкретной референтной соотнесённости с денотатом). Однако экземплификант (имя-заполнитель) выступающий средством элиминирования безымянности, реализует номинативно-дифференцирующую функцию, придаёт именуемому объекту определённую реалистичность и значимость.

6. Экземплификант является важным прагматонимом в деловой письменной коммуникации (***ИвановИван Иванович*** / ***Иванова Мария Петровна***, ***Max Mustermann / Erika Mustermann, JohnDoe / JaneDoe***), а в сетевой коммуникации экземплификант есть способ самовыражения при сохранении анонимности (‘обфускации’ в языке программирования).

7. Исторически экземплификанты восходят к имяреку. Благодаря лингвопрагматическим свойствам и выполняемым ими функциям имеют сходство с некоторыми разрядами местоимений (неопределённые, определительные местоимения). Они эволюционировали, имеют новые проявления, что требует детального теоретического осмысления, выработку терминологического инструментария для описания феномена экземплификации. Особую актуальность экземплификанты получили в связи с развитием«больших языковых моделей» — LLM (Large Language Model).

Список источников

1. Азнабаева А. Ф., Новикова О. Н. Анемонимы — гносеологические основания категоризации названий стихийных природных явлений как разряда ономастической лексики // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 5–14. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-5-14

2. Беловенцева М. В. Английские имена существительные как лексическое средство нечёткой номинации // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2016. Т. 2 (68), № 2. Ч. 1. С. 52–58.

3. Белоусов А. Ф. Вовочка. URL: https://folk.spbu.ru/Reader/belousov2.php?rubr=Reader-articles (дата обращения 04.01.2026).

4. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.

5. Кирпичева О. В. Социокультурные антропонимические стереотипы (экспериментальное исследование) // Известия ВГПУ. 2016. № 3 (107). С. 127–130.

6. Клубков П. А. Иванов, Петров, Сидоров… // Чужое имя: Альманах «Канун». СПб., 2001. Вып. 6. С. 273–293.

7. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой ; ред. перевода К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение». 2004. 384 с.

8. Оборнева О. В. Прагматика и поэтика своих и чужих личных имён в этнокультурном аспекте // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. 2021. № 1. С. 130–133.

9. Подлесская В. И., Стародубцева А. В. О грамматике средств выражения нечёткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 25–41.

10. Смольников С. Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия. Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 23–35.

11. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте [В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1988. 174 с.

12. Allport G. W. The Nature of Prejudice. Reading. MA: Addison-Wesley. 1954. 350 p.

13. Balnat V. Madame Machin et Herr Dingsda: les anthroponymes indéfinis en français et en allemande. URL: https://www.researchgate.net/publication/375952620_Madame_Machin_et_Herr_Dingsda_les_anthroponymes_indefinis_en_francais_et_en_allemand (дата обращения 13.01.2026). DOI: 10.3917/lang.232.0009

14. Chatterjee P. What's in a name… John Doe arrives in India. URL: https://nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/-What-s_in_a_name-_-_John_Doe_arrives_in_India.pdf (дата обращения 06.01.2026).

15. Elgin Catherine Z. With Reference to Reference. Hackett Publishing, 1983. 200 p.

16. Zelinsky W. Sloucing Toward a Theory of Names: A Tentative Taxonomic Fix // Names. Journal of Onomastics. 2002. Vol. 50. Iss. 4. P. 243–262.

References

1. Aznabaeva AF, Novikova ON. Anemonyms — epistemological basis for categorizing the names of natural phenomena as a category of onomastic vocabulary. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2023;(6(476):5-14. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/anemonimy-gnoseologicheskie-osnovaniya-kategorizatsii-nazvaniy-stihiynyh-prirodnyh-yavleniy-kak-razryada-onomasticheskoy-leksiki (accessed: 06.01.2026). DOI: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-5-14 (In Russ.).

2. Belovenceva MV English nouns as lexical means of vague reference. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki = Scientific proceedings of the Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*. 2016;(2(68):52-58. (In Russ.).

3. Belousov AF. Vovochka. Available from: https://folk.spbu.ru/Reader/belousov2.php?rubr=Reader-articles (accessed: 04.01.2026). (In Russ.).

4. Berezovich EL. Yazyk i tradicionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya = Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic studies. Moscow: Indrik; 2007. 600 p. (In Russ.).

5. Kirpicheva OV. Sociocultural anthroponymic stereotypes (empiric research). *Izvestiya VGPU = Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University.* 2016;3(107):127-130. (In Russ.).

6. Klubkov PA. Ivanov, Petrov, Sidorov… In: Chuzhoe imya: Al'manah «Kanun» = Alien Name: Almanac «Canun». St. Peterburg; 2001. Iss. 6. Pp. 273-293. (In Russ.).

7. Lippman U. Obshchestvennoye mneniye = Public Opinion / Translated from English by T. V. Barchunova; translation editors K. A. Levinson, K. V. Petrenko. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation; 2004. 384 p. (In Russ.).

8. Oborneva OV. Pragmatics and poetics of own and alien personal names in ethnocultural aspect. *Vestnik DonNU. Ser. D: Filologiya i psihologiya = Bulletin of DonNU. Series D: Philology and Psychology.* 2021;(1):130-133. (In Russ).

9. Podlesskaya VI, Starodubceva AV. On the grammar of placeholders in colloquial speech. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 2013;(3):25-41. (In Russ.).

10. Smolnikov SN. Actual and Potential Russian Anthroponymy. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics.* 2005;(2):23-–35. (In Russ.).

11. Teliya VN. Metafora kak model' smysloproizvodstva i eyo ekspressivno-ocenochnaya funkciya. In: Metafora v yazyke i tekste = Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function. Metaphor in language and text [V. G. Gak, V. N. Teliya, E. M. Wolf et al.]; ed. V. N. Teliya; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow: Nauka 1988; 174 p. (In Russ.).

12. Allport GW. The Nature of Prejudice. Reading. MA: Addison-Wesley; 1954. 350 p.

13. Balnat V. Madame Machin et Herr Dingsda: les anthroponymes indéfinis en français et en allemande. Available from: https://www.researchgate.net/publication/375952620_Madame_Machin_et_Herr_Dingsda_les_anthroponymes_indefinis_en_francais_et_en_allemand (accessed:13.01.2026) DOI: 10.3917/lang.232.0009 (In French).

14. Chatterjee P. What's in a name… John Doe arrives in India. Available from: https://nishithdesai.com/fileadmin/user_upload/pdfs/-What-s_in_a_name-_-_John_Doe_arrives_in_India.pdf (accessed: 06.01.2026).

15. Elgin CZ. With Reference to Reference. Hackett Publishing;1983. 200 p.

16. Zelinsky W. Sloucing Toward a Theory of Names: A Tentative Taxonomic Fix. *Names. Journal of Onomastics*. 2002;50(4):243-262.

Информация об авторах

А. Ф. Азнабаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

О. Н. Новикова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков.

Information about the authors

Alfiya F. Aznabaeva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign languages.

Olga N. Novikova — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Foreign languages.

Статья поступила в редакцию 28.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 28.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 70–77.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):70-77.

Научная статья

УДК 81`373.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-70-77

СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ В ЭРГОНИМИКЕ: ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО АНАЛИЗА

Юлия Александровна Васильева[1*], Ирина Юрьевна Чистякова[2]

[1] Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, gis_00@mail.ru, 0000-0002-9374-1136

[2] Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, okjemirvictoria@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение синхронического и диахронического подходов к изучению эргонимов — наименований деловых объектов. Актуальность темы заключается в преодолении ограниченности чисто синхронического подхода к изучению эргонимов и в создании целостной динамической модели, которая рассматривает эргоним как живой лингвокультурный феномен, отражающий и формирующий социальные, экономические и идеологические процессы в их историческом развитии. Доказывается, что синхронный анализ, фиксирующий систему эргонимов в определённый временной срез, и диахронический анализ, исследующий их эволюцию во времени, не являются взаимоисключающими, а образуют диалектическое единство. На материале российских эргонимов XX–XXI вв. показано, как синхронный срез отражает актуальные социально-экономические и культурные парадигмы, в то время как диахроническая перспектива выявляет исторические закономерности, тенденции и трансформационные процессы в именовании субъектов хозяйственной деятельности. Синхронический анализ позволяет зафиксировать актуальное состояние эргонимикона, выявить структуру номинативного пространства и соотношение различных типов эргонимов. Диахронический анализ даёт возможность проследить эволюцию номинативных моделей, выявить факторы смены номинативных предпочтений и установить степень устойчивости различных типов эргонимов. При этом результаты, полученные в рамках одного подхода, обогащают и корректируют выводы, сделанные в рамках другого. Делается вывод о необходимости комплексного подхода для получения целостной картины феномена эргонимики. Практическая значимость работы связана с возможностью использования полученных результатов в различных сферах: в нейминге и маркетинге (разработка стратегий создания эффективных названий, оценка их коммуникативной успешности), в урбанистике (гармонизация городской среды, разработка туристических маршрутов), в лексикографии (составление словарей эргонимов), в экспертной деятельности (проведение лингвистических экспертиз).

***Ключевые слова**:* эргонимика, эргоним, синхрония, диахрония, лингвистика, ономастика, номинативная модель, нейминг, социолингвистика

Для цитирования: Васильева Ю. А., Чистякова И. Ю. Синхрония и диахрония в эргонимике: диалектическое единство анализа // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 70–77. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-70-77

Original article

SYNCHRONY AND DIACHRONY IN ERGONYMY: DIALECTICAL UNITY OF ANALYSIS

Yulya A. Vasileva[1*], Irina Yu. Chistyakova[2]

[1] Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, gis_00@mail.ru, 0000-0002-9374-1136

[2] Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, okjemirvictoria@mail.ru

Abstract. The article discusses the application of synchronic and diachronic approaches to the study of ergonyms, the names of business entities. The relevance of the topic lies in overcoming the limitations of a purely synchronic approach to the study of ergonyms and in creating a holistic, dynamic model that views an ergonym as a living linguistic and cultural phenomenon that reflects and shapes social, economic, and ideological processes in their historical development. It is proved that the synchronous analysis, which fixes the system of ergonyms at a certain time

© Васильева Ю. А., Чистякова И. Ю., 2026

slice, and the diachronic analysis, which examines their evolution over time, are not mutually exclusive, but form a dialectical unity. Based on the Russian ergonyms of the 20th and 21st centuries, it is shown how the synchronous slice reflects current socio-economic and cultural paradigms, while the diachronic perspective reveals historical patterns, trends, and transformation processes in the naming of economic entities. Synchronic analysis allows us to record the current state of the ergonymic system, identify the structure of the nominative space, and determine the ratio of different types of ergonyms. Diachronic analysis enables us to trace the evolution of nominative models, identify the factors that influence the shift in nominative preferences, and assess the stability of different types of ergonyms. These approaches complement and refine each other, providing valuable insights into the evolution of the ergonymic system. The practical significance of the work is related to the possibility of using the results obtained in various fields: in naming and marketing (development of strategies for creating effective names and assessing their communicative success), in urban studies (harmonization of the urban environment and development of tourist routes), in lexicography (compilation of dictionaries of ergonyms), and in expert activities (conducting linguistic examinations).

Keywords: ergonymy, ergonym, synchronicity, diachronicity, linguistics, onomastics, nominative model, naming, sociolinguistics

For citation: Vasileva YuA, Chistyakova IYu. Synchrony and Diachrony in Ergonymy: dialectical unity of analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):70-77. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-70-77

Введение

В условиях глобализации и цифровой трансформации рынка нейминг коммерческих объектов — от брендов и торговых сетей до приложений и платформ — становится ключевым инструментом конкурентного позиционирования. Эргонимы сочетают лингвистическую выразительность с прагматической функцией, ориентированной на потребителя. Эргонимика как раздел ономастики, изучающий наименования предприятий, фирм, объединений и других субъектов экономической деятельности, представляет собой динамическую и высокочувствительную к внешним условиям систему, требующую применения многоаспектных методов исследования. Центральными методологическими ориентирами в этой области, как и в языкознании в целом, выступают синхронический и диахронический подходы, введённые в научный обиход Ф. де Соссюром. Синхрония рассматривает состояние языка (или иной знаковой системы) в аспекте взаимосвязей и взаимоотношений между его компонентами, зафиксированных в конкретный временной период. Ф. де Соссюр предложил рассматривать синхронию как статический аспект языковой системы, абстрагированный от фактора времени, а диахронию — как динамику исторического развития языка. Постулировав первенствующую роль синхронического анализа над диахроническим, Ф. де Соссюр произвёл концептуальный переворот в лингвистике [10; 14]. Ключевым тезисом его теории стало утверждение, что речевая деятельность в любой момент своего бытия одновременно выступает как функционирующая система (итог прошлой эволюции) и как процесс живого развития.

Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического переосмысления имеющегося эмпирического материала через призму диалектического единства статики и динамики в эргонимиконе. Это подчёркивает необходимость интегративной методологии, учитывающей статические и динамические характеристики эргонимикона в их единстве.

Цель статьи — обосновать целесообразность интегративного подхода к анализу эргонимических единиц, выявить диалектическую связь синхронического и диахронического аспектов в эргонимике.

Материалы и методы исследования

Теоретическую основу предпринятого исследования составляют работы Ф. де Соссюра, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, Р. О. Якобсона, Н. С. Трубецкого. Как показано в курсе лекций В. П. Даниленко, современное языкознание рассматривает синхронический и диахронический методы как фундаментальные подходы лингвистического анализа наряду со сравнительным, семасиологическим и ономасиологическим, структурным и функциональным [2]. В основу исследования положено понимание языка как сложной системно-структурной организации, характеризующейся одновременно стабильностью и динамичностью, что предполагает необходимость изучения языковых явлений как в плане их синхронических связей, так и в аспекте диахронической эволюции. При этом принципиальное значение имеет положение о том, что диахронические изменения носят системный характер и не могут быть адекватно поняты вне учёта синхронических состояний языка.

В области ономастики методологической базой исследования служит работа Н. В. Подольской[1], заложившая основы терминологического аппарата эргонимики, а также работы по теории ономастической номинации, раскрывающие специфику имён собственных как особого разряда лексики. Существенное значение для разработки методологии исследования имеют принципы описания эргонимического материала, предложенные Н. В. Шимкевичем, в частности понятие «индекса прагматизма» как меры ориентации эргонимов на привлечение внимания адресата [15].

Учитывая сложный, многомерный характер объекта исследования, методологическая база работы включает также положения лингвокультурологии (в части анализа прецедентных феноменов и культурно значимых смыслов), теории речевого воздействия (при исследовании прагматического потенциала эргонимов), психолингвистики (при разработке экспериментальных методик верификации восприятия названий), социолингвистики (при учёте региональной и социальной вариативности эргонимикона) [1; 3; 11].

В работе используются следующие общенаучные методы: описательный метод для первичной систематизации эргонимического материала; сравнительно-сопоставительный метод (для выявления сходств и различий в номинативных моделях разных исторических периодов); метод классификации и типологизации для упорядочения эмпирического материала по различным основаниям; метод обобщения — для формулирования выводов на основе анализа конкретных фактов.

Результаты исследования и их обсуждение

Эргонимы в отличие от апеллятивной лексики создаются целенаправленно для выполнения конкретных прагматических задач — идентификации делового объединения, привлечения внимания потенциальных клиентов, формирования определённого имиджа [15]. Действительно, каждый эргоним создаётся в конкретный исторический момент и призван отвечать номинативным вкусам, моде, языковым и культурным предпочтениям своего времени. Однако, будучи однажды закреплённым за деловым объединением, он может существовать десятилетиями, вступая в противоречие с изменившейся номинативной ситуацией. Это противоречие между синхронической заданностью и диахронической длительностью существования эргонима составляет одну из фундаментальных характеристик эргонимикона.

Положение, сформулированное М. С. Дзюбой, имеет принципиальное значение для понимания диалектики синхронии и диахронии в эргонимике: «„Статичность“, хотя это может показаться и парадоксальным, является не синхроническим, а диахроническим фактом, обнаружить который можно при рассмотрении языка во временной перспективе» [4, с. 34]. Статичность номинативных моделей и устойчивость типов эргонимов можно установить только путём сравнения нескольких синхронических срезов. Синхронный анализ эргонимии фиксирует множество единиц, но не позволяет разделить стабильные, повторяющиеся паттерны от случайных и неустойчивых. Только сравнение данных разных временных отрезков выявляет действительно устойчивые компоненты эргонимической системы.

Считаем важным аспектом синхронического исследования эргонимии её рассмотрение как фрагмента языковой картины мира. В работах Т. О. Прокофьевой показано, что эргонимы современного провинциального города отражают лингвокультурные предпочтения жителей, их ориентацию на определённые культурные коды [13]. Синхронический анализ позволяет выявить, какие культурные смыслы актуализируются в номинативной практике в данный момент: ориентация на традицию (ретро-элементы), на западные образцы, на локальную идентичность и т. п. Однако синхронический подход, взятый изолированно, не может ответить на вопрос о причинах наблюдаемой конфигурации эргонимического пространства [6; 7; 12]. Почему в один период доминируют одни номинативные модели, в другой — иные? Каковы факторы, определяющие смену номинативных предпочтений? Ответы на эти вопросы требуют обращения к диахроническому анализу.

Диахроническое изучение эргонимии предполагает рассмотрение изменений, происходящих в системе имён деловых объединений на протяжении определённого временного отрезка. Как отмечается в исследовании Г. А. Донсковой, «развитие ономастического пространства в конце XX — начале XXI в. характеризуется прежде всего качественными изменениями» [5, с. 67].

К числу основных факторов, обусловливающих диахроническую динамику эргонимикона, относятся:

[1] Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988. 200 с.

1) социально-экономические преобразования: смена экономической модели, развитие рыночных отношений, появление новых форм собственности непосредственно влияют на характер номинативной практики. В условиях плановой экономики эргонимы выполняли преимущественно идентифицирующую функцию, тогда как в рыночных условиях на первый план выходит аттрактивная функция. Профессионализация номинативной деятельности, появление специалистов по неймингу приводят к усложнению и диверсификации номинативных стратегий;
2) изменение законодательной базы: правовое регулирование наименований юридических лиц задаёт формальные рамки номинации, ограничивая или, напротив, расширяя возможности номинаторов (например, вступивший в силу с 1 марта 2026 г. Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», запрещающий использование только иностранных названий на различных вывесках, табличках, в названиях строительных проектов);
3) лингвокультурные тенденции: смена культурных ориентиров, мода на определённые языковые средства, изменение престижности тех или иных языков (например, английского в постсоветский период) находят непосредственное отражение в эргонимии.

Важным аспектом диахронического анализа является учёт региональной вариативности эргонимических процессов. Как показывают исследования, общие тенденции развития эргонимикона могут по-разному реализовываться в различных регионах в зависимости от местных социально-экономических, культурных и языковых условий. В наших работах, выполненных на материале эргонимов города Астрахани, выявлены особенности номинативной динамики в конкретном региональном пространстве [8; 9]. Диахронический анализ позволяет не только выявить общие закономерности эволюции эргонимикона, но и установить их региональные модификации, обусловленные действием локальных факторов. Синхронический и диахронический подходы в эргонимике не конкурируют, а дополняют друг друга. Синхрония фиксирует текущее состояние эргонимикона, раскрывает структуру номинативного пространства, пропорции типов эргонимов и системные связи между ними. Диахрония отслеживает эволюцию моделей именования, факторы смены номинативных стратегий, устойчивость типов номинаций и прогнозирует будущие тенденции. Синхроническая вариативность объясняется диахронией, а динамика — синхронным описанием связей.

На основе анализа методологической литературы может быть предложено следующее операциональное определение: диалектическое единство синхронии и диахронии в эргонимике — это методологический принцип, согласно которому синхронический и диахронический анализ применяются как взаимодополняющие процедуры, в которых результаты синхронического анализа служат основой для выявления диахронических изменений, а результаты диахронического анализа служат объяснительной базой для синхронической вариативности. Основное отличие предложенного определения от декларативных формулировок заключается в фиксации конкретных направлений связи между подходами: от синхронии к диахронии (выявление изменений) и от диахронии к синхронии (объяснение вариативности). Диалектическое единство синхронии и диахронии должно реализовываться на нескольких уровнях исследования:

– концептуальном (признание онтологической взаимосвязи синхронии и диахронии);
– методологическом (разработка процедур, обеспечивающих взаимодополняемость);
– операциональном (применение этих процедур к эмпирическому материалу);
– интерпретационный (интеграция результатов в целостное описание).

Предлагаемые исследовательские процедуры:

1. Выделение сопоставимых синхронических срезов (разделённых значительным временным интервалом, обеспечивающих сопоставимость данных), необходимое для выявления динамики эргонимикона. При этом интервал между срезами должен быть достаточным для фиксации изменений (не менее 10–15 лет), должны использоваться однотипные источники (справочники, базы данных, полевые наблюдения), а собранный материал — приведён к сопоставимому объёму (одинаковое количество единиц или пропорциональное квотирование для каждого периода). В исследовании астраханских эргонимов выделяются следующие срезы: дореволюционный период и 1920–1930-е гг., советский период (1940–1980-е гг.), переходный период (1980–1990-е гг.), постсоветский период (2000–2010-е гг.), современный период (2020-е гг.). Сопоставление этих срезов позволяет выявить динамику номинативных моделей.

2. Сравнительный анализ продуктивности грамматических моделей: подсчёт частотности модели в каждом синхроническом срезе, выявление тенденции (рост/падение/стабильность) с учётом статистической значимости, интерпретация динамики в связи с экстралингвистическими факторами.

3. Анализ переходных и гибридных форм: выявление номинаций, не поддающихся однозначной классификации в рамках одной модели, инновационных элементов и их соотношения с традиционными и определение их места в эволюции номинативных моделей. Так, в переходный период 1990-х гг. появляются названия типа *«Интерсервис»*, сочетающие советскую аббревиативную модель с иноязычным компонентом, и названия типа *«Комок»* (от «комиссионный магазин»), где советская отраслевая модель соединяется с разговорной суффиксацией.

4. Объяснение синхронической вариативности через диахронию: выявление спектра существующих номинативных моделей в современном срезе, определение времени возникновения каждой единицы или типа (историко-этимологический анализ), объяснение вариативности как результата наложения разных исторических пластов.

5. Выявление продуктивных и непродуктивных номинативных моделей: подсчёт частотности модели на разных временных срезах и прогнозирование дальнейшего развития. Например, советские отраслевые номинации (*«Хлеб»*, *«Молоко», «Продукты»*) практически не встречаются в эргонимиконе после 1990-х годов — это «затухающая» модель. Контаминанты (*«АстраГрад»*, *«ЕврАзия»*), напротив, появляются именно в постсоветский период и демонстрируют рост.

6. Корректировка синхронического описания на основе диахронических данных: построение синхронической классификации по формальным признакам (структура), семантике, прагматике, сопоставление с диахроническими данными (выявление групп, объединяющих эргонимы с разной исторической судьбой) и корректировка классификации (введение исторических рубрик; разграничение генетически и функционально сходных единиц). Без диахронического анализа советские аббревиатуры (ЗИЛ, ГУМ) и постсоветские игровые аббревиатуры (БУМ, СОВА, ЛИК) могли бы попасть в одну классификационную группу, хотя их природа (тип номинации, прагматическая функция) различна. Диахронический анализ требует их разграничения.

На основе изложенных процедур может быть предложена следующая методологическая схема, обеспечивающая реальную интеграцию синхронии и диахронии.

Этап 1. Синхроническое описание (подготовка данных для диахронии): сбор эмпирического материала для одного временного среза, классификация по структурным, семантическим и функциональным признакам, выявление продуктивных и непродуктивных моделей, фиксация вариативности и аномалий.

Этап 2. Диахроническое сопоставление (сравнение разновременных срезов): выделение сопоставимых синхронических срезов, сравнение частотности моделей в разных срезах, выявление тенденций (рост/падение/стабильность), идентификация «пережитков» и инноваций.

Этап 3. Интеграция (объяснение синхронии через диахронию): объяснение синхронической вариативности через диахронию, корректировка синхронической классификации с учётом диахронических данных, определение продуктивных/непродуктивных моделей, прогнозирование дальнейшего развития.

Диалектическое единство синхронии и диахронии наиболее отчётливо проявляется в соотношении статических и динамических характеристик эргонимикона. Как было показано выше, статичность (устойчивость) эргонимической системы может быть выявлена только в диахронической перспективе, через сопоставление разновременных синхронических срезов. Это означает, что оппозиция «статика/динамика» не совпадает с оппозицией «синхрония / диахрония», а пересекается с ней. С диалектической точки зрения, эргонимикон представляет собой единство противоположностей: он одновременно устойчив и изменчив, статичен и динамичен. Устойчивость обеспечивает преемственность номинативной традиции, сохранение культурной памяти, идентифицируемость деловых объединений во времени. Изменчивость позволяет эргонимикону адаптироваться к меняющимся социально-экономическим и лингвокультурным условиям, выполнять свои прагматические функции в новой среде.

Процесс взаимодополнения не является линейным, а носит циклический характер с обратными связями (рис. 1).

Реализация диалектического подхода к изучению эргонимии предполагает соблюдение ряда методологических принципов.

1. **Принцип дополнительности**. Синхронический и диахронический анализ должны

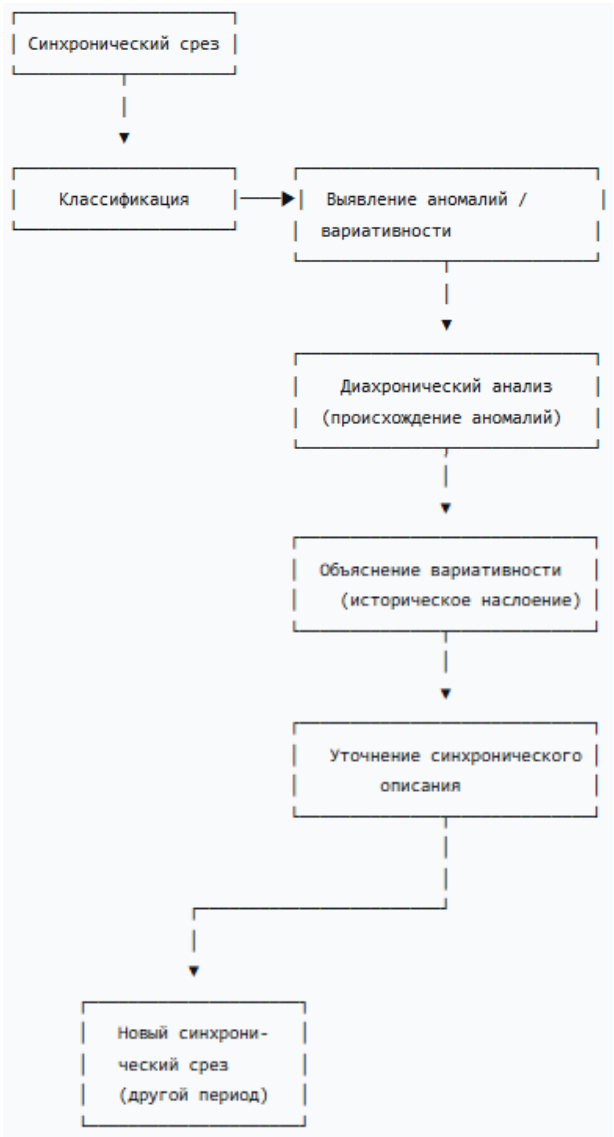

Рис. 1
Fig. 1

не заменять, а дополнять друг друга, обеспечивая многоаспектное рассмотрение объекта.

2. **Принцип историзма**. Каждое синхроническое состояние эргонимикона должно рассматриваться как результат предшествующего развития и как основа для дальнейших изменений.
3. **Принцип системности**. Диахронические изменения должны изучаться не изолированно, а в контексте системных трансформаций эргонимикона, с учётом взаимосвязи различных типов эргонимов.
4. **Принцип обусловленности**. Динамика эргонимических процессов должна объясняться через обращение к экстралингвистическим факторам (социально-экономическим, культурным, законодательным), определяющим характер номинативной практики.
5. **Принцип периодизации**. Для выявления динамических характеристик эргонимикона необходимо выделение сопоставимых временных этапов (синхронических срезов), разделённых достаточным для фиксации изменений интервалом.

Выводы

Результаты исследования могут быть непосредственно использованы в практике создания коммерческих названий: в разработке неймингових стратегий, при оценке коммуникативной успешности номинаций. Исследование углубляет понимание механизмов эргонимической номинации, выявляя закономерности их эволюции. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. 1. Синхрония и диахрония в эргонимике представляют собой не взаимоисключающие, а взаимодополняющие стратегии исследования, диалектическое единство которых обусловлено самой природой эргонимических единиц, сочетающих свойства устойчивости и изменчивости.
2. Синхронический анализ эргонимии даёт возможность зафиксировать актуальное состояние номинативного пространства, выявить структуру эргонимикона и соотношение различных типов эргонимов, но не позволяет судить о степени устойчивости номинативных моделей и факторах их изменения.
3. Диахронический анализ, сопоставляющий несколько синхронических срезов, даёт возможность выявить динамику эргонимических процессов, установить факторы номинативных изменений и определить статичные (устойчивые) компоненты эргонимикона.
4. Парадоксальное, на первый взгляд, положение о том, что статичность является диахроническим, а не синхроническим фактом, находит объяснение в том, что устойчивость номинативных моделей может быть установлена только при рассмотрении их во временной перспективе, через сопоставление разновременных состояний эргонимикона.
5. Интегративный синхронически-диахронический подход к анализу эргонимии открывает перспективы для построения целостной теории номинативных процессов, учитывающей как системные характеристики эргонимикона, так и их динамику,

обусловленную действием экстралингвистических факторов.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку методик сопоставления синхронических срезов, выявление универсальных и национально-специфических закономерностей диахронической динамики эргонимикона, а также на изучение взаимосвязи эргонимических процессов с трансформациями других разрядов ономастической лексики.

Список источников

1. Акимова Э. Н. Лингвистика текста в диахронии и синхронии // Вестник ВолГ У. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 2. С. 7–16.

2. Даниленко В. П. Методы лингвистического анализа : курс лекций. М. : Флинта : Наука, 2011. 278 с.

3. Даниленко В. П. Синхрония и диахрония в лингвистике // Вестник ИГЛУ. 2011. № 4 (16). С. 6–11.

4. Дзюба М. С. Динамика и статика в ономастике // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 33–39.

5. Донскова Г. А. Синхрония и диахрония эргономического пространства (на материале названий парикмахерских города Уральска) // V Махамбет оқулары: Махамбет Өтемісұлының 210 жылдығына арналған дәстүрлі респ. ғыл.-тәж. конф. материалдары. Орал, 2013. С. 67–71.

6. Дронова Л. П. Синхрония и диахрония: отложенная встреча // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2009. № 3 (7). С. 116–123.

7. Дронова Л. П. Синхрония и диахрония в контексте современной научной парадигмы // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: материалы II Всерос. конф., посв. памяти профессора И. А. Воробьевой: к 75-летию со дня рождения. (Барнаул, 7–9 октября 2004 г.) / под ред. Л. И. Шелеповой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 194–205.

8. Васильева Ю. А. Названия финансово-кредитных учреждений Астрахани в диахроническом аспекте // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 4 (309). С. 221–224.

9. Васильева Ю. А. Названия астраханских предприятий рыбной отрасли: диахронический аспект // Ономастика Поволжья: сборник материалов XIII Международной научной конференции (Астрахань, 1–3 октября 2025 г.). Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2025. С. 309–312.

10. Красухин К. Г. О соотношении синхронии и диахронии у Ф. де Соссюра // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 69–80.

11. Крюкова И. В. Волгоградская эргонимия в диахроническом аспекте // Вестник ВолГ У. Серия 2: Языкознание. 2007. № 6. С. 21–26.

12. Любезнова Н. В., Выходцева И. С. Синхроническое и диахроническое изучение языка // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 117–125.

13. Прокофьева Т. О. Ретро-элементы в эргонимии современного провинциального города: фрагмент ономастической картины Тамбова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Вып. 12 (140). С. 244–248.

14. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики: пер. с фр. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999.

15. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 23 с.

References

1. Akimova EN. Linguistics of Text in Diachrony and Synchrony. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznaniye = Bulletin of the VolGU. Series 2: Linguistics*. 2016;15(2):7-16. (In Russ.).

2. Danilenko VP. Metody lingvisticheskogo analiza = Methods of linguistic analysis: a course of lectures. Moscow: Flinta: Nauka; 2011. 278 p. (In Russ.).

3. Danilenko VP. Synchronicity and Diachronicity in Linguistics. *Vestnik IGLU = Bulletin of the IGLU*. 2011;4 (16):6-11. (In Russ.).

4. Dzyuba MS. Dynamics and statics in onomastics. *Neofilologiya = Neophilology*. 2021;7(25):33-39. (In Russ.).

5. Donskova GA. Synchronicity and diachronicity of ergonymic space (based on the names of hairdressers in the city of Uralsk). In: V Makhambet oқulary: Makhambet Өtemisұlynyң 210 zhyldyғyna arnalғan dəstүrli resp. ғyl.-təzh. konf. materialdary. Uralsk; 2013. Pp. 67-71. (In Russ.).

6. Dronova LP. Synchronicity and Diachronicity: A Delayed Encounter. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of the Tomsk State University. Filologiya*. 2009;(3(7):116-123. b

7. Dronova LP. Synchrony and diachrony in the context of the modern scientific paradigm. In: Yazykovaya kontseptsiya regional'nogo sushchestvovaniya cheloveka i etnosa Linguistic concept of regional existence of a person and an ethnic group: proceedings of the II All-Russian Conference dedicated to the memory of Professor I. A. Vorobyeva: on the 75th anniversary of the birthday party. / ed. by L.I. Shelepova. Barnaul: Altai University Press; 2005. Pp. 194-205. (In Russ.).

8. Vasil'eva YuA. The names of financial and credit institutions of Astrakhan in the diachronic aspect. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University*. 2025;(4(309):221-224. (In Russ.).

9. Vasil'eva YuA. The names of Astrakhan fishing industry enterprises: a diachronic aspect. In: Onomastika Povolzh'ya = Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the XIII International Scientific Conference (Astrakhan, October 1–3, 2025). Astrakhan: Publisher Sorokin Roman Vasil'evich; 2025. Pp. 309-312. (In Russ.).

10. Krasukhin KG. On the Relationship between Synchronicity and Diachronicity in F. de Saussure's Work. *Kritica i semiotica = Critique and Semiotics*. 2017;(1):69-80. (In Russ.).

11. Kryukova IV. Volgograd Ergonymy in Diachronic Aspect. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznaniye = Bulletin of the VolGU. Series 2: Linguistics*. 2007;(6):21-26. (In Russ.).

12. Lyubeznova NV, Vykhodtseva IS. Synchronic and Diachronic Study of Language. *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and Civilization*. 2021;11(2A):117-125. (In Russ.).

13. Prokof'eva TO. Retro elements in the ergonymy of a modern provincial city: a fragment of an onomastic landscape of Tambov. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2014;12(140):244-248. (In Russ.).

14. De Saussure F. Course in General Linguistics: translated from French. Yekaterinburg: Ural University Press; 1999.

15. Shimkevich N.V. Russkaya kommercheskaya ergonimiya: pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty = Russian Commercial Ergonymy: pragmatic and linguocultural aspects. Abstract of Thesis. Ekaterinburg; 2002. 23 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. А. Васильева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка.

И. Ю. Чистякова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

Information about the authors

Yu. A. Vasileva — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language

I. Yu. Chistyakova — Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Russian Language

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 78–86.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):78-86.

Научная статья

УДК 81’37

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-78-86

МЕГАКОНЦЕПТ «ТРАНСПОРТ» В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Владислав Борисович Ширшиков

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия, vbshirshikov@yandex.ru, 0000-0002-1268-8522

Аннотация. Статья посвящена лингвокогнитивному и лингвокультурологическому анализу мегаконцепта «ТРАНСПОРТ» на материале русских и английских лексикографических и идиоматических источников. В работе уточняется понятийный статус мегаконцепта как многоуровневой когнитивно-культурной структуры, включающей дефиниционные признаки, метафорические и аксиологические проекции. Исследование охватывает пять концептосфер: техническую, социально-профессиональную, правовую, экономическую и аксиолого-метафорическую. Сопоставительный анализ выявляет универсальные когнитивные параметры (движение, скорость, контроль, безопасность) и культурно-специфические особенности: коллективистские и институциональные установки в русском языке и индивидуалистические, сервисно-технологические акценты в английском. Теоретическая значимость работы определяется уточнением понятийного аппарата когнитивной лингвистики и лингвокультурологии посредством применения категории «мегаконцепт» к анализу комплексных тематических областей. Практическая ценность заключается в возможности использования результатов при преподавании языка для специальных целей (LSP) и в межкультурной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: мегаконцепт, транспорт, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, концептосфера, идиоматика, метафора

Для цитирования: Ширшиков В. Б. Мегаконцепт «ТРАНСПОРТ» в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом анализе // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 78–86. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-78-86

Original article

THE MEGA-CONCEPT “TRANSPORT” IN LINGUO-COGNITIVE AND LINGUO-CULTURAL ANALYSIS

Vladislav B. Shirshikov

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia, vbshirshikov@yandex.ru, 0000-0002-1268-8522

Abstract. The article presents a linguo-cognitive and linguo-cultural analysis of the mega-concept “TRANSPORT” based on Russian and English lexicographic and idiomatic sources. The study clarifies the conceptual status of the mega-concept as a multi-level cognitive-cultural structure that incorporates definitional features, metaphorical and axiological projections. Five conceptospheres are examined: technical, socio-professional, legal, economic, and axio-metaphorical. The comparative analysis reveals universal cognitive parameters (movement, speed, control, safety) and culturally specific features: collectivist and institutional orientations in Russian versus individualist and service-technological emphases in English. The theoretical significance of the study lies in refining the conceptual framework of cognitive linguistics and linguoculturology through the application of the category of “mega-concept” to the analysis of complex thematic domains. The practical value consists in the possibility of applying the results in teaching languages for specific purposes (LSP) and in intercultural professional communication.

Keywords: mega-concept, transport, cognitive linguistics, linguoculturology, conceptosphere, idioms, metaphor

For citation: Shirshikov VB. The mega-concept “TRANSPORT” in linguo-cognitive and linguo-cultural analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):78-86. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-78-86

© Ширшиков В. Б., 2026

Введение

Современная когнитивная лингвистика рассматривает язык как механизм концептуализации опыта, связывая языковые формы со структурами знания и ментальными репрезентациями. В актуальных справочно-научных источниках она определяется как область, исследующая роль языка в конструировании и хранении знаний — «в обработке человеческого опыта, его членении и закреплении в языковых формах», что подчёркивает связь речевой деятельности с когнитивными процессами и мировидением [22].

Междисциплинарный вектор когнитивных исследований системно осмыслен Н. Н. Болдыревым, подчёркивающим интеграцию гуманитарных и естественно-технических дисциплин [3]. Е. С. Кубрякова, в свою очередь, указывает на необходимость анализа языковых феноменов «по реальным связям и корреляциям между структурами знания и объективирующими их языковыми формами» [9, с. 59]. В этом контексте лингвокогнитивный анализ дополняется лингвокультурологическим, фокусирующимся на ценностно-символических и культурно маркированных смыслах. Совмещение этих оптик позволяет рассматривать крупные тематические образования языка как культурно обусловленные когнитивные конструкторы.

Актуальность исследования определяется тем, что мегаконцепт «ТРАНСПОРТ» репрезентирует базовую сферу человеческой деятельности, где пересекаются технические, социальные, правовые и культурные измерения. Цель статьи — выявить структуру и репрезентацию мегаконцепта «ТРАНСПОРТ» в русском и английском языках на основе лексикографических и идиоматических источников. Объектом исследования является мегаконцепт «ТРАНСПОРТ» в когнитивно-дискурсивной и культурной перспективах, предметом — лингвокогнитивные механизмы и лингвокультурные особенности его репрезентации. Задачи включают определение ядра и периферии мегаконцепта, выделение концептосфер, сопоставление лексикографической и идиоматической репрезентаций и выявление универсальных и культурно-специфических смыслов. Материал составили толковые словари русского и английского языков, идиоматические словари и выборка устойчивых выражений[1], позволяющих реконструировать метафорический и аксиолого-метафорический потенциал концепта.

Понятие мегаконцепта используется для описания сложных тематических образований и представляет собой иерархически организованную единицу, агрегирующую подконцепты и концептосферы. Термин применён в работах М. Н. Зыряновой и соотнесён с понятием метаконцепта Г. Г. Слышкина [5; 6; 17]. В данной статье мегаконцепт трактуется как объединение нескольких концептосфер в рамках одной предметной области. В отличие от «обычных» концептов он характеризуется высокой степенью абстракции и охватывает терминологическую лексику, повседневные номинации, метафоры, фразеологию и институциональные термины профессиональных дискурсов (LSP). Такая степень обобщения необходима при описании многоуровневых объектов и процессов. В международном русле когнитивных исследований данная трактовка соотносится с идеями многоуровневости метафорических структур, обсуждаемыми в трудах З. Кёвечеша, а также в фундаментальных работах по концептуальной метафоре [23; 26].

Работа Г. Г. Слышкина имеет ключевое значение для методологического обоснования исследования: учёный рассматривает метаконцепты как продукты вторичной концептуализации, агрегирующие ценности и стереотипы и задающие уровни осмысления базовых концептов [17, с. 14]. Это позволяет рассматривать мегаконцепты, в том числе «ТРАНСПОРТ», как сложные когнитивные образования, где технические, социальные и аксиологические признаки интегрируются в единую структуру. При этом важно различать метаконцепт и мегаконцепт: первый

[1] Евгеньева А. П. (ред.) Словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд. М. : Русский язык, 1999. Т. 4. 799 с.; Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2014. 1536 с.; Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М. : Русский язык, 1998. 944 с.; Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2023. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 25.10.2025); Cambridge Dictionary. Cambridge University Press, 2023. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 25.10.2025); Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2023. URL: https://www.ldoceonline.com/ (дата обращения: 25.10.2025); Collins English Dictionary. HarperCollins Publishers, 2023. URL: https://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 25.10.2025); Merriam-Webster Dictionary. Merriam-Webster Incorporated, 2023. URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 25.10.2025); Oxford Dictionary of Idioms. Oxford University Press, 2023. URL: https://www.oxfordreference.com/ (дата обращения: 25.10.2025); Black's Law Dictionary. TheLawDictionary.org, 2023. URL: https://thelawdictionary.org/ (дата обращения: 25.10.2025).

задаёт культурные рамки обобщённого осмысления (СВОБОДА, ВЛАСТЬ, КУЛЬТУРА), тогда как второй структурирует конкретные сферы человеческого опыта (ТРАНСПОРТ, ЗДОРОВЬЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ).

Методологическая основа исследования

Методологической основой исследования является когнитивный и лингвокультурологический подход [3; 8; 9; 10; 23; 24], предполагающий анализ языковых репрезентаций концептов как многоуровневых когнитивных структур. В современной когнитивной лингвистике концепт и концептосфера выступают ключевыми категориями, позволяющими выявлять ментальные структуры категоризации и интерпретации действительности.

В настоящем исследовании концепт понимается в русле классических когнитивных работ: вслед за С. А. Аскольдовым он трактуется как «мысленное образование, замещающее неопределённое множество предметов одного рода» [2, с. 269], а в интерпретации Е. С. Кубряковой — как «оперативная единица памяти, ментального лексикона и концептуальной системы» [9, с. 90]. Подход, представленный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, подчёркивает многомерность концепта и единство его понятийного, образного и ценностного компонентов, что также принимается в данной работе [10; 15].

Концептосфера трактуется в русле Ю. С. Степанова как элемент макроструктуры коллективного знания [18], а в интерпретации Н. Н. Болдырева — как динамическое ментальное пространство с ядром и периферией, отражающее степень нормативной и культурной значимости концептов [3; 15]. В контексте когнитивно-дискурсивного подхода, представленного В. И. Карасиком, концепты рассматриваются как культурно обусловленные смысловые структуры, актуализируемые в дискурсе [8]. Исследования Ю. Д. Апресяна дополняют данную рамку, демонстрируя связь когнитивных структур и языковых единиц [1].

Современные работы подтверждают многоаспектность концептов и расширение эмпирической базы их анализа в различных типах дискурса — медиальном, экологическом, образовательном, художественном, политическом и цифровом [4; 7; 12; 14; 16; 21]. Это позволяет учитывать как динамику концептосфер, так и культурно-ценностные модификации концептов в широком междисциплинарном контексте. Зарубежные исследования усиливают данную методологическую перспективу, развивая теорию концептов (В. Эванс, М. Грин), роли метафоры в структуре мышления (Дж. Лакофф, М. Джонсон), а также политических и критико-дискурсивных моделей (А. Мусолфф; Ч. Харт). Учитывается и вклад мультимодальной теории метафоры, подчёркивающий необходимость анализа визуальных и вербальных каналов репрезентации знаний [23–27].

Понятие мегаконцепта и концептосферы

Проблематика концепта занимает центральное место в когнитивной лингвистике, формируя основу для анализа связи языка, мышления и культуры. В современной отечественной традиции концепт определяется как «многомерное ментальное образование, включающее понятийный, образный и ценностный компоненты» [9; 15; 10]. Эта дефиниция восходит к работам Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой и И. А. Стернина, рассматривающих концепт как минимальную единицу ментального и культурного опыта, выраженную средствами языка. Согласно М. Н. Зыряновой, «мегаконцепт» обозначает сложную, иерархически организованную систему концептов, объединённых тематическим и аксиологическим единством [5, с. 59; 6]. Введение термина «мегаконцепт» позволяет систематизировать крупные тематические образования, не укладывающиеся в рамки одного концепта. Это «надконцепт», интегрирующий различные концептосферы и подконцепты в единую когнитивно-дискурсивную структуру. Мегаконцепт обладает высокой степенью абстракции при сохранении внутренней связности. По наблюдению Н. Н. Болдырева, концепты функционируют как «узлы» знаний, связанных с определёнными сферами опыта, а их объединение в более широкие образования отражает иерархичность ментальных репрезентаций [3, с. 14–17].

Эмпирическая база исследования (лексикографические источники и идиоматический материал) позволила реконструировать структуру мегаконцепта «ТРАНСПОРТ», представленную пятью концептосферами: технико-инфраструктурной, социально-профессиональной, правовой, экономической и аксиолого-метафорической. Каждая обладает собственной языковой репрезентацией, набором терминов, фразеологизмов и культурных кодов.

Лексикографическая репрезентация мегаконцепта «ТРАНСПОРТ»

Исходным уровнем анализа мегаконцепта «ТРАНСПОРТ» является обращение к толковым словарям, фиксирующим дефиниционные

признаки, формирующие когнитивное ядро концепта. В русской лексикографии транспорт определяется как «перевозка, доставка; область производственной деятельности, связанная с перевозкой; устройства, предназначенные для перевозки» [13]. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой эта трёхчастная структура наиболее чётко объединяет процессуальный, институциональный и предметный планы, что отражает полиплановость концепта.

Схожие результаты демонстрирует другие русские толковые словари: «перевозка грузов и пассажиров; совокупность транспортных средств; отрасль народного хозяйства». В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова уточняется: «перевозка; отрасль хозяйства; транспортные средства как совокупность машин», где более отчётливо разграничены отраслевой и вещественный планы. Таким образом, русские дефиниции подчёркивают многоплановость термина (процесс, индустрия, средство) и его этимологическую основу от лат. transportare — «переносить через».

В английской лексикографической традиции transport определяется как «system for carrying people or goods…», акцентируя организованность. Сходные формулировки фиксируются в других авторитетных английских словарях, объединяя процессуальный и инфраструктурный компоненты в едином определении. Это подтверждает тенденцию английской лексикографии к синтетическому подходу, тогда как русская традиция чаще дифференцирует отдельные аспекты. Равное количество русских и английских источников обеспечивает сопоставимую основу анализа.

Сопоставление дефиниций показывает различия когнитивных акцентов: русские словари подробно дифференцируют процесс, институцию и средство, тогда как английские стремятся к интеграции и подчёркивают системность (system of vehicles, roads). Для русской традиции характерна отраслевая специфика, отражающая историческую роль транспорта в экономике и государственном развитии.

Таким образом, уже на лексикографическом уровне мегаконцепт «ТРАНСПОРТ» проявляет многослойность: транспорт мыслится как процесс, система, отрасль и культурный символ. Идея системности фиксируется в определениях С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой («совокупность средств, путей и устройств») и в словаре С. А. Кузнецова («отрасль хозяйства», «совокупность машин»). Это многозначное ядро формирует основу для дальнейших метафорических и идиоматических репрезентаций, что подтверждает необходимость анализа на уровне мегаконцепта.

Дефиниционные оси процесс — система — индустрия — средство продуцируют устойчивые метафорические сценарии, закреплённые во фразеологии: «дать задний ход» — реверс [11], «идти по накатанной» — инерция [11], full steam ahead — ускоренное продвижение, steer clear (of) — управляемое избегание. Эти связи между словарным ядром и идиоматической периферией обеспечивают переход к анализу культурно-ценностных проекций мегаконцепта «ТРАНСПОРТ».

Идиоматическая репрезентация мегаконцепта «ТРАНСПОРТ»

Эмпирическую основу анализа составили около 120 фразеологических единиц русского и английского языков, отобранных по признаку наличия транспортного или перемещательного компонента. Принцип отбора основывался на фиксации выражений с буквальным или метафорическим значением движения (дорога, путь, рельсы; road, train, sail), по данным русских и английских источников [11].

В русском языке транспортная семантика особенно продуктивна. «Ехать зайцем» отражает нарушение нормы и соотносится с пространством контроля [20]. «На всех парусах» фиксирует модель быстрого движения. Выражения «идти своей дорогой», «встать на путь исправления», «оказаться на перепутье» формируют сценарий жизненного выбора. Железнодорожные образы («сойти с рельсов», «держаться курса», «как поезд без тормозов») отражают роль железной дороги в русской культуре. Автомобильная метафорика («жить на полной скорости», «дать зелёный свет», «топтаться на месте») расширяет когнитивные модели времени, динамики и контроля. Компоненты «дорога»/road функционируют как периферийные элементы мегаконцепта, задающие базовые сценарии движения. Доминирование образов определялось частотностью и семантической значимостью компонента с последующей кластеризацией по транспортным моделям: дорожно-наземной, железнодорожной, морской, авиационной, автомобильной.

В английской идиоматике транспорт также метафоризует опыт, но с иными акцентами. Hit the road выражает начало движения; miss the boat — потерю возможности; in the driver's seat —

контроль. Авиационные идиомы take off и crash course моделируют развитие и аварийность. Морская метафорика (learn the ropes, sail through, rock the boat) отражает освоение навыков и нестабильность. Автомобильные выражения put the brakes on, backseat driver, life in the fast lane передают управление, вмешательство и динамичный образ жизни.

В русском языке также зафиксированы идиомы «дать задний ход», «идти по накатанной», «стоять у руля», «взять курс на…», «плыть по течению», «плыть против течения», «с корабля на бал», «выйти на финишную прямую», «свернуть с намеченного пути», «куда кривая вывезет», демонстрирующие перенос навигационных и технических реалий в сферу действий человека [11]. Они формируют модели реверса, инерции, управления, отклонения и финализации движения.

В английском языке аналогичные сценарии представлены выражениями full steam ahead; plain sailing; run out of steam; that ship has sailed; in the same boat; throw someone under the bus; steer clear of; railroad someone into something; hit the skids; off the beaten track; on the rocks; fly under the radar. Эти идиомы отражают переход транспортных понятий в оценку поведения и социальных отношений.

Сопоставительный анализ показывает, что в русском языке доминируют образы дороги и железной дороги, связанные с коллективностью и регламентированной траекторией, тогда как в английском — автомобиль и авиация, символизирующие индивидуализм, мобильность и риск. Универсалиями выступают ценности движения, скорости, своевременности и контроля; различия проявляются в ориентации русской картины мира на совместное движение, а англоязычной — на самостоятельный выбор. Идиоматическая репрезентация подтверждает, что мегаконцепт «ТРАНСПОРТ» выходит за пределы буквального значения и закрепляется в языке как метафора судьбы, контроля и успеха. Выделенные группы идиом соотносятся с ключевыми концептосферами мегаконцепта — путь, скорость, контроль, цель, риск, выявленными автором в ряде исследований, что подтверждает иерархическую организацию его когнитивной структуры.

Сопоставительный анализ концептосфер мегаконцепта «ТРАНСПОРТ»

В рамках анализа выделяются пять концептосфер, структурирующих технический, социально-профессиональный, правовой, экономический и аксиолого-метафорический аспекты транспортного дискурса. Разграничение осуществлялось на основе когнитивно-семантического анализа ключевых лексем и фразеологических единиц, их частотности и распределения по смысловым полям. Каждая концептосфера формировалась по принципу доминирующей семы и типичных когнитивных сценариев, что позволило установить внутреннюю организацию мегаконцепта.

Техническая концептосфера представляет «вещественное ядро» мегаконцепта. Русский материал акцентирует железнодорожную лексику (поезд, локомотив, магистраль), что связано с исторической ролью железных дорог [12]. В английском языке доминируют автомобильные и авиационные термины (car, highway, aircraft), отражающие приоритет личной мобильности. Частотные данные современных ресурсов демонстрируют лидирующее употребление car, flight, road по сравнению с train или ship. Это различие фиксирует национальные пути индустриализации: для России — образ «сетевой рельсовой структуры», для англоязычного мира — «дорога и небо» как символы мобильности и технологического прогресса. В русской традиции преобладают коллективные образы пути и сети («путевое развитие»), в английской — индивидуализированные модели движения и полёта (open road, take off). Техническое измерение русской лингвокультуры также представлено лексемами «транспортный узел», «кольцевая магистраль», «транзитный коридор» [13], а в английском — intermodal hub, ring road, bypass, trunk route. В обоих языках актуализируется универсальная метафора «транспорт как кровеносная система» («артерии города», urban arteries).

Социальная концептосфера примыкает к технической, поскольку транспорт функционирует как пространство взаимодействия людей. В русском языке устойчивы номинации водитель, пассажир, машинист, диспетчер, а также культурно окрашенные единицы «ехать попуткой», «плацкарт», отражающие коллективные практики передвижения [11; 13]. Это позволяет рассматривать «совместное движение» как устойчивый культурный сценарий. Английская картина репрезентирует иные акценты: driver, passenger, crew, commuter, rideshare, carpooling, что фиксирует институционализированные формы мобильности. Социально-профессиональный аспект раскрывается через выражения «рейсовый график», «выпуск на линию», «путевой лист», а также commuter belt, peak hours, waybill,

демонстрирующие регламентированность движения и ролевую структуру транспортного потока.

Правовая концептосфера отражает нормативное измерение транспорта. Для русского языка характерны ПДД, техосмотр, лицензия, ГАИ, РЖД; для английского — traffic code, compliance, liability, aviation regulations. Русская традиция акцентирует государственный контроль, английская — юридическую ответственность индивида. Соответствующие номинации («разрешение на маршрут», «контрольные пункты» [13]; roadworthiness, traffic violation record, due diligence) фиксируют различные модели правового регулирования. Метафорически дорога осмысляется как пространство нормы и движения по регламенту.

Экономическая концептосфера репрезентирует транспорт как механизм обмена. Русские единицы грузоперевозка, фрахт, тарифная сетка соотносятся с нормативностью процесса; английские logistics, freight rate, last-mile delivery — с эффективностью и гибкостью [19; 27]. Термины «сквозной тариф», «логистическая цепочка», «узкое горлышко производства» [19] и английские bottleneck, throughput, just-in-time logistics [27] демонстрируют универсальность экономических моделей оптимизации и ограничения.

Аксиолого-метафорическая концептосфера выводит транспорт в сферу символического. В русском языке дорога репрезентирует судьбу и выбор («идти своей дорогой», «оказаться на перепутье»), поезд символизирует движение истории. В английской культуре доминируют автомобильные и авиационные образы: life in the fast lane, on the right track, take off. Идиомы «свернуть с намеченного пути», «стоять у руля», «выйти на финишную прямую» [11] и английские plain sailing, run out of steam, off the beaten track иллюстрируют оценочные сценарии успеха и поиска пути. Русская традиция акцентирует сохранение курса и коллективную направленность, английская — инициативу и индивидуальный выбор. Таким образом, транспортные метафоры связывают физическое движение с духовным и социальным развитием личности.

Сопоставительный анализ концептосфер демонстрирует универсалии — движение, скорость, контроль, безопасность — и культурно-специфические акценты. В русском мегаконцепте доминируют коллективистские и институциональные установки, в английском — индивидуалистические и технологические. Многослойность структуры подтверждает продуктивность концепта для когнитивно-дискурсивных исследований.

Заключение

Проведённое исследование показало, что мегаконцепт «ТРАНСПОРТ» представляет собой многослойное когнитивно-культурное образование, включающее взаимосвязанные концептосферы — техническую, социально-профессиональную, правовую, экономическую и аксиолого-метафорическую. Его структура выявляется на основе лексикографических дефиниций, идиоматического материала и метафорических проекций, что позволяет рассматривать транспорт не только как средство передвижения, но и как культурный символ, закреплённый в языковом сознании.

Лексикографический анализ показал различие когнитивных акцентов: русская традиция дифференцирует процессуальный, институциональный и предметный планы, тогда как английская склонна к их интеграции. Анализ идиом выявил культурно-ценностные различия: в русском языке доминируют образы дороги и железной дороги как судьбы и коллективного опыта, в английском — автомобиль и авиация как символы мобильности, индивидуальной свободы и риска. Сопоставление концептосфер подтвердило универсальность базовых когнитивных схем (движение, скорость, контроль, безопасность) и культурную специфику: коллективистские и институциональные установки в русском языке и индивидуалистические, технологически ориентированные акценты в английском.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении применения категории «мегаконцепт» для анализа комплексных тематических областей. Итоги работы демонстрируют, что мегаконцепт «ТРАНСПОРТ» функционирует как методологический инструмент выявления многомерных когнитивных структур и их культурных проекций, что открывает перспективы дальнейших исследований в области когнитивно-дискурсивного анализа.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

2. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М. : Наука, 1928. С. 267–279.

3. Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2. С. 5–25. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-5-25.

4. Воронцова И. В. Трансформация концептосферы медиадискурса в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, № 2. С. 112–123.

5. Зырянова М. Н. Особенности лингвокогнитивного исследования мегаконцепта «творчество» в художественной речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 11. С. 58–62.

6. Зырянова М. Н. Лингвокогнитивное описание структуры мегаконцепта «творчество» (на материале произведений Д. А. Пригова) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 1 (13). С. 38–44.

7. Иванова Е. А. Экологические концепты в современном русском дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 56–68.

8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

10. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.

11. Молотков А. И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка. М. : Русский язык, 2000. 543 с.

12. Морозова Н. В. Концептосфера образовательного дискурса: когнитивное моделирование // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 8 (430). С. 45–52.

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Атберг-98, 2013. 874 с.

14. Пименова М. В. Концептосфера русской поэзии XXI века // Вопросы филологии. 2021. № 4. С. 112–121.

15. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.

16. Рязанцева Т. Ю., Велентеенко М. В. Метафоры «природы» на примере российского медиадискурса // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 92–103.

17. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена, 2004. 240 с.

18. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический проект, 2004. 992 с.

19. Тараканова Е. В. Транспортная метафора в современном медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 83–92. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-2-83-92.

20. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

21. Фёдорова О. В. Трансформация лингвокультурных концептов в цифровом медиапространстве // Вестник МГЛУ. 2022. № 4 (847). С. 130–140.

22. Большая российская энциклопедия. Когнитивная лингвистика. 2023. URL: https://bigenc.ru/wiki/Когнитивная_лингвистика (дата обращения: 21.09.2025).

23. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. 2nd ed. London: Routledge, 2018. 850 p.

24. Forceville C. Multimodal Metaphor and Metaphor Theory // Metaphor and Symbol. 2020. Vol. 35, No. 1. Pp. 1–16.

25. Hart C. Cognitive Linguistic Critical Discourse Studies: Towards an Integrated Approach. London: Bloomsbury Academic, 2021. 256 p.

26. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 256 p.

27. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. London: Bloomsbury Academic, 2016. 240 p.

References

1. Apresyan YD. Image of man according to language data: An attempt at systemic description. *Voprosy yazykoznaniya = Problems of Linguistics.* 1995;(1):37-67. (In Russ.).

2. Askol'dov SA. Concept and word. In: Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta = Russian Literature. From the Theory of Literature to the Structure of the Text. Moscow: Nauka; 1928. Pp. 267-279. (In Russ.).

3. Boldyrev NN. Cognitive approach in linguistics and related fields of knowledge. *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive Studies of Language*. 2020;(2):5-25. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-5-25. (In Russ.).

4. Vorontsova IV. Transformation of the conceptosphere of media discourse under digitalization. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*. 2023;15(2):112-123. (In Russ.).

5. Zyryanova MN. Specifics of linguocognitive study of the megaconcept "creativity" in fictional speech. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;(11):58-62. (In Russ.).

6. Zyryanova MN. Linguocognitive description of the structure of the megaconcept "creativity" (based on works by D. A. Prigov). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*. 2011;1(13):38-44. (In Russ.).

7. Ivanova EA. Ecological concepts in modern Russian discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*. 2022;(77):56-68. (In Russ.).

8. Karasik VI. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language circle: Personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena; 2002. 477 p. (In Russ.).

9. Kubryakova ES. Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke = Language and knowledge: On the way to obtaining knowledge about language. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury; 2004. 560 p. (In Russ.).

10. Maslova VA. Lingvokul'turologiya = Linguoculturology. Moscow: Akademiya; 2001. 208 p. (In Russ.).

11. Molotkov AI (ed.). Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka = Phraseological dictionary of the Russian language. Moscow: Russkiy yazyk; 2000. 543 p. (In Russ.).

12. Morozova NV. Conceptosphere of educational discourse: Cognitive modelling. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019;8(430):45-52. (In Russ.).

13. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka = Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Atberg-98; 2013. 874 p. (In Russ.).

14. Pimenova MV. Conceptosphere of Russian poetry of the 21st century. *Voprosy filologii = Questions of Philology*. 2021;(4):112-121. (In Russ.).

15. Popova ZD, Sternin IA. Kognitivnaya lingvistika = Cognitive linguistics. Moscow: AST; Vostok-Zapad; 2007. 314 p. (In Russ.).

16. Ryazantseva TYu, Velenteenko MV. "Nature" metaphors in Russian media discourse. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2024;1(103):92-103. (In Russ.).

17. Slyshkin GG. Lingvokul'turnyye kontsepty i metakontsepty = Linguocultural concepts and metaconcepts. Volgograd: Peremena; 2004. 240 p. (In Russ.).

18. Stepanov Yu S. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury = Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow: Akademicheskiy proekt; 2004. 992 p. (In Russ.).

19. Tarakanova EV. Transport metaphor in modern media discourse. *Voprosy kognitivnoy linglistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2023;(2):83-92. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-2-83-92. (In Russ.).

20. Teliya VN. Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury"; 1996. 288 p. (In Russ.).

21. Fedorova OV. Transformation of linguocultural concepts in digital media space. *Vestnik MGLU = Bulletin of Moscow State Linguistic University*. 2022;4(847):130-140. (In Russ.).

22. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. Kognitivnaya lingvistika = The Great Russian Encyclopedia. Cognitive linguistics. 2023. Available at: https://bigenc.ru/wiki/Когнитивная_лингвистика (accessed 21.09.2025). (In Russ.).

23. Evans V, Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. 2nd ed. London: Routledge; 2018. 850 p.

24. Forceville C. Multimodal Metaphor and Metaphor Theory. Metaphor and Symbol. 2020;35(1):1–16.

25. Hart C. Cognitive Linguistic Critical Discourse Studies: Towards an Integrated Approach. London: Bloomsbury Academic; 2021. 256 p.

26. Lakoff G, Johnson M. Metaphors We Live By. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press; 2003. 256 p.

27. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. London: Bloomsbury Academic; 2016. 240 p.

Информация об авторе

В. Б. Ширшиков — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the author

V B. Shirshikov — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 27.09.2025; одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 27.09.2025; approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 25.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 87–95.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):87-95.

Научная статья

УДК 81’23

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-87-95

ТЕМПО-РИТМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СПОНТАННОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ КАК ИНДИКАТОРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ РЕПОРТАЖЕЙ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Дмитрий Владимирович Жабин

Воронежский государственный университета, Воронеж, Россия, dmitry.zhabin@mail.ru, 0000-0001-5528-2699

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального психолингвистического исследования, направленного на выявление, описание и сравнительный анализ темпо-ритмических параметров спонтанной звучащей речи в условиях эмоционального и физиологического стресса. Актуальность работы обусловлена интересом ряда наук (психолингвистики, криминалистики и медицины) к исследованию объективных просодических маркеров психоэмоционального состояния говорящего условиях эмоциональной напряжённости. Материалом исследования послужили русскоязычные и немецкоязычные новостные видеорепортажи ведущих немецких и российских СМИ, собранные в январе 2024 — марте 2025 года, содержащие спонтанную речь очевидцев и пострадавших в условиях чрезвычайных ситуаций. Методология исследования включает аудитивный анализ с участием наивных носителей языка, оценивавших степень напряжённости речевых фрагментов, а также инструментальный анализ темпа, пауз, ритмических групп, ошибок/оговорок. На основании данных аудитивного и инструментального анализов представлены результаты изменения формальных признаков речи на темпо-ритмическом уровне. Установлено, что эмоциональный стресс вызывает дезорганизацию речи, нестабильность темпа и увеличение когнитивных пауз, тогда как физиологический стресс сопровождается общим замедлением темпа, удлинением дыхательных пауз и редукцией ритмических групп. Результаты доказывают, что параметры темпо-ритмической организации речи являются универсальными индикаторами психоэмоционального состояния говорящего. Выявленные межъязыковые различия (лексические повторы в русской речи vs синтаксическая фрагментация в немецкой речи) носят преимущественно лингвокультурный характер. Полученные данные подтверждают корреляцию между субъективными оценками аудиторов и объективными акустическими параметрами. Настоящее исследование вносит вклад в развитие методов психолингвистической диагностики стрессовых состояний на основе просодического анализа речи, а также открывает перспективы дальнейшего изучения медиадискурса.

Ключевые слова: психолингвистический анализ, аудитивный анализ, звучащая спонтанная речь, темп, ритм, паузация, эмоциональный стресс, физиологический стресс

Для цитирования: Жабин Д. В. Темпо-ритмические параметры спонтанной звучащей речи как индикаторы эмоционального и физиологического стресса (на материале новостных репортажей русского и немецкого языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 87–95. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-87-95

© Жабин Д. В., 2026

Original article

TEMPO-RHYTHMIC PARAMETERS OF SPONTANEOUS SPEECH AS INDICATORS OF EMOTIONAL AND PHYSIOLOGICAL STRESS (A STUDY BASED ON RUSSIAN AND GERMAN NEWS REPORTS)

Dmitry V. Zhabin

Voronezh State University, Voronezh, Russia, dmitry.zhabin@mail.ru, 0000-0001-5528-2699

Abstract. This article presents the results of experimental psycholinguistic study aimed at identifying and comparatively analyzing the tempo-rhythmic parameters of spontaneous speech under emotional and physiological stress. The relevance of this study stems from the interest of academic disciplines (psycholinguistics, criminology, medicine) in studying objective prosodic markers of speaker's emotional state. The study material consisted of Russian- and German-language video news reports from leading media (between January 2024 and March 2025), containing spontaneous speech from eyewitnesses and victims of emergencies. The study included auditive analysis with the participation of naive speakers, who assessed the degree of tension in speech fragments, instrumental analysis of speech tempo, pauses, rhythmic groups, and slips of the tongue in speech. Changes in the formal characteristics of speech at the tempo-rhythmic level are presented based on the data from auditive and instrumental analysis. As a result, emotional stress causes disorganization of speech, instability of tempo and increase in cognitive pauses; physiological stress is accompanied by general slowing of the speech tempo, extension of breathing pauses and decrease in rhythmic groups. The results demonstrate the parameters of tempo-rhythmic organization of speech are universal indicators of the speaker's emotional state. The interspeech differences (lexical repetitions in Russian speech versus syntactic fragmentation in German speech) are primarily of linguocultural nature. The obtained data confirm the correlation between the listener's subjective assessments and objective acoustic parameters. This study contributes to the development of methods for psycholinguistic diagnosis of stress states and opens up prospects for study of media discourse.

Keywords: psycholinguistic analysis, auditive analysis, spontaneous speech, tempo, rhythm, pausation, emotional stress, physiological stress

For citation: Zhabin DV. Tempo-rhythmic parameters of spontaneous speech as indicators of emotional and physiological stress (a study based on russian and german news reports). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):87-95. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-87-95

Введение

В современную эпоху развития процессов глобализации информационной среды наблюдается значительный рост сведений об экстремальных ситуациях, которые характеризуются высокой степенью стрессогенности. Воздействие на организм в таких ситуациях может быть обусловлено как физиологическими факторами (боль, перепады температуры, чрезмерная физическая нагрузка), так и психологическими стимулами, несущими информацию о биологической или социальной значимости происходящего: угрозе, опасности или эмоционально значимых событиях. Кроме того, идентичные стрессоры могут провоцировать принципиально различные физиологические и поведенческие ответы не только у разных индивидов, но и у одного человека в зависимости от контекста стрессовой ситуации. Характер и интенсивность ответной реакции определяются множеством переменных: уровнем стрессовой подготовленности, психоэмоциональной стабильностью, порогом сенсорной чувствительности, лабильностью нервных процессов, актуальным психическим состоянием и устойчивыми личностными характеристиками индивида. Эти параметры в свою очередь обусловливают вариативность поведенческих ответов на внешне схожие психогенные воздействия [11; 3]. В связи с этим одной из приоритетных задач современной психолингвистики становится изучение влияния стресса на речевую деятельность человека.

Речь представляет собой сложный когнитивный и коммуникативный процесс, способный сигнализировать об изменениях как в эмоциональной, так и в физиологической сферах. И. И. Валуйцева и Г. Т. Хухуни, ссылаясь на опыт предыдущих исследователей, отмечают, что слушающий способен воспринимать тонкие различия в эмоциональном состоянии говорящего, что указывает на наличие в речевом сигнале устойчивых физических коррелятов. Изучение акустических характеристик звучащей речи позволяет рассматривать их как показатель состояния говорящего [1]. Р. К. Потапова считает, что акустические и просодические характеристики речи в процессе естественной речевой коммуникации могут служить маркерами текущего эмоционального

состояния коммуниканта [10]. С. Касл, Г. Маль и А. Дибнер выявили специфические закономерности речевого поведения в результате анализа речевой активности в эмоционально обусловленных ситуациях (академические дискуссии, экзаменационные испытания и профессиональные дебаты). Это позволило идентифицировать ряд устойчивых речевых маркеров эмоционального напряжения: 1) нерелевантные с точки зрения семантики повторения фраз, их отдельных частей, слов или слогов; 2) грамматическая, синтаксическая или логическая незавершённость высказываний; 3) пропуски окончаний слов или целых лексических единиц; 4) изменения привычных синтаксических позиций; 5) увеличение числа пауз, изменение громкости и чёткости артикуляции; 6) появление оговорок, включая неологизмы и парафазии, а также рост количества самокорреккций [14; 12].

Фундаментальные исследования речевой деятельности в условиях эмоционального напряжения, проведённые Э. Л. Носенко, свидетельствуют о дезорганизации речевого процесса. Это выражается в увеличении общего объёма высказываний при одновременном возрастании длительности пауз, росте числа вербальных хезитаций в виде местоименных конструкций и лексических повторов, использовании семантически избыточных элементов и речевых клише, а также учащении случаев применения нерелевантных вставных конструкций. Кроме того, отмечается активизация невербальных компонентов коммуникации, проявляющаяся в увеличении сопровождающих речь поисковых и описательных жестов. Показательным индикатором эмоционального напряжения выступает резкое увеличение частоты употребления автоматизированных дискурсивов, которое свидетельствует о снижении когнитивного контроля над речевой деятельностью в стрессовых условиях [9]. Таким образом, проведённые на сегодняшний день психолингвистические исследования выявляют характерные изменения речевого поведения в условиях эмоциональной напряжённости, проявляющиеся в усилении стереотипизации и упрощении лексического состава высказываний. Тенденция к спонтанному выбору наиболее употребительных в данном языковом сообществе языковых единиц интерпретируется специалистами как защитно-адаптивный механизм, направленный на компенсацию когнитивной нагрузки в условиях эмоционального напряжения. Данный феномен отражает бессознательную стратегию говорящего по оптимизации речевой деятельности при дефиците психических ресурсов, вызванном стрессовой ситуацией [5].

В фокусе нашего научного внимания находятся темпо-ритмические параметры звучащей спонтанной речи говорящего, которые в меньшей степени поддаются сознательному контролю, в отличие от лексического наполнения, и могут служить объективными индикаторами стресса [9; 3]. Проведённое нами экспериментальное исследование было направлено на выявление и сравнение изменений темпо-ритмических характеристик звучащей спонтанной речи в ситуациях, обусловленных двумя различными типами стрессоров — эмоциональным (горе, страх, печаль) и физиологическим (боль, удушье, физическое истощение, вызванные травмами разного генеза). Несмотря на обширную теоретическую базу (см. работы отечественных и зарубежных лингвистов, физиологов и психологов: А. А. Леонтьева, Н. И. Жинкина, А. Р. Лурии, Б. Ю. Нормана, Г. Селье, Э. Л. Носенко, А. Р. Дамазиу и др.), в современной науке наблюдается дефицит исследований, посвящённых *сравнительному* анализу речевого поведения в условиях двух различных по своей природе стрессовых факторов [6; 4; 7; 8; 11; 9; 2; 13]. Новизна исследования заключается в применении комплексного междисциплинарного подхода (психолингвистика, фонетика, медиалингвистика) к анализу материала на двух языках — русском и немецком, что позволяет верифицировать универсальность выявленных закономерностей. Таким образом, основной целью нашего исследования является выявление, описание и сравнение темпо-ритмические параметров звучащей речи в условиях эмоционального и физиологического стресса на материале русского и немецкого языков.

Материалы и методы исследования

Предметом исследования являются темпоритмические параметры спонтанной речи (темп, ритм, паузация, оговорки) в русскоязычных и немецкоязычных новостных видеорепортажах в условиях чрезвычайных ситуаций. Материал исследования представляет собой аудио- и видеозаписи новостных репортажей на русском и немецком языках, посвящённых природным катастрофам (наводнения), техногенным катастрофам (пожары), актам насилия (террористические акты, вооружённые нападения), личным трагедиям (потеря близких). Общая выборка составила 36 видеорепортажей общей продолжительностью 125 минут, которые были разделены на три тематические группы: природные катастрофы,

техногенные катастрофы и теракты. Основным критерием отбора являлось наличие спонтанной речи очевидцев или пострадавших, отражающей состояние острого стресса[1]. В качестве респондентов выступили непосредственные участники событий — пострадавшие, свидетели, а также журналисты, работающие в эпицентре событий.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе был произведён аудитивный анализ. Полученные файлы звучащей речи были транскрибированы фонетистами с сохранением всех просодических характеристик: пауз, ошибок/оговорок, интонационных контуров. Приглашённые нами 10 свободных аудиторов (носители русского и немецкого языков, не лингвисты) в печатных вариантах транскриптов, составленных на основании аудио- и видеозаписей репортажей, оценивали степень эмоциональной напряжённости 610 речевых реплик по трехбалльной шкале (1 — спокойная, 2 — нейтральная, 3 — напряжённая) (см. табл. 1). Участники также фиксировали внешние признаки стресса (по признакам изменения мимики, жестов, частоты дыхания). В ситуациях эмоционального стресса аудиторы чаще фиксировали невербальные проявления — слёзы, активную мимику, выразительные жесты, нестабильность позы. Среди эмоциональных реакций аудиторы идентифицировали страх, тревога, горе, печаль, сожаление. При физиологическом стрессе наблюдались прерывистое дыхание, затруднённая артикуляция, продолжительные паузы, а также слабая мимическая активность и замедленные движения. Эмоциональное состояние в таких случаях характеризовалось растерянностью, усталостью и внутренним напряжением при общей сдержанности в выражении чувств.

На втором этапе эксперимента проводился инструментальный анализ с использованием программы Praat, в ходе которого фиксировались средний темп речи (слогов/мин), количество и средняя длительность пауз, частота ошибок/оговорок и самокоррекций, средняя протяжённость ритмических групп и позиция ударного слога. Полученные данные сопоставлялись с оценками аудиторов и типом стрессового фактора.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ полученных данных подтверждает выдвинутую нами гипотезу о значимом влиянии стресса на темпо-ритмическую организацию речи. При этом характер изменений параметров зависит от типа стрессора. В результате обработки данных аудиторами была выявлена неоднородность речевого потока даже внутри одного высказывания. Почти каждая третья реплика (42 %) была оценена как «напряжённая», что подтверждает относительно высокую степень эмоциональной напряжённости звучащего материала. При этом 20 % реплик, несмотря на трагический контекст, были восприняты как «спокойные», что указывает на возможное действие защитных механизмов психики (ступор, диссоциация) или фазы истощения.

Эмоциональный стресс, вызванный горем и страхом (например, интервью матери, потерявшей ребёнка, репортажи о терактах), характеризуется в русской спонтанной речи высокой степенью нестабильности всех просодических параметров. Как показано в табл. 2, темп речи в таких ситуациях может резко колебаться: от ускорения на эмоциональных пиках (~150) до значительного замедления (~88) и прерывистости (стаккато). Ритмические группы остаются относительно короткими (до 5–6 слогов с ударностью в центре ритмической группы), часто их целостность часто нарушается интонационными сбоями.

Паузы при эмоциональном стрессе имеют преимущественно когнитивную природу: отражают трудности в подборе слов, попытки справиться

[1] Корпус материала исследования составили выпуски новостных видеорепортажей ведущих немецких и российских СМИ, собранные в январе 2024 — марте 2025 года: SpiegelTV, Bild, Welt, YouTube-каналы новостных агентств, Первый канал, Россия 1, Москва 24.

Таблица 1
Table 1

Оценки аудиторов степени напряжённости речи
Auditors' assessments of the degree of speech intensity

Оценка	Количество реплик	% от общего количества реплик
«1»	122	20 %
«2»	195	33 %
«3»	250	42 %
Противоречивые оценки	43	5 %

Таблица 2
Table 2

Сравнительный анализ темпо-ритмических параметров русской спонтанной речи в условиях эмоционального и физиологического стресса
Comparative analysis of tempo-rhythmic parameters of Russian spontaneous speech under conditions of emotional and physiological stress

Параметры (средние значения)	Эмоциональный стресс	Физиологический стресс
Средний темп (слог/мин)	Нестабильный = ~88–110	Относительно стабильный, с вынужденными паузами = ~100
Ритм (количество слогов)	Ритмические группы относительно протяжённые, с интонационными сбоями: 5:3; 6:3	Ритмические группы короткие: 3:3; 5:4. Частота и длительность пауз обусловлены нарушением дыхания
Паузы	Хезитации средней длительности (0,6–1,4 сек)	Продолжительные, дыхательные (1,6–2,4 сек)
Ошибки и оговорки	Обусловлены когнитивной перегрузкой, фрустрацией и попыткой стабилизировать эмоциональное состояние	Механический характер и связаны с нарушением артикуляции и дыхания
Громкость голоса	Резкие перепады громкости (крик/шёпот), вибрация голоса	Монотонность, затухание голоса к концу фразы

с эмоциями и структурировать травматичный опыт. Часто встречаются заполненные вокальные паузы хезитации [э…э…‖ м…а… а…] (0,5–1 сек.), лексические повторы. Количество оговорок и фальш-стартов резко возрастает, что свидетельствует о когнитивной перегрузке и снижении речевого контроля. В качестве наиболее демонстративного примера приведём фрагмент транскрипта речи матери, потерявшей ребёнка (рус. яз.): крайне низкий темп (~88 слогов/мин), множество длинных пауз (до 2 сек), высокая частота речевых сбоев (12 случаев).

В отличие от эмоционального, физиологический стресс (удушье при пожаре, ранения при теракте) в русской спонтанной **речи** ведёт к так называемой **«разреженной» организации**. Темп замедлен и более равномерен (в среднем 100–110 слогов/мин). Относительно низкие показатели объясняются вынужденными остановками дыхания, поэтому паузы более продолжительны (до 2,5 сек.), часто незаполнены и физиологически обусловлены (см. табл. 2). Частотные ритмические группы относительно короткие (до 3–5 слогов с ударностью в конце ритмической группы), окончания фраз могут редуцироваться вследствие затруднений инспирации (вдоха) или экспирации (выдоха). Оговорки, обусловлены не столько когнитивным поиском, сколько механическими сбоями артикуляции на фоне физического напряжения. Речь воспринимается как обрывочная, разреженная с «затухающей» интонацией в конце законченных фраз.

Аналогичным образом мы проанализировали немецкую спонтанную речь. В части экстралингвистических признаков напряжённости речи аудиторы также отмечают нестабильность основного тона голоса, вызванного резким увеличением или внезапными остановками дыхания.

Пример маркировки эмоционально-напряжённой речи

Оценка аудиторов	Ритмическая группа	Кол-во слогов: ударность
1	и я у неё спрашиваю |	9:6
1	что-то случилось |	5:4
1	она мне говорит |	6:3
3	она мне говорит |	6:6
3	кажется ваш мальчик сгорел в сарае |	11:8
3	приезжайте срочно |	6:3
3	мммм | я понимала что я не смогу доехать |	13:4:10
3	мммм | простите |	3:2
3	я позвонила мужу |	7:6
3	ээээ | сообщить то что мне было сказано |	11:3
3	по телефону | мммм | я не смогла |	9:4:9

Пример маркировки речи при физиологическом факторе стресса

Оценка аудиторов	Ритмическая группа	Кол-во слогов: ударность
1	конечно |	3:2
1	когда они оттуда выбежали |	11:9
3	а у мамы	4:3
3	…‖	
3	часть головы у неё |	7:4
3	…‖	
3	во-первых |	3:2
3	всё в шишках было |	5:3
1	такое ощущение б… ‖	8:6
1	что ей что-то падало на голову |	11:5
3	и всё было в крови |	6:5
3	в крови запёкшейся |	6:2

Пример маркировки речи при физиологическом факторе стресса

Оценка аудиторов	Ритмическая группа	Кол-во слогов: ударность
1	dann kam der Mann rein |	5:2:5
1	der kam in den Kiosk |	6:2:5
3	ich habe sein Gesicht gesehen |	9:2:6
3	er kam in den Kiosk ohne was zu sagen |	12:2:5:7
3	hat daeinfach angefangen zu schießen |	11:2:5:11
3	die Leute im Kiosk |	6:2:5
3	Ferrat, Gogo, Mercedes |	7:1:3:6
3	alle hat er erschossen |	7:1
3	und dann kam er zu uns ‖	6:2:3
3	ich wollte es immer noch nicht glauben |	10:2:5:9
3	ich habe immer noch gedacht |	8:2:4:6
3	das wäre irgendeine billige Spielzeugpistole oder so |	18:2:8:11
3	da hat er geschossen |	6:1:5

В условиях эмоционального фактора стресса темп речи относительно стабильный (~125–128 слог/мин.), при физиологическом стрессе — частично замедлен (~90 слог/мин.). Ритмические группы стабильно протяжённые как при эмоциональном факторе (6:4 с многослоговой ударностью в центре и к концу ритмической группы), так и в условиях физиологического стресса (7:1 с многослоговой ударностью в начале и в конце ритмической группы). Основные показатели в продолжительности пауз совпадают с показателями в русской речи, однако в немецкой сравнительно меньше встречаются хезитации, паузы носят более немой характер. Количество ошибок/оговорок умеренно одинаково.

Сравнительный анализ русскоязычных и немецкоязычных фрагментов (табл. 3) свидетельствует о тенденциях в универсальности выявленных закономерностей. В обоих языковых корпусах эмоциональный фактор вызывает нестабильность темпа, вибрато и увеличение пауз хезитаций, а физиологический приводит к замедлению темпа и увеличению времени дыхательных пауз. В то же время нами были зафиксированы и некоторые отличительные языковые характеристики. В русской спонтанной речи в состоянии стресса чаще встречаются лексические повторы, в качестве хизитаций — междометия и дискурсивы («ну…», «это…», «вот…»). В немецкой спонтанной речи более отчётливо проявлялась синтаксическая фрагментация и интонационная «разорванность». Например, говорящий обрывает фразу на полуслове из-за невозможности её завершить в условиях фрустрации, вызванной эмоциональным стрессом, или вследствие затруднений инспирации (вдоха)

Данные субъективной оценки аудиторов в целом коррелируют с объективными инструментальными замерами и свидетельствуют о высокой степени валидности результатов. Наиболее напряжённые с точки зрения аудиторов фрагменты (например, интервью о потере ребёнка) продемонстрировали выраженные изменения темпоритмических параметров в сравнении с условной нормой (ср.: в рус. яз. = 200–240 слог/мин., в нем. яз. = 250–280 слог/мин. [15]). Это подтверждает нашу позицию о том, что слушающий на интуитивном уровне определяет состояние стресса по просодическим характеристикам речи. Кроме того, экстралингвистические признаки стресса

Таблица 3
Table 3

Межъязыковое сопоставление темпо-ритимических параметров
Interlingual comparison of tempo-rhythmic parameters

Параметр	Эмоциональный стресс		Физиологический стресс	
	Русский язык	Немецкий язык	Русский язык	Немецкий язык
Средний темп (слогов/мин)	\~88–110	\~125	\~100	\~90
Сред. длит. пауз (сек)	\~0,6–1,4	\~0,6–0,8	\~1,6–2,4	\~1,9
Частотные ритмические группы	5:3	4:2 6:4	5:3	3:2 7:1
Оговорки и самокоррекции	12	7	11	8

(вибрато, сбивчивое дыхание) являются для аудиторов более точными сигналами эмоционального напряжения, чем лексическое содержание речи.

Заключение

Проведённое нами исследование доказывает, что формальные признаки спонтанной звучащей речи на темпо-ритмическом уровне являются условными индикаторами психоэмоционального состояния говорящего. Представленный эксперимент подтверждает влияние эмоциональных и физиологических факторов стресса на речевую деятельность в целом, становится возможным частично дифференцировать изменения некоторых просодических параметров речи в зависимости от природы и характера стрессора.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Эмоциональный и физиологический стресс по-разному проявляются в речевом сигнале. Эмоциональный стресс приводит к **дезорганизации** речевых параметров и характеризуется нестабильностью темпа и преобладанием когнитивных пауз, тогда как физиологический — общим замедлением темпа, увеличением времени пауз дыхательного характера и короткими ритмическими группами. В ударности наблюдается стремление к центральной позиции в ритмической группе. Ошибки/оговорки характеризуют речь как в условиях эмоциональной напряжённости, так и в условиях физиологического стресса. Внешние проявления эмоциональной напряжённости (мимика, жесты, характер и природа дыхания) коррелируют с акустическими параметрами, что свидетельствует о необходимости комплексного анализа для объективной оценки состояния говорящего.
2. Выявленные закономерности в русской и немецкой спонтанной речи позволяют рассматривать темпо-ритмические изменения как универсальные паралингвистические маркеры психоэмоционального состояния. Межъязыковые различия касаются преимущественно лексико-синтаксического оформления (повторы в русском языке vs. фрагментация в немецком) и относятся скорее к лингвокультурным особенностям оформления спонтанной речи, чем к самой природе стрессовой реакции.
3. Совокупность данных аудитивного и инструментального анализа может служить основой для развития методов диагностики стрессовых состояний на основе просодических характеристик. Полученный в ходе исследования звучащий материал представляет собой практическую ценность для дальнейшего изучения медиадискурса. Основные выводы имеют практическое значение для психологии и психолингвистики, криминалистики, медицины, а также методики преподавания иностранных языков при обучении аудированию аутентичных звучащих текстов.

Список источников

1. Валуйцева И.И., Хухуни Г. Т. Эмоции в звучащей речи: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3. С. 45–55.

2. Дамазиу А. Р., Дамазиу А. Мозг и речь // В мире науки. 1992. № 11–12. С. 55–61.

3. Жабин Д. В. Речевая характеристика состояния стресса: монография. Воронеж: Научная книга, 2013. 155 с.

4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М. : Наука. 1982. 159 с.

5. Исаева А. А. Влияние эмоциональной напряжённости на порождение звучащей речи // Вестник ВГУ. 2022. № 4. С. 34–41.

6. Леонтьев А. А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания // Вопросы порождения речи и обучения языку. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1967. С. 6–16.

7. Лурия А. Р. Язык и сознание. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. 319 с.

8. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб. : Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1994. 227 с.

9. Носенко Э. Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряжённости. Днепропетровск : ДГУ, 1975. 132 с.

10. Потапова Р. К. Вариативности акустических параметров звучащей речи // Вестник МГЛУ. 2016. № 740. С. 137–147.

11. Селье Г. Стресс без дистресса. М. : Прогресс, 1979. 126 с.

12. Dibner A. S. Cue-counting: A measure of anxiety in interviews // Journal of Consulting Psychology. 1956. № 20 (6). Pp. 475–478. DOI: 10.1037/h0045312

13. Bracha H. S. Freeze, Flight, Fight, Fright, Faint: Adaptationist Perspectives on the Acute Stress Response Spectrum // CNS Spectrums. 2004. № 9. Pp. 679–685.

14. Kasl S. V., Mahl, G. F. Relationship of disturbances and hesitations in spontaneous speech to anxiety // Journal of Personality and Social Psychology. 1965. № 1 (5). Pp. 425–433. DOI: 10.1037/h0021918

15. Stock E., Velickiva L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2002. 260 S.

References

1. Valujceva II, Huhuni GT. Emotions in spoken language: an experimental study. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics.* 2016;(3):45-55. (In Russ.).

2. Damaziu AR, Damaziu A. Brain and speech. *V mire nauki=In the world of science.* 1992;(11-12):55-61. (In Russ.).

3. Jabin DV. Rechevaya kharakteristika sostoyaniya stressa = Speech characteristics of the state of stress. Monograph. Voronej: Nauchnaya kniga; 2013. 155 p. (In Russ.).

4. Zhinkin NI. Rech' kak provodnik informatsii = Text as a conductor of information. Moscow: Nauka; 1982. 159 p. (In Russ.).

5. Isaeva AA. The influence of emotional tension on the production of spoken language. *Vestnik VGU = Bulletin of VSU.* 2022;(4):34-41. (In Russ.).

6. Leont'ev AA. Inner speech and processes of grammatical generation of utterances. In: Voprosy porozhdeniya rechi i obucheniya yazyku=Issues of speech production and language teaching. Moscow: Moscow State University Press; 1967. Pp. 6–16. (In Russ.).

7. Luria AR. Yazyk i soznaniye = Language and consciousness. Moscow: Moscow State University Press; 1979. 319 p. (In Russ.).

8. Norman BYU. Grammatika govoryashchego = The grammar of the speaker. SPb. S.-Peterburg State University Press; 1994. 227 p. (In Russ.).

9. Nosenko EL. Osobennosti rechi v sostoyanii emotsional'noy napryazhonnosti = Features of speech in a state of emotional tension. Dnepropetrovsk: DGU; 1975. 132 p. (In Russ.).

10. Potapova RK. Variability of acoustic parameters of spoken speech. *Vestnik MGLU = Bulletin of MSLU.* 2016;(740):137-147. (In Russ.).

11. Selye G. Stress bez distressa = Stress without distress. Moscow: Progress; 1979. 126 p. (In Russ.).

12. Dibner AS. Cue-counting: A measure of anxiety in interviews. *Journal of Consulting Psychology.* 1956;20(6):475-478. DOI: 10.1037/h0045312

13. Bracha HS. Freeze, Flight, Fight, Fright, Faint: Adaptationist Perspectives on the Acute *Stress Response Spectrum. CNS Spectrums.* 2004;(9):679-685.

14. Kasl SV, Mahl GF. Relationship of disturbances and hesitations in spontaneous speech to anxiety. *Journal of Personality and Social Psychology.* 1965;1(5):425-433. DOI: 10.1037/h0021918

15. Stock E, Velickiva L. Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen. Frankfurt am Main. Peter Lang Verlag. 2002. 260 p. (In German).

Информация об авторах

Д. В. Жабин — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии

Information about the authors

D. V. Zhabin — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the German Philology department.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 25.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 96–105.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):96-105.

Научная статья

УДК 811.161.1’42

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-96-105

ОЦЕНОЧНАЯ ПЛОТНОСТЬ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИАТЕКСТА

Евгения Наумовна Басовская[1], Татьяна Александровна Воронцова[2]*

[1] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, jeni_ba@mail.ru, 0000-0002-6867-9326
[2] Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, voron500@yandex.ru, 0000-0001-7370-8809

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу экспрессивно-оценочных компонентов в двух типах медиатекста: традиционных средствах массовой информации и новых медиа, тексты которых создаются непрофессионалами и представлены в сети Интернет. Материалом исследования послужили, с одной стороны, профессиональные рецензии на фильм «Мастер и Маргарита» (2024), представленные в изданиях «Аргументы и Факты», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», РБК, с другой — пользовательские отзывы о данном фильме на сайте «Отзовик» (otzovik.com). Корректность сопоставления данных публикаций определяется их хронологическим, тематическим и жанровым единством, а также общим объектом оценки. В процессе исследования были использованы методы стилистического и аксиологического анализа. Для количественного и качественного анализа «аксиологической карты» медиатекстов данных типов было введено рабочее понятие «оценочная плотность», позволяющее выявить, во-первых, отношение оценочных языковых и речевых средств к общему объёму текста, во-вторых, средства и способы выражения оценки с точки зрения их потенциального воздействия на адресата (интенсивность выражения оценки). В ходе анализа было выявлено, что в отрицательных профессиональных рецензиях оценочная плотность несколько выше, чем в положительных. При этом и в тех, и в других текстах для выражения оценки используются исключительно языковые и речевые средства, не выходящие за пределы литературного языка. В пользовательских отзывах с положительной оценкой авторы также используют языковые и речевые средства литературного языка. В негативных пользовательских отзывах оценочная плотность значительно выше, чем в профессиональных рецензиях и пользовательских отзывах с положительной оценкой, за счёт как количества оценочных высказываний, так и использования языковых и речевых средств с высокой степенью экспрессивности, в том числе и выходящих за пределы литературного языка. Это позволяет сделать вывод о том, что данный тип текстов обладает более высоким потенциалом воздействия на массового адресата.

Ключевые слова: медиатекст, профессиональная рецензия, пользовательский отзыв, оценка, оценочная плотность

Для цитирования: Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Оценочная плотность как стилистическая характеристика медиатекста // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 96–105. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-96-105

Original article

EVALUATIVE DENSITY AS MEDIA TEXT STYLISTIC CHARACTERISTIC

Evgenia N. Basovskaya[1], Tatyana A. Vorontsova[2]*

[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, jeni_ba@mail.ru, 0000-0002-6867-9326
[2] Chelyabinsk State University Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, voron500@yandex.ru, 0000-0001-7370-88091

Abstract. The article is aimed at comparative analysis of expressive and evaluative components in the two types of media texts: traditional mass media information and new media in which texts are created by non-professionals on

© Басовская Е. Н., Воронцова Т. А., 2026

the Internet. The material of study includes professional reviews on the film *The Master and Margarita* (2024), on the one hand, published in *Argumenty i Fakty, Kommersant, Komsomolskaya Pravda*, and *RBC,* and, on the other hand, users' reviews on this film on the website *Otzovik* (otzovik.com). Chronological, thematic and genre unity, as well as the same object of evaluation, define the correctness of the given publications comparison. Stylistic and axiological methods have been used in the research. The notion "evaluative density" has been introduced to analyze the quantitative and qualitative "axiological map" of these types of media texts. This notion helps firstly, reveal the relation of the evaluative language and speech means to the total text volume, and, secondly, the means and ways to express evaluation from the point of view of their potential influence on the addressee (intensiveness of evaluation expression). The analysis showed that evaluative density in the negative professional reviews is slightly higher than in the positive ones. At the same time, only language and speech means within literary language are used to express evaluation in both types of texts. The non-professional authors also use language and speech means of the literary language in their reviews with positive evaluation. In the negative users' reviews, evaluative density is much higher than in professional reviews and in non-professional reviews with positive evaluation by using both the number of evaluative utterances and by using language and speech means with the high degree of expressiveness, including going beyond the literary language. The conclusion can be drawn that such type of texts possesses a higher impact potential on the mass addressee.

Keywords: media text, professional review, non-professional review, evaluation, evaluative density

For citation: Basovskaya EN, Vorontsova TA. Evaluative density as media text stylistic characteristic. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):96-105. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-96-105

Введение

Постановка проблемы

Методы медиалингвистического анализа находятся сегодня в стадии активного становления [9]. Значительное место в их ряду занимают подходы, укоренённые в классической отечественной функциональной стилистике, в частности — приёмы выявления экспрессивно-оценочных компонентов медиатекста (используемые автором языковые и речевые средства, их функциональная нагрузка и эффективность применения). Такой ракурс представляется актуальным, поскольку нацелен на создание своего рода «аксиологической карты» медиапроизведения — установление отражённой в нём системы ценностей и описание формы, позволяющей транслировать данное содержание массовому адресату, то есть оказывать существенное влияние на общественное сознание.

Для проведения стилистико-аксиологического исследования нами введено рабочее понятие «оценочная плотность», толкуемое как отношение количества оценочных средств к объёму текста. Мы, однако, не ограничиваемся количественным анализом и рассматриваем также качественные параметры: объект оценки, направленность (положительная/отрицательная), способ выражения (прямая/косвенная) и используемые речевые средства. Представляется перспективной задача соотнести перечисленные показатели с типологическими характеристиками медиатекстов — традиционных, опубликованных в средствах массовой информации, и неканонических, размещённых в новых медиа.

История вопроса

В основу статьи положены фундаментальные представления о медиатексте, отражённые в научных трудах Т. Ван Дейка, Т. Г. Добросклонской, Л. Р. Дускаевой, Н. И. Клушиной, Л. В. Рацибурской, Г. Я. Солганика и других авторов. В их работах отмечается влияние медиадискурса на систему ценностей аудитории [8, с. 33–34], характеризуется оценочность / социальная оценочность как обязательный атрибут медиакоммуникации [21; 10, с. 206; 11], подчёркивается неразрывная связь таких специфических свойств медиатекста, как поликодовость и гипертекстуальность, с дополнительными возможностями передачи оценочного содержания [17. С. 216].

Понятие «плотности текста» (наряду с ним используются номинации «насыщенность» и «напряжённость» текста) встречается в лингвистической литературе, но толкуется исследователями неединообразно. Наиболее последовательно данный термин используется специалистами по научному дискурсу, понимающими «уплотнение» текста как его сокращение, сжатие при сохранении исходного объёма содержания [13; 23]. Учёные говорят также о смысловой, прецедентной, ономастической (ономасиологической) плотности текста [12; 14; 25 и др.]. При всём разнообразии частных трактовок под «плотностью» чаще всего подразумевается ёмкость, использование небольшого объёма текста для передачи сложного содержания.

Единственное встретившееся нам упоминание собственно об оценочной плотности текста содержится в статье В. А. Торопкиной, где термин

присутствует без толкования и не является ключевым для авторского исследования: «В языке СМИ сосуществуют разнонаправленные тенденции: его демократизация и интеллектуализация, повышение оценочной плотности текста при стремлении к завуалированному выражению оценки, стремление к языковой игре и развлекательности при сохранении интереса к освещению серьёзных социальных проблем» [24, с. 248. Подчёркнуто нами. — Авт.]. Из контекста ясно, что оценочная плотность рассматривается здесь как наличие большого числа оценочных высказываний в пределах одной журналистской публикации.

Отдельную подгруппу в ряду публикаций, связанных с изучаемой проблематикой, составляют работы — в том числе принадлежащие авторам данной статьи, характеризующие оценочность как жанровый признак рецензии [2; 20], а также содержащие попытку провести стилистическую границу между профессиональной рецензией, с одной стороны, и блог-рецензией, пользовательским интернет-отзывом — с другой (последний жанр сопровождает сегодня практически любой продукт — от зубной щётки до блокбастера) [1, 4; 5; 7; 19]. В частности, И. А. Семина на франкоязычном материале, О. Р. Галиуллина — на англоязычном, Р. П. Баканов, Т. Р. Ванько — на русскоязычном и другие выявляют такое отличие любительской рецензии от профессиональной, как установка на коммуникативное сближение с массовым читателем посредством диалогизации текста, а также упрощения и некоторого снижения стиля, ориентация на разговорность и свободный выход за пределы литературной нормы.

Материал и методы исследования

Эмпирическим материалом для изучения стали рецензии на фильм «Мастер и Маргарита» (2024), представленные, с одной стороны, в изданиях «Аргументы и Факты», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда», РБК (по одной рецензии в каждом издании), с другой — на сайте «Отзовик» (всего 8 отзывов-рецензий). Сопоставимость источников определяется хронологическим, тематическим и жанровым единством публикаций, а также общим объектом оценки (фильм «Мастер и Маргарита»). В сферу исследования включались только те фрагменты текста, в которых представлен анализ фильма. Общий объём текстов рецензий в традиционных СМИ и новых медиа примерно одинаков. Поскольку предметом анализа является широкий спектр средств выражения оценки (от слова до высказывания), релевантным количественным показателем оценочной плотности является процентное отношение оценочных средств к общему объёму каждого типа текстов.

Цель исследования — провести количественное и качественное сопоставление оценочных компонентов текста профессиональной и любительской рецензии (пользовательского отзыва о фильме).

Основными методами исследования являются стилистический и аксиологический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Рецензии кинокритиков

В изученных публикациях СМИ вектор оценки в профессиональных рецензиях распределился следующим образом: в «Коммерсанте» (автор — Ю. Шугельман) сугубо негативная, в «Афише КП» (автор — Д. Корсаков) и «Аргументах и фактах» (автор — Е. Садкова) — в целом отрицательные, но с указанием ряда отдельных достоинств фильма, в РБК (автор — Т. Алиев) — позитивная.

Можно говорить о композиционном выделении оценки: во всех рецензиях она сконцентрирована в заголовочном комплексе. Интересно, что в двух случаях из четырёх использован один и тот же речевой ход: *Рецензия на фильм «Мастер и Маргарита» (2024):* ***что не так*** *с картиной Михаила Локшина* (Афиша КП); *А Булгаков про такое точно писал?* ***Что не так*** *с фильмом «Мастер и Маргарита»* (АиФ). Аллюзивный заголовок рецензии «Коммерсанта» также содержит средство прямой отрицательной оценки: ***Рукописи не поблагодарят.*** *На экранах новая отечественная киноверсия «Мастера и Маргариты».* Оценочной определённостью характеризуется и заголовок положительной рецензии РБК: *«Мастер и Маргарита»: обзор новой и* ***удачной*** *экранизации Булгакова. Один из самых дорогих фильмов по мотивам знаменитого романа*. Показательно при этом, что заголовки «Афиши КП» и «Аргументов и Фактов» более категоричны, чем сами рецензии. Вероятно, такой выбор редакции (которая нередко берёт на себя озаглавливание публикации) обусловлен повышенной привлекательностью оценочных, особенно резко негативных компонентов названия [см., например: 26, с. 76].

Единственная рецензия, в которой элементы положительной и отрицательной оценки структурно разделены, — это публикация «Афиши КП». В ней выделяются с помощью

подзаголовков фрагменты «***Минусы*** *фильма „Мастер и Маргарита“»* и *«**Плюсы** фильма „Мастер и Маргарита“».*

Главным средством трансляции оценки во всех рассмотренных рецензиях следует признать лексику, причём как собственно оценочную (*хороший/плохой* и т.п.), так и содержащую оценочную коннотацию. Позитивно оценочных слов используется несколько меньше, чем негативизмов, и они могут относиться не только к фильму, но и к книге, положенной в его основу, а также к игре конкретных актёров: ***лучший*** *исполнитель этой роли, мир… поражает* ***изысканным*** *художественным оформлением,* ***блестящая*** *роль Леонида Ярмольника,* ***высококачественный*** *продукт* (РБК); *они считают себя равными* ***лучшему*** *писателю* ***на свете****;* ***идеальный*** *Воланд, безумно* ***красиво*** (Афиша КП); *особенно* ***хорош*** *Воланд, эффекты* ***изящны****,* ***магия*** *всё-таки рождается* (АиФ).

При использовании отрицательно оценочной лексики авторы рецензии остаются строго в пределах литературного языка (включая, правда, разговорные слова): ***долгострой*** *отечественного кино,* ***неуклюже*** *цифровой мейн-кун Бегемот* (Коммерсантъ); ***вольности****, допущенные режиссёром* (РБК), *остальные* /экранизации/ *были ещё* ***хуже***; ***громоздкая*** *и* ***нелепая*** *конструкция*, *убогий реализм*, *отдельный* ***просчёт***, *выглядит* ***отвратительно*** (Афиша КП); ***киношникам*** *лучше не трогать*; ***переиначили****, переделали, переосмыслили* (АиФ).

Поскольку применение грубых слов и выражений в границах официальных СМИ недопустимо, критики изыскивают другие возможности усиления экспрессии. В их числе приём (используемый в одной из рассмотренных рецензий), который можно условно назвать «второй степенью негативизации»: отрицательно оценочная лексема сопровождается экспрессивным эпитетом: ***безнадёжно*** *вторично,* ***откровенные*** *провалы, просчёт,* ***большой и печальный****.* Тот же автор прибегает к демонстрации мнимого непонимания*: Юрий Колокольников (Коровьев) самый впечатляющий из этой компании, но Локшин* ***зачем-то*** *заставляет его отчаянно подражать Джиму Кэрри в одной из худших ролей…* (Афиша КП). Мы видим прямую зависимость: чем отчётливее негативное отношение критика к фильму, тем богаче становится арсенал средств отрицательной оценки.

Дополнительными приёмами негативной оценки выступают риторические вопросы и вопросно-ответные ходы: *Кантор и Локшин хотят быть не простыми иллюстраторами романа, а Художниками со своим уникальным видением? Они считают себя равными лучшему писателю на свете? (Зря, тысячу раз зря). Хотят намекнуть, что Михаил Афанасьевич написал роман с целью отомстить своим гонителям? Пытаются добавить в книгу реализма, которого ей так отчаянно не хватало?* (Афиша КП); *Иешуа? Его в фильме… мало* (АиФ).

Однако очевидно большее разнообразие средств отрицательной оценки обеспечивается не подключением синтаксических приёмов, а поддержанием оценочности вторым, ироническим пластом текста. Сама природа иронии предполагает критическое отношение к действительности [16, с. 252]; ирония не имеет аналога в пространстве позитивной оценочности. Поэтому свойственный медийной речи последних десятилетий общий иронический тон [22, с. 667–668; 3, с. 66] способствует негативизации создаваемого образа мира.

Авторы отрицательных рецензий на фильм «Мастер и Маргарита» широко используют приём иронии, критикуя картину под видом удивления, восхищения и похвалы: *То, что* ***не пришло в голову Булгакову****, доделано, дописано.* ***Расширены границы безграничного****, если можно так выразиться. А* ***многое смело выброшено за ненужностью*** *— от важнейшей истории Пилата и Иешуа почти ничего не осталось* (АиФ); *В ключевых сценах безумств в театре Варьете и бала у сатаны (который выглядит тоскливой,* ***на удивление*** *безлюдной вечеринкой), Локшин всё-таки* ***старается изо всех сил*** (Афиша КП); *Снято это всё, спору нет,* ***красочно, нарядно и с размахом****. Как говорят в самом фильме,* ***проделана большая работа*** (Коммерсантъ).

Как показал анализ, оценочные средства составляют ≈ 40 % от общего объёма всех текстов, причём количество негативно-оценочных средств в два выше, чем средств с положительной оценкой.

Таким образом, в профессиональных рецензиях отмечается преобладание негативных оценок, которые передаются в границах литературного языка и усиливаются средствами и приёмами из традиционного языкового экспрессивного арсенала. Соответственно, тексты отрицательных рецензий обладают большей оценочной плотностью и более высоким потенциалом воздействия на читателя.

Отзывы зрителей

«Отзовик» (otzovik.com) позиционируется в сети как сайт, где реальные пользователи оставляют отзывы о самых разных вещах: товарах, лекарствах, услугах, книгах, фильмах и многом другом, делятся собственным опытом и составляют рейтинги продуктов в широком смысле слова.

На данном сайте представлено 766 пользовательских отзывов о фильме «Мастер и Маргарита». При этом оценочное соотношение отрицательных и положительных отзывов — 397 и 369 соответственно. Негативных несколько больше, но это объясняется, скорее всего, тем, что негативное впечатление о фильме в большей степени мотивирует пользователя написать отзыв. Материалом для анализа послужили тексты четырёх положительных (оценка 5) и четырёх отрицательных (оценка 1–2) отзывов. Отбор материала проводился методом случайной выборки в объёме, сопоставимом с объёмом текстов профессиональных рецензий.

Заголовки положительных отзывов характеризуются оценочной определённостью по отношению к фильму: *Не экранизация, а* ***ода*** *«Мастеру и Маргарите»* (vmf77)*;* ***Наслаждение*** *каждым кадром* (Зим.а)*; Мастер и Маргарита* ***круче*** *миссис и мистера Смита!* (AnTiTeRoR). Прямая оценка отсутствует лишь в одном заголовке: *Это не экранизация книги, это фильм по произведению «Мастер и Маргарита»* (ioulias).

В заголовках отрицательных отзывов оценка фильма выражена имплицитно: *Больной разум рождает больные фантазии…* (zirius) (вероятно, это аллюзия к названию известного офорта Ф. Гойи «Сон разума рождает чудовищ»); *«Мастер и Маргарита» или политическая* ***чернуха****?* (Gamaheya)*; Где 1,2 млрд?* (Bojena87). Вопросительные конструкции в качестве заголовка не позволяют говорить об оценочной определённости, несмотря на то, что в первом из этих заголовков используется негативно оценочный арготизм «чернуха», обладающий высокой степенью экспрессивности. В одном из заголовков оценочных языковых средств нет: *Такого я точно не ожидала…* (Tigrovik).

Для положительных отзывов характерна подчёркнутая субъективность оценки: *Для меня этот фильм —* ***наслаждение*** *каждым кадром*; *Здесь создана такая атмосфера, в которую* ***мне было приятно погрузиться*** (Зим.а)*; Конечно этот фильм* ***не шедевр****, но как* ***по мне, это лучшая*** *экранизация произведения на сегодняшний день*; Снегирь[1] *—* ***мне*** *тоже* ***показалась удачной*** *Маргаритой*; *Ну и* ***совершеннейший мой восторг*** *вызвал Аугуст Диль в роли Воланда* (vmf77); *фильм* ***мне понравился*** (AnTiTeRoR); *Моменты, которые* ***мне не зашли****…* (ioulias) и др.

При этом следует отметить, что у авторов таких отзывов есть стремление к объективному анализу фильма: наряду с тем, что понравилось и, соответственно, оценивается положительно, отмечается то, что не понравилось, т.е. то, что автор оценивает отрицательно. Оценочная плотность текста достигается за счёт «экспрессивного контраста» положительной и отрицательной оценки. Положительная оценка выражается при помощи лексики с высокой степенью экспрессивности[2]: *А фильм оказался совершенно* ***чудесным****; Москва — версии воплощённого победившего социализма…* ***великолепна*** (vmf77)***; Всё чётко и выверено и так неописуемо красиво****, ммм!* (Зим.а); *Я в* ***восторженном экстазе****!* (ioulias); *…операторская работа, которая тоже выполнена* ***шикарно****; Смотрелось* ***прекрасно****!* (AnTiTeRoR).

Для выражения отрицательной оценки, как правило, используются языковые и речевые средства, снижающие её интенсивность: *даже* ***не уверена****, что это* ***недостатки*** (vmf77)*;* ***Не особенно понравились*** *Фагот и Азазелло; …****не хватило*** *— булгаковского стёба из книжки; …****не скажу, что прямо таки все 2 с половиной часа на одном дыхании*** (Зим.а); *Как изобразили строящуюся Москву* ***мне не очень понравилось****; …каким-то* ***значительным минусом это назвать я не могу*** (AnTiTeRoR). Кроме того, при выражении отрицательной оценки авторы также подчёркивают её субъективный характер: в большей части оценочных высказываний в качестве маркеров субъективности присутствуют местоимения и глаголы 1 лица единственного числа.

Обратим внимание на тот факт, что в данных отзывах для выражения как положительной, так и отрицательной оценки используются языковые и речевые средства русского литературного языка, при этом почти не применяется даже лексика разговорного стиля.

---

[1] Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала.

[2] Под экспрессивным компонентом значения понимается усиление признаков, входящих в денотативный компонент значения. «Экспрессивный компонент — это своего рода параметрический компонент или компонент интенсивности. Он указывает на повышенное или пониженное проявление какого-либо признака предмета или явления по отношению к нормативным параметрам» [6, с. 30].

В положительных отзывах оценочная плотность по отношению к объёму текста снижается за счёт того, что в каждом из них разбор фильма предваряется или сопровождается рассуждениями автора об одноимённом романе, о соотношении книги и фильма, об ожиданиях, связанных с фильмом (≈ 20–30 % текста), т.е. «оценочный блок», посвящённый собственно фильму, занимает не весь текст (≈ 70 % от общего объёма текста).

Тексты негативных отзывов не включают какой-либо дополнительной информации, кроме собственно оценки фильма, поэтому в негативных отзывах оценочная плотность по отношению к общему объёму текста ≈ 90–100 %.

Если в положительных отзывах авторы неоднократно подчёркивают субъективный характер оценки, то в отрицательных негативная оценка, как правило, выражается безапелляционно и безаргументативно: *От романа там ничего не осталось, всё самое важное выкинули за борт;* ***ужасные*** *актёры, вообще не подходящие на роль* (Tigrovik)*; Иван Бездомный в фильме* ***самый настоящий дурак*** (zirius); *Красивых женщин в фильме нет…, есть* ***ободранный кривой*** *кот, над ним вообще* ***не старались*** *графически* (Bojena87)*;* ***Абсолютно недалёкий заказной фильм*** *в стиле голливудского блокбастера* (Gamaheya) и др.

Языковые и речевые средства в отрицательных отзывах отличаются высокой степенью экспрессивности (интенсивности негативной оценки), которая обеспечивается языковыми средствами разных уровней. В первую очередь это сниженная разговорная и просторечная лексика: ***фиговая*** *музыка;* ***фильмец*** *получился* ***никакой*** (Bojena87); ***оторва****…* ***отмороженная на всю голову****; глупость топорная; дичь полная; магия* ***бабла и волшебного распила*** (Tigrovik); *столько* ***отсебятины*** (zirius); *откровенная антироссийская* ***чернуха*** (Gamaheya) и др.

Как видим, в отзывах с негативной оценкой авторы активно используют слова и выражения, выходящие за рамки литературного языка.

Отрицательные отзывы отличаются бóльшим разнообразием средств и приёмов выражения оценки (негативной, конечно). Так, она репрезентируется через такой приём, как риторический вопрос. Это средство выражения негативной оценки мы наблюдали в профессиональных рецензиях, однако обратим внимание на то, что здесь используется серия риторических вопросов, в которых негативная оценка выражена эксплицитно — через лексические средства. Данный риторический приём обеспечивает «высокий градус» экспрессивности высказывания и, соответственно, интенсивность негативной оценки. Отметим, что данный приём встречается в разных текстах отрицательных отзывов неоднократно: *Я понимаю, что актёр — иностранец, но* ***зачем так-то****? И зачем* ***визжит и пищит*** *Коровьев в исполнении Юрия Колокольникова? Почему Марат Башаров в роли Лиходеева совсем* ***не органичен, а скорее жалок****? Почему Азазелло смешон, а не ужасающе страшен? И зачем так* ***переигрывает*** *Верник?* (zirius); *Зачем у Воланда трость с Анубисом? На* ***какой ляд*** *Маргариту* ***вырядили****, как Клеопатру на выданье?* (Tigrovik).

Одним из самых распространённых способов выражения негативной оценки в данном типе отзывов является ирония, которая реализуется при помощи различных языковых и речевых средств. В большинстве случаев иронические высказывания отличаются высокой степенью экспрессивности, т.е. такую иронию можно квалифицировать как сарказм: *Булгаков перевернулся в могиле, трижды. Матерился и переворачивался. Инфа сотка* (Bojena87); *…****ну спасибо*** *что хоть не было Нагиева или Гузеевой* (Bojena87), *…****спасибо*** *хоть Маргарита не трансвестит* (Gamaheya); …это*... вольная трактовка глазами школьного двоечника. Двоечника, который почему-то решил, что имеет право переиначивать и домысливать сюжет любыми возможными способами* (zirius) и др.

Основным лексическим маркером иронических высказываний является оценочная энантиосемия [см. подробнее: 15; 18]: ***Хорошо*** *«вложились» ребята, в фонде наверное тоже на откате, ещё и легально, браво* (Bojena87)*; Финал сия кина особенно* ***прекрасен****, пол-Москвы взорвали, и все такие довольные* (Tigrovik). В двух случаях оценочная энантиосемия используется для создания оксюморона*: к этому бездарному* ***«шедевру»****;* ***мощно*** *испортил образ Мастера* (Tigrovik).

Итак, анализ положительных и отрицательных зрительских отзывов показал, что положительные и отрицательные отзывы имеют различную оценочную плотность как по количественному, так и по качественному показателю. В негативных отзывах оценочная плотность значительно выше, чем в положительных, во-первых, за счёт объёма «оценочного блока» (в положительных отзывах собственно оценка фильма занимает ≈ 70–80 % текста; в отрицательных — почти 100 %.), во-вторых, за счёт использования языковых и речевых средств, способствующих интенсификации оценки.

Заключение

Анализ оценочной плотности в текстах рецензий, опубликованных в традиционных средствах массовой информации и текстах пользовательских (непрофессиональных) отзывов в новых медиа, позволил сделать следующие выводы.

1. Тексты любительских рецензий (отзывов) характеризуются более высоким уровнем оценочной плотности по сравнению с текстами профессиональных рецензий как по количественному (соответственно ≈ 70 % и 40 %), так и по качественному (интенсивность выражения оценки) показателям.
2. Анализ стилистических параметров оценочных языковых и речевых средств ожидаемо показал, что традиционные СМИ для выражения оценки используют средства литературного языка. Однако и в пользовательских отзывах с положительной оценкой авторы также используют языковые и речевые средства выражения оценки (и положительной, и отрицательной), которые не выходят за пределы литературной нормы.
3. Оценочная плотность текстов и рецензий, и отзывов с негативной оценкой выше по сравнению с положительными рецензиями и отзывами в обоих типах медиатекстов. Данный результат можно объяснить тем, что негативная оценка является маркированным членом оценочной оппозиции и, следовательно, негативно оценочные высказывания обладают бóльшим воздействующим потенциалом. Самый высокий уровень оценочной плотности наблюдается в текстах пользовательских отзывов с отрицательной оценкой за счёт большого количества оценочных высказываний по отношению к общему объёму текста и интенсификации негативной оценки посредством использования сниженной разговорной и грубо-просторечной лексики, а также различных риторических и стилистических средств и приёмов.

Проблема оценочной плотности медиатекста — это, по сути, проблема воздействующего потенциала медиатекста. В дальнейшем предполагается продолжить исследование проблемы оценочной плотности на материале медиатекстов разного типа и различной тематики.

Список источников

1. Баканов Р. П. Медиакритика в контексте повседневности: депрофессионализация vs модернизация? // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 39–47.

2. Басовская Е. Н. Жанр интернет-рецензии: взаимодействие стилевых стихий // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 122–126.

3. Басовская Е. Н. Речевые формы неоднозначности в современном русскоязычном медиатексте // Актуальные проблемы стилистики. 2023. № 9. С. 61–67.

4. Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Фатическая составляющая современного медиатекста (на материале кинорецензий) // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 68–77.

5. Ванько Т. Р. Своеобразие жанров кинорецензии в медиапространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 8 (850). С. 9–20.

6. Воронцова Т. А. Элементарная стилистика. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2008. 130 с.

7. Галиуллина О. Р. Прагмалингвистические и стилистические особенности англоязычной сетевой кинорецензии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. № 1. С. 151–161.

8. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

9. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М., 2020. 180 с.

10. Дускаева Л. Р. Выражение оценочных коммуникативных действий в журналистском культурно-просветительском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 206–213.

11. Клушина Н. И. Лингвистика убеждения: интенциональные категории публицистического текста // Медиаскоп. 2008. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-ubezhdeniya-intentsionalnye-kategorii-publitsisticheskogo-teksta (дата обращения: 23.06.2025).

12. Косиченко Е. Ф. Ономастическая плотность как структурообразующий элемент художественного текста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 258–265.

13. Котюрова М. П. Плотность научного текста: подходы к её изучению // Стереотипность и творчество в тексте : Межвузовский сб. науч. тр. / под ред. М. Н. Котюровой. Пермь : Пермский государственный университет, 2007. С. 142–155.

14. Кремнева А. В. Роль интертекстуального тезауруса читателя в понимании текста с высокой степенью прецедентной плотности // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). 2019. № 28. С. 124–130.

15. Литвинова Е. А. Эмоционально-оценочная энантиосемия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (13) С. 86–90

16. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М. : ФЛИНТА, 2018. 440 с.

17. Рацибурская Л. В. Поликодовость в медийном словотворчестве как средство речевого воздействия // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 19. С. 215–222.

18. Садчикова И. В. Энантиосемия как способ сосуществования противоположных оценочных компонентов в семантике слова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4 (5). С. 1306–1310

19. Семина И. А. О разграничении журналистского и медийного дискурсов (на примере франкоязычных профессиональных и любительских рецензий) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 13 (855). С. 265–276.

20. Сергань Д. О. Лингвостилистические средства оценочности в жанре рецензии (на материале текстов Т. Москвиной) // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы междунар. науч.-практ. конф. Ростов-н/Д., 2024. С. 608–613.

21. Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ; под ред. М. Н. Кожиной. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 312–315.

22. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М. : Флинта : Наука, 2003. 696 с.

23. Тихомирова Л. С. Плотность текста в когнитивном сознании // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 99–104.

24. Торопкина В. А. Поликодовость и гибридность современного медийного словотворчества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 248–255.

25. Устинова Е. С. О плотности смысла поэтического текста в переводческом аспекте // Иностранные языки в высшей школе. 2018. № 3 (46). С. 31–38.

26. Хорошунова И. В. Реализация аттрактивной функции единиц разных уровней в русском языке (на материале заголовков новостных медиатекстов воронежских интернет-СМИ) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология и журналистика. 2020. № 4. С. 74–77.

References

1. Bakanov RP. Media criticism in the context of everyday life: deprofessionalization vs modernization? *Dinamika mediasistem = Dynamics of Media Systems*. 2023;3(1):39-47. (In Russ.).

2. Basovskaya EN. Genre of online review: the interaction of stylistic elements. *Aktualnie problemi stilistiki = Actual Problems of Stylistics*. 2018;(4):122-126. (In Russ.).

3. Basovskaya EN. Speech forms of ambiguity in modern Russian. *Aktualnie problemi stilistiki = Actual Problems of Stylistics*. 2023;(9):61-67. (In Russ.).

4. Basovskaya EN., Vorontsova TA. The phatic constituent of a modern media text (on the material of film records). *Filologicheskii klass = Philological Class*. 2021;26(2):68-77. (In Russ.).

5. Vanko TR. Genre peculiarities of on-line film reviews. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnie nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities.* 2021;(8(850):9-20. (In Russ.).

6. Vorontsova TA. Elementarnaya stilistika = Elementary stylistics. Izhevsk; 2008. 130 p. (In Russ.).

7. Galiullina OR. Pragma-linguistic and stylistic features of the English online movie review. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology.* 2021;(1):151-161. (In Russ.).

8. van Deik TA. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii = Discourse and Power: Representations of Dominance in Language and Communication. Moscow; 2013. 344 p. (In Russ.).

9. Dobrosklonskaya TG. Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya = Media Linguistics: Theory, Methods, and Directions. Moscow; 2020. 180 p. (In Russ.).

10. Duskaeva LR. Expression of evaluative communicative actions in journalistic cultural and educational discourse. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*. 2014;(4(28):206-213. (In Russ.).

11. Klushina NI. Linguistics of Persuasion: Intentional Categories of Publicistic. *Mediaskop.* 2008;1. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-ubezhdeniya-intentsionalnye-kategorii-publitsisticheskogo-teksta (accessed: 23.06.2025). (In Russ.).

12. Kosichenko EF. Onomastic density as a structural element of a work of fiction. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnie nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities.* 2017;(6(777):258-265. (In Russ.).

13. Kotyurova MP. Density of scientific text: approaches to its study. In: Stereotipnost i tvorchestvo v tekste = Stereotyping and Creativity in the Text: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Perm: Perm State University; 2007. P. 142–155. (In Russ.).

14. Kremneva AV. The role of the reader's intertextual thesaurus in understanding texts with high level of precedent density. *Studia Linguistica*. 2019;(28):124-130. (In Russ.).

15. Litvinova EA. Emotional-valuation enantiosemy. *Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki = Philological Sciences. Theory & Practice.* 2012;(2(13):86-90. (In Russ.).

16. Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh = Media Linguistics in Terms and Concepts. Dictionary reference book, ed. by LR. Duskayeva. Moscow; 2018. 440 p. (In Russ.)

17. Ratsiburskaya LV. Polycode character in the media creation of words as a means of speech influence. *Trudi instituta russkogo yazika im. V. V. Vinogradova = Proceedings of the Institute of the Russian Language named after Vinogradov Russian Language Institute.* 2019;(19):215-222. (In Russ.).

18. Sadchikova IV. Enantiosemy as a means of combination of opposite evaluation components in the word meaning. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009;11(4(5):1306-1310. (In Russ.).

19. Semina IA. Distinguishing between journalistic and media discourses (French-language professional and amateur reviews). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnie nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities.* 2021;(13(855):265-276. (In Russ.).

20. Sergan DO. Linguistic and stylistic means of evaluation in the review genre (based on texts by T. Moskvina). In: Yazik i kommunikatsiya v kontekste kulturi = Language and communication in the context of culture. Proceedings of the international scientific and practical conference. Rostov-on-Don; 2024. Pp. 608–613. (In Russ.).

21. Solganik GYa. Publicistic Style. In: Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka = Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language, ed. by MN. Kozhina. Moscow; 2003. P. 312–315. (In Russ.).

22. Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka = Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language (ed. by M. N. Kozhina). Moscow; 2003. 696 p. (In Russ.).

23. Tikhomirova LS. Text density in cognitive consciousness. *Gumanitarnie issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke = Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East.* 2011;(2):99-104. (In Russ.).

24. Toropkina VA. Polycode and hybridity in modern media derivation. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2018;(6):248-255. (In Russ.).

25. Ustinova YeS. Semantic Compactness of a Poem: a Translator's Perspective. *Inostrannie yaziki v visshei shkole = Foreign Languages in Higher Education*. 2018;(3(46):31-38. (In Russ.).

26. Khoroshunova IV. Implementation of the attractive function of units of different levels in the Russian language (based on the headlines of news media texts of Voronezh Internet media). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i zhurnalistika = Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology and Journalism*. 2020;(4):74-77. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Н. Басовская — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой медиаречи.

Т. А. Воронцова — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about the authors

Evgenia N. Basovskaya — Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of Department of Media Speech.

Tatyana A. Vorontsova — Dr. Sci. (Philology), Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 106–114.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):106-114.

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-106-114

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АВТОРА КНИЖНОГО БЛОГА: ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ БЛОГОВ)

Юлия Андреевна Фёдорова

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, ershova.yulya@bk.ru, 0009-0005-8972-421X

Аннотация. Цель исследования заключается в описании вербально-семантического уровня обобщённого речевого портрета автора немецкого книжного блога. В статье анализируются тексты популярных немецких книжных блогов (Weltenwanderer, Der Duft von Büchern und Kaffee и lesestunden), относящихся к жанру литературно-критической рецензии, который в свою очередь относится к художественно-публицистическому подтипу текстов. Для описания речевого портрета книжного блогера в статье использовалась методика анализа его вербально-семантического уровня, которая основывается на концепции языковой личности Ю. Н. Караулова и предложенных им схемах анализа коллективного речевого портрета представителей социально-профессиональных групп. Методика включает анализ специфических языковых средств и речевых приёмов в контексте дискурса блогосферы и выявление «диагносцирующих пятен» на разных языковых уровнях. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые рассматриваются особенности вербальной реализации типизированной языковой личности автора книжного блога одной возрастной группы, в том числе с учётом гендерного аспекта. Разграничиваются понятия «виртуальная личность» и «виртуальная языковая личность»; уточняются термины «речевой портрет» и «метод речевого портретирования». Выявляются маркеры речевого поведения авторов немецких книжных блогов: на синтаксическом уровне (сложноподчинённые предложения, распространённые определения, вставные конструкции, инверсия, эллипсис, оксюморон и антитеза), на лексическом уровне (метафоры, фразеологизмы, эпитеты, гиперболы, оценочная и разговорная лексика). Отмечается зависимость стиля изложения и частота используемых языковых средств от гендерной принадлежности авторов. Устанавливается, что в текстах авторов-женщин значительно чаще используется форма KonjuntivII и эмоциональные средства выражения.

Ключевые слова: блогосфера, виртуальная языковая личность, речевой портрет, книжный блог, рецензия

Для цитирования: Фёдорова Ю. А. Речевой портрет автора книжного блога: вербально-семантический аспект (на примере немецких блогов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 106–114. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-106-114

Original article

SPEECH PORTRAIT OF THE AUTHOR OF A BOOK BLOG: VERBAL-SEMANTIC ASPECT (BASED ON GERMAN BLOGS)

Yulia A. Fedorova

Udmurt State University, Izhevsk, Russia, ershova.yulya@bk.ru, 0009-0005-8972-421X

Abstract. The aim of the study is to describe the verbal-semantic level of the generalized speech portrait of the author of a German book blog. The article analyzes texts from popular German book blogs (Weltenwanderer, Der Duft von Büchern und Kaffee, and lesestunden), which belong to the genre of literary-critical reviews, itself classified as a subtype of artistic-publicistic texts. To describe the speech portrait of the book blogger, the article employs a methodology for analyzing the verbal-semantic level based on Yu. N. Karaulov's concept of linguistic personality and his proposed schemes for analyzing the collective speech portrait of socio-professional groups. The methodology includes examining specific linguistic means and rhetorical devices within the context of blogosphere discourse and identifying "diagnostic markers" at various linguistic levels.The scientific novelty of the study lies in its being the first to examine the features of verbal realization of a typified linguistic personality of book bloggers belonging to a specific age group, including consideration of gender aspects. The concepts of "language personality" and

© Фёдорова Ю. А., 2026

"virtual language personality" are differentiated; the terms "speech portrait" and "speech portraiture method" are clarified.Markers of speech behavior among authors of German book blogs are identified: at the syntactic level (complex subordinate sentences, extended modifiers, parenthetical constructions, inversion, ellipsis, parcellation, oxymoron, and antithesis); at the lexical level (metaphors, idioms, epithets, hyperboles, evaluative and colloquial vocabulary). A correlation is observed between the authors' gender and both their stylistic presentation and the frequency of specific linguistic devices used. It is established that female authors significantly more often employ the Konjunktiv II form and emotional expressive means.

Keywords: blogosphere, virtual language personality, speech portrait, review

For citation: Fedorova YA. Speech portrait of the author of a book blog: verbal-semantic aspect (based on German blogs). *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):106-114. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-106-114

Введение

Актуальность исследования обусловлена бурным развитием дискурса блогосферы как коммуникативного пространства, а также необходимостью изучать особенности функционирования языковой личности в виртуальном речевом общении.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

– уточнить понятия «виртуальная языковая личность» и «речевой портрет»;
– выявить «диагносцирующие пятна», которые являются лингвистическими маркерами обобщённого речевого портрета автора немецкого книжного блога.

Материалом исследования послужили блоги, которые занимают лидирующие позиции в рейтинге немецких книжных блогеров, размещённом на сайте lesestunden[1]:

1. „Weltenwanderer" / «Путешественник по мирам»[2] (здесь и далее перевод автора — Ю. А.).
2. „Der Duft von Büchern und Kaffee" / «Аромат книг и кофе»[3].
3. „lesestunden — Ein Literatur Bücherblog über Klassik" / «часы чтения — Литературно-книжный блог о классике».

Для описания речевого портрета книжного блогера была определена методика анализа вербально-семантического уровня, основанная на концепции языковой личности (Ю. Н. Караулов) и схемах анализа коллективного речевого портрета представителей разных профессиональных групп [1; 8; 9; 10; 13; 14; 15; 16; 18; 19]:

1. Описание жанрово-стилевых и функциональных особенностей рассматриваемых текстов.
2. Характеристика коммуникативных условий создания текстов рецензий (наибольшее значение имеет учёт обстановки акта коммуникации, а именно специфика канала связи, время создания текста и характеристика адресанта).
3. Анализ языковых средств и речевых приёмов, специфичных для указанного жанра и типа текстов и обусловленных спецификой дискурса, в котором они функционируют.
4. Выявление «диагносцирующих пятен», которые могут быть обнаружены на разных языковых уровнях.

В исследовании применялись методы контент-анализа, функционально-стилистического, структурно-семантического и контекстуального анализа.

Дискурс блогосферы представляет собой значимый объект изучения речевого портретирования в интернет-коммуникации, в условиях которой языковая личность формирует свой образ и «речевой имидж» [16], реализуя, в частности, функцию самопрезентации и трансформируясь в *виртуальную языковую личность* — «сплав реальной личности с её сконструированным образом» [7, с. 290].

В зависимости от выбранной стратегии автор может использовать вымышленный образ в Сети или обходиться без него [5, с. 132]. Термин «дискурсивная цифровая личность» [3, с. 194], хотя и отражает дискурсивную природу интернет-пользователя [6, с. 75], менее адекватен из-за широты понятия «цифровая коммуникация». Термин «виртуальная языковая личность» остаётся более релевантным в контексте анализа блог-дискурса.

Речевой портрет, понимаемый как совокупность речевых предпочтений, направленных на реализацию коммуникативных намерений [8, с. 87],

[1] lesestunden. URL: https://www.lesestunden.de/ (дата обращения: 2024). Автор не только публикует обзоры, связанные с книгами и чтением, но и постоянно анализирует книжную блогосферу.

[2] Weltwanderer. URL: https://blog4aleshanee.blogspot.com (дата обращения: 2024)

[3] Der Duft von Büchern und Kaffee. URL: https://der-duft-von-buechern-und-kaffee.blogspot.com/ (дата обращения: 2024)

строится на индивидуальных особенностях, обеспечивающих «узнаваемость» личности [9, с. 27 цит. по 4]. Уникальный стиль автора выделяет его блог на фоне других однотипных блогов и способствует росту его популярности. Речевой портрет как проекция языковой личности в блог-дискурсе отражает её вербальные особенности в конкретной коммуникативной ситуации и условиях «здесь и сейчас».

В основе портретирования лежат «диагносцирующие пятна» [12, с. 73] — языковые маркеры, отражающие как индивидуальные, так и коллективные черты: индивидуальный портрет учитывает социальную принадлежность и личностные характеристики, коллективный — обобщённые особенности группы по возрастным, национальным, территориальным и иным признакам.

Успешная реализация жанровых функций книжного блога обусловлена выбором соответствующих языковых средств. В рамках исследования анализируются тексты жанра литературно-критической рецензии, относящиеся, по классификации М. П. Брандес, к художественно-публицистическому подтипу [2, с. 199]. Данная принадлежность определяет их функционально-стилевые характеристики и выбор языковых средств и речевых приёмов.

Проведённый анализ позволил выявить общие для авторов исследуемых блогов специфические черты, которые можно рассматривать как маркеры их речевого поведения. Такие «диагносцирующие пятна» обнаруживаются прежде всего на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях.

Характерной чертой изученных блогов является сложный синтаксис — *периоды* и *предложения с разными видами связи, распространённые определения* и *вставные конструкции*, — обеспечивающий аргументированность, детализацию и оценку, что отражает внимательное отношение авторов к художественному тексту:

„Das hat mir an dem Buch sehr gefallen, dass man auch nach der Lektüre über die Protagonisten nachdenkt, dass nicht völlig eindeutig ist, was Gasdanow darstellen möchte, und dass das Buch auch ein wenig ein Rätsel ist, sodass auch viel Raum für Diskussionen bleibt“ / „ Меня покорило в этой книге — её послевкусие: даже после прочтения продолжаешь думать о её героях, о том, что на самом деле хотел изобразить Газданов, книга остаётся загадкой, идеальной для дискуссий».

В предложении использовано как последовательное подчинение (например, <…> dass nicht völlig eindeutig ist, was Gasdanow darstellen möchte <...>), так и однородное подчинение с повторяющимся в начале каждого придаточного предложения союзом „dass“, который в свою очередь является анафорой Повторяющаяся структура «„dass“ + подлежащее + сказуемое» создаёт стилистический эффект *параллелизма*. Оба стилистических приёма способны ритмизировать высказывание и помогают расставить содержательные акценты. Читатели, знакомые с творчеством Гайто Газданова, воспримут такой стиль повествования как осознанную стилистическую стратегию, направленную на воспроизведение характерного для русского писателя идиостиля.

Примеры вероятного подражания стилю автора были обнаружены и в других публикациях. В частности, в рецензии на сборник сказок „Rot wie Blut: Grausige Märchen und Sagen“ Ю. Аурингера («Красный как кровь: ужасные сказки и легенды») блогер прибегает к лексическим архаизмам: *Mägdelein* / «девочка» и *Bübchen* / «мальчик» — последнее, известное с XIII века, сохраняется в отдельных федеральных землях Германии: „Es sind wirklich klassische Märchen und Sagen, die auch im alten Stil geschrieben sind, also mit Bübchen und Mägdelein und den auch sonst typischen verschnörkelten Wörtern und Satzeigenheiten der «älteren Sprache»“ / «Это действительно те самые классические сказки и легенды о маленьких мальчиках и девочках, где и слова, и целые предложения «старого языка» пронизаны духом того времени».

Синтаксические средства, основанные на изменении структуры предложения и конвенционального порядка слов, служат для выделения значимой, с точки зрения блогера, информации. Наиболее частый приём — *инверсия*:

„Witzig ist auch, wenn man sieht, wie manche Begebenheiten vermischt wurden: Da wird zum Beispiel auf das Märchen Aschenputtel verwiesen, dabei enthält es auch wichtige Elemente aus Allerleirau“ / «Примечательно, как сплетены сказочные сюжеты: например, здесь есть отсылка к «Золушке», но при этом присутствуют важные элементы из «Аллерлейрау».

“Alleine für diese eine Geschichte lohnt es sich, das Buch zu kaufen“ / «Одна эта история стоит того, чтобы купить книгу».

Эллипсис в блогах выполняет функцию смыслового акцента и упрощения восприятия. Как справедливо отмечает Н. М. Наер, «эллиптические и односоставные предложения, несмотря на отсутствующий компонент, в полной мере выполняют свои коммуникативные функции» [11, с. 168]. Особенно эффективен эллипсис

в заголовках: например, название поста „10 Buchtitel ohne Artikel gesucht“ / «10 книжных названий без артикля» / (односоставное глагольное предложение) выглядит более лаконично, чем возможная перифраза: „Ich habe 10 Buchtitel ohne Artikel gesucht“ / «Я нашла 10 книг, не содержащих в названии артикль».

Следующий пример представляет собой номинативное (или назывное) предложение: “Der Kommissar, die Putzfrau und der Hacker, drei Leben und keine Wahrheit“ / «Комиссар, уборщица и хакер, три жизни и ни одной правды». Отсутствие глаголов акцентирует внимание на персонажах и их социальном статусе, который к тому же служит основой контраста (*контекстуальной антитезы*): комиссар (представитель закона и порядка) противопоставлен хакеру (нарушителю закона), а уборщица — обслуживающий персонал, не имеющий отношения к юридической сфере, — противопоставлена им обоим. Этот контраст поддерживается второй частью высказывания: „drei Leben und keine Wahrheit“ / «три жизни и ни одной правды».

Использование *личных местоимений*, в частности формы „ihr“ / «вы», является маркером интерактивности в блогах и направлено на установление прямого контакта с читателем:

„Ich hoffe, ihr habt gesehen, dass ich das Thema vor Weihnachten noch etwas geändert habe<…>“ / «Я надеюсь, вы увидели, что я немного изменила тему перед Рождеством…».

Контактную функцию выполняют также *риторические вопросы*, создавая интригу и побуждая читателя к размышлению:

„Wie weit würdest du gehen, um den Fluch einer Hexe zu brechen?“ / «На что ты готов пойти, чтобы снять проклятие ведьмы?»

Обращения в форме *императива*, рассчитанные на ответную реакцию в комментариях, чаще встречаются в блогах „Weltenwanderer“ и „Der Duft von Büchern und Kaffee“, авторы которых — женщины:

„Sagt mir gerne eure Meinung dazu: ob sie euch ansprechen, ob ihr auch etwas Besonderes herauslesen könnt oder ob sie euch nicht zusagen ;)“ / «Не стесняйтесь высказать мне своё мнение: нравятся ли они (цитаты) вам, можете ли вы найти в них что-то особенное, или они вам не нравятся ;)».

„Welche Rituale pflegt ihr rund ums Osterfest? Gibt es Bräuche, die euch jedes Jahr besonders am Herzen liegen?“ / «Какие пасхальные ритуалы вы проводите? Есть ли какие-то обычаи, которые вам особенно по душе?»

Прямое обращение в форме *императива* к читателю позволяет автору блога сокращать дистанцию и побуждать к действию: „Entdecken Sie das faszinierende Gebaren von magischen Tierwesen“ / «Откройте для себя удивительное поведение магических существ».

Хотя авторы рецензий в целом придерживаются сдержанного и нейтрального стиля, они активно используют эмоционально окрашенную лексику и стилистические приёмы для выразительной оценки произведения, идиостиля, сюжета и персонажей. Яркий пример — заголовок „Stirb live — eine fatale Begegnung vor 100 Millionen Zuschauern“ / «Умри в прямом эфире — встреча со смертью на глазах 100 миллионов зрителей», в котором сочетание англоязычного заимствования live (ассоциирующегося часто с развлекательным онлайн-контентом) с глаголом sterben («умирать») создаёт *оксюморон*, подчёркивающий драматизм ситуации. Эффект усиливается *гиперболой* — „100 Millionen Zuschauern“.

На лексическом уровне часто обнаруживаются *фразеологизмы*. В основном они содержат положительную оценку и используются авторами блогов для выражения одобрения и придают тексту эмоциональность:

— „in ihren Bann ziehen“ (пленять): „Die Verschmelzung der Traum- und Wachwelt bringt unerwartete Gefahren und Konsequenzen mit sich, die sowohl die Charaktere als auch die Leser in ihren Bann ziehen“ / «Слияние мира снов и реальности приводит к неожиданным опасным последствиям, затягивающим как персонажей, так и читателей».

— „das Herz höher schlagen lassen“ (заставлять сердце биться чаще): „Ein ganz toller Einblick, der jedes Fanherz höherschlagen lässt!“ / «Поистине фантастическое открытие, которое заставит биться чаще сердце каждого поклонника!»

Для характеристики произведения авторы блогов используют *оценочные прилагательные* (ein großartiges Buch, eine großartige Sammlung, eine tolle Sammlung, ein ganz toller Einblick, gruselige Märchen, die grausigen Ideen, brutale Momente, eine Pointe <…> nicht sonderlich raffiniert, lehrreich oder anspruchsvoll / замечательная книга, великолепная коллекция, отличная коллекция, поистине потрясающий взгляд, жуткие сказки, ужасные идеи, жестокие моменты, простая кульминация… не особо поучительная и претенциозная история) и наречия (*perfekt getroffen* / попасть в цель; *der mir etwas besser gefallen hat* / который больше всего мне понравился; *so vermittelt das Buch*

also durchaus diese Zeit / книга всецело погружает в то время).

С той же целью используются *эпитеты*: diese wunderbaren Texte, der feine Blick, ein herzliches Dankeschön, unerhörte Wichtigkeit, faszinierendes Gebaren, eindringliche Stimme, eine tiefere Moral / эти замечательные тексты, тонкий взгляд, искренняя благодарность, невероятная важность, очаровательное поведение, проникновенный голос, глубокая мораль.

Придать выразительность текстам помогают *конвенциональные метафоры*, в частности, персонификация в сочетании с оценочными прилагательными: „*Gute* Sprache*,* eine *rasante* Geschichte und *sympathische* Charaktere *garantieren* für eine *kurzweilige* und *spannende* Lektüre von Beginn *an*“ / «Хороший язык, динамичный сюжет и располагающие персонажи гарантируют увлекательное и захватывающее чтение с самого начала».

Во всех проанализированных блогах чтение хороших книг сравнивается с приёмом вкусной пищи: жадным и поспешным. Так, слово „verschlingen“ — «поглощать» в разговорном переносном значении используется, чтобы выразить высокую степень увлечения книгой, которая воспринимается как что-то настолько захватывающее, что человек «поглощает» истории, словно еду:

„Ich *habe* alle zehn Geschichten *verschlungen*…“ / «Я залпом проглотил все десять историй…».

„Den ersten Teil *hab* ich regelrecht *verschlungen* — keine Chance, *da* aufzuhören!“ / «Я буквально проглотила первую часть — остановиться невозможно!»

„Ich *habe ja* den ersten Band regelrecht *verschlungen* und dadurch waren meine Erwartungen *rechthoch — vielleicht zu hoch*<…>“/ «Я буквально проглотила первый том, поэтому мои ожидания были довольно высокими — возможно, слишком высокими<…>».

В последнем примере эмоциональная выразительность усиливается, благодаря восходящей *градации* „hoch — vielleichtzuhoch“.

В целом можно отметить, что у авторов женского пола рассмотренных блогов средства эмоционального воздействия, включая разговорную лексику и усилительные частицы, более разнообразны и встречаются чаще.

Несмотря на увлечение художественной литературой, блогеры не так часто создают собственные метафоры, хотя именно они способны подчеркнуть авторскую индивидуальность: передать отличное от других мироощущение, выразить собственные эмоции и оценку более ярко и адекватно.

Пример авторской синестезии зафиксирован в рецензии блога „lesestunden“: „ <…> man kommt beim Lesen einfach wieder in diesen Lesefluss, der einen nicht mehr loslässt“ / «чтение превращается в поток, в который погружаешься, и он несёт за собой, не отпуская». Метафора передаёт ощущение погружения в чтение через метафорический образ непреодолимого потока.

Другой пример — выражение „das *klingt* definitiv (исправлено вместо defnitiv) *nach meinem Geschmack*“ / «это определённо на мой вкус»: синестезия — смешение слуха (klingen / «звучать») и вкуса (derGeschmack) выражает эмоциональное одобрение, усиливая выразительность и субъективность оценки: „Gruselige Märchen“ (жуткие сказки) не просто нравятся, они «звучат на вкус».

Интерес представляет окказиональное использование слова „Weichspüler“ — «кондиционер для белья», в рецензии оно употреблено в метафорическом значении: «средство для излишнего смягчения содержания»: „Es sind aber keine neu überarbeiteten Adaptionen mit *romantischem Weichspüler*, <…>, sondern wirklich getreu dem Prinzip Märchen von früher, mit gruseligen und teilweise brutalen Momenten“ / «Однако это не современные адаптации с романтическими нотками для неженок, <…>, а скорее верные принципу сказок прошлого, со страшными и порой жестокими моментами». Выражение „romantischer Weichspüler“ служит средством ироничной критики в адрес современных адаптаций, склонных к «смягчению» и приукрашиванию сказочных сюжетов. Блогер противопоставляет их оригинальным версиям, подчёркивая их реалистичность и жестокость.

На лексическом уровне обнаруживаются также *авторские новообразования*, такие как „eine locker-leichte Liebesgeschichte“/ «лёгкая, непринуждённая любовная история», в котором компоненты сложного прилагательного имеют дублирующие семы (внутрисловный плеоназм [17, с. 212]).

Характерной чертой книжных блогов можно признать включение английских слов и выражений: англицизмы используются как термины и «модные» слова, выступая синонимами соответствующих немецких эквивалентов. К «модным словам» относятся также грамматически ассимилированные лексемы: Blogger Infos — die / das Info / информация, highlights — das Highlight / кульминационный момент. Следующий пример

грамматической ассимиляции — *der Buddyread* / парное или дружеское чтение — ещё не зафиксирован в словарях Duden[1] и DWDS[2], тем не менее обнаруживается в результатах поисковых систем Яндекс и Google: „Im April habe seit langem mal wieder *einen Buddyread* mit Leni starten können“ / «В апреле мне впервые за долгое время удалось начать дружеские чтения с Лени».

Анализируя морфологические средства, используемые авторами, следует подчеркнуть особую роль сослагательного наклонения (Konjunktiv II) для выражения смягчённого желания или намерения, что характерно для женских блогов:

„Als ich das erste Mal den Klappentext von „From Friendzone with Love“ gelesen hatte, war für mich klar, dass ich dieses Buch würde lesen wollen“ / «Прочитала аннотацию к «Из френдзоны с любовью» и сразу поняла: эту книгу я точно прочитаю».

Стремясь повысить степень объективности, авторы блогов используют неопределённо-личное местоимение „man“, оно позволяет сохранить личностный стиль изложения, оставаясь предпочтительнее пассивных конструкций в условиях виртуального дискурса:

„Das muss man mögen oder sich reinlesen<…>“ / «Такое нужно либо любить, либо постараться понять…»

Выводы

Исследование проведено на материале популярных немецкоязычных книжных блогов, авторы которых принадлежат к одной возрастной группе и формируют в виртуальной среде индивидуальную *виртуальную языковую личность* — речевое воплощение реального «Я» с возможностью его раскрытия или сокрытия в зависимости от коммуникативных целей.

В ходе анализа были выявлены «диагносцирующие пятна» — систематические языковые маркеры, которые формируют обобщённый речевой портрет автора немецкого книжного блога. К их числу относятся следующие средства и стилистические приёмы:

1) средства акцентуации, позволяющие блогеру выделить информацию, значимую с его точки зрения: инверсия, эллипсис, оксюморон и антитеза;
2) сложный синтаксис (сложноподчинённые предложения, распространённые определения, вставные конструкции);
3) обращения и риторические вопросы для реализация контактной функции;
4) выражение субъективной оценки достигается за счёт оценочной лексики (эпитеты, метафоры, гиперболы), фразеологизмов, разговорных элементов и усилительных частиц;
5) активно используются метафорический язык (чтение — «поглощение вкусного блюда»);
6) местоимение „man“ выступает как один из ключевых морфологические маркеров стиля книжных блогов, обеспечивая восприятие информации как объективной и достоверной.

Проанализированные примеры показывают, что речевые портреты авторов мужских и женских книжных блогов различаются. Женские блоги характеризуются большей эмоциональностью (особенно в положительной оценке), деликатным и ненавязчивым тоном, а также использованием Konjunktiv II для выражения дружеского совета („Ich würde empfehlen …“) или личной мотивации („Ich würde dieses Buch lesen …“).

Были также выявлены общие особенности речевого поведения авторов книжных блогов, независимо от их гендерной принадлежности. Было установлено, что все авторы:

1) избегают непонятных читателю средств — жаргона, узкоспециальных терминов, редких аббревиатур;
2) соблюдают литературную норму, допуская лишь литературно-разговорную лексику с позитивной окраской;
3) стремятся к эмоциональному вовлечению, используя доступные лексические и синтаксические приёмы;
4) склонны подражать стилю рецензируемых авторов — как в синтаксисе, так и в лексике;
5) активно используют лексику эмоций, чтобы вызвать эмпатию.

В заключение следует подчеркнуть, что проведённое исследование представляет собой необходимый этап на пути к созданию обобщённого речевого портрета группы авторов немецких книжных блогов.

[1] Duden URL: https://www.duden.de/ (дата обращения: 2025)

[2] DWDS. URL: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 2025)

Список литературы

1. Бойко Л. Б. Основы теории социально-групповых диалектов: дис. … д-ра филол. наук. М. : Военный университет, 2009. 379 с.

2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник. 3-е изд. перераб. доп. М. : Прогресс-Традиция : ИНФРА-М. 2004. 416 с.

3. Ворон Е. В. Дискурсивная цифровая личность как виртуальная копия языковой личности // Современное педагогическое образование. 2021. № 5. С. 193–196.

4. Гордеева М. Н. Речевой портрет и способы его описания // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. 2008. № 6. С. 89–101.

5. Кондрашева Е. В., Тонких М. С. Текст и личность в виртуальной реальности // Эпоха науки. 2019. № 18. С. 130–133. DOI: 10.24411/2409-3203-2019-00059

6. Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматические и лингвокультурологические подходы : монография. Луганск : Знание, 2008. 528 с.

7. Лутовинова О. В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 288–292.

8. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 1993. 52 с.

9. Милёшина Л. В. Речевой портрет школьника в системе современной коммуникации : дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2023. 191 с.

10. Мурса И. Речевой портрет личности как инструмент судебного автороведения // Юрислингвистика. 2020. № 18 (29). С. 16–20.

11. Наер Н. М. Stilistik der deutschen Sprache : учеб. пособие. М. : МПГУ, 2015. 256 с.

12. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 2. С. 73–75.

13. Синица Н. А. Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках) : дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 311 с.

14. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 25 с.

15. Шляховой Д. А. Моделирование обобщённого речевого портрета блогера (на материале немецкой военной блогосферы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 4. С. 879–892. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892

16. Шляховой Д. А. Виртуальная языковая личность в дискурсивном пространстве военной блогосферы (на материале немецкого языка) : дис. … канд. филол. наук. М., 2020. 208 с.

17. Юшкова Л. А. Условия реализации и факторы продуктивности словообразовательных моделей в немецкой разговорной лексике (на материале глагольных единиц с приглагольными компонентами пространственной семантики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52). С. 212–215.

18. Юшкова Л. А. Лингвистические особенности речевого портрета автора немецкого интеллектуального сайта (на материале публикаций Уве Брайтенборна) // Вопросы современной лингвистики. 2024а. № 5. С. 95–107. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-95-107.

19. Юшкова Л. А. Коммуникативный аспект речевого портрета автора аналитических статей (на материале публикаций немецкого сайта mediendiskurs) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Теория языка. 2024б. Т. 17, вып. 12. С. 4539–4547. DOI: 10.30853/phil20240643.

References

1. Boyko LB. Osnovy teorii sotsial’no-gruppovykh dialektov = Some of the theories of social-group dialects. Thesis. Moscow; 2009. 379 p. (In Russ.).

2. Brandes MP. Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs. = Text Stylistics. Theoretical Course. Textbook. Moscow; 2004. 416 p. (In Russ.).

3. Voron EV. Discursive digital personality as a virtual copy of a linguistic personality. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2021;(5):193-196. (In Russ.).

4. Gordeeva MN. Speech portrait and ways of describing it. *Lingvostilisticheskie i lingvodidakticheskie problemy kommunikatsii = Lingvostylistic and linguodidactic problems of communication*. 2008;(6):89-101. (In Russ.).

5. Kondrasheva EV, Tonkikh MS. Text and personality in virtual reality. *Epokha nauki = Era of science*. 2019;(18):130-133. DOI:10.24411/2409-3203-2019-00059. (In Russ.).

6. Kompantseva L. F. *I*nternet-lingvistika kognitivno-pragmaticheskie i lingvokul'turologicheskie podkhody = Internet linguistics cognitive-pragmatic and linguacultural approaches. Lugansk; 2008. 528 p. (In Russ.).

7. Lutovinova OV. Virtual linguistic personality: defining the notion. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2015;(1(50):288-292. (In Russ.).

8. Matveeva GG. Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikatsiya sotsial'nogo litsa («portreta») govoryashchego = Hidden grammatical meanings and identification of the social face ("portrait") of the speaker. Abstract of thesis. St. Petersburg; 1993. 52 p. (in Russ.).

9. Mileshina LV. Rechevoy portret shkol'nika v sisteme sovremennoy kommunikatsii = Speech portrait of a schoolchild in the system of modern communication. Thesis. Tambov; 2023. 191 p. (In Russ.).

10. Mursa I. Speech portrait of personality as a tool of forensic authorship attribution. *Yurislingvistika = Legal Linguistics*. 2020;(18(29):16-20. (In Russ.).

11. Naer NM. Stilistik der deutschen Sprache = Stylistics of the German language. Textbook. Moscow; 2015. 256 p.

12. Nikolaeva TM. "Sociolinguistic portrait" and methods of its description. Russkiy yazyk i sovremennost'. In: Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki = Russian language and modernity. Problems and perspectives on the development of Russian. Report of the All-Union scientific conference. Moscow; 1991. Part 2. Pp. 73-75. (In Russ.).

13. Sinitsa NA. Portretirovanie kak metodika etnolingvisticheskikh issledovaniy (na materiale obrazov svyashchennosluzhiteley v slavyanskikh yazykakh) = Portrayal as a Method of Ethnolinguistic Research (Based on Images of Clergy in Slavic Languages). Thesis. Ekaterinburg; 2017. 311 p. (In Russ.).

14. Tarasenko TP. Yazykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevykh realizatsiy (na materiale dannykh assotsiativnogo eksperimenta i sotsiolekta shkol'nikov Krasnodara) = Linguistic personality of a high school student in terms of its speech implementations (based on the associative experiment and sociolect of schoolchildren in Krasnodar). Abstract of thesis. Krasnodar; 2007. 25 p. (In Russ.).

15. Shlyakhovoy DA. Modeling of a generalized speech portrait of a blogger (as exemplified in the german military blogosphere). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2019;10(4):879-892. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-879-892. (In Russ.).

16. Shlyakhovoy DA. Virtual'naya yazykovaya lichnost' v diskursivnom prostranstve voennoy blogosfery (na materiale nemetskogo yazyka) = Virtual linguistic personality in the discursive space of the military blogosphere (based on the German language). Thesis. Moscow; 2020. 208 p. (In Russ.).

17. Yushkova L. A. Conditions for actualization and productivity factors of word-formation models in german colloquial lexicon (by the material of verbal units with adverbial components of spatial semantics). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktik = Philology. Theory & Practice*. 2015;10(52):212-215. (In Russ.).

18. Yushkova LA. Linguistic features of a speech portrait of the author of a german intellectual site (based on articles by Uwe Breitenborn). *Voprosy sovremennoy lingvistiki = Key Issues of Contemporary Linguistics.* 2024a;(5):95-107. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-95-107

19. Yushkova LA. The communicative aspect in the speech portrait of the author of analytical articles (based on publications from the German website mediendiskurs). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Teoriya yazyka = Philology. Theory & Practice*. 2024b;17(12):4539-4547. DOI: 10.30853/phil20240643

Сведения об авторе

Ю. А. Фёдорова — аспирант.

Information about the author

J. A. Fedorova — postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 14.08.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication 25.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 115–122.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):115-122.

Научная статья

УДК 81’367.7

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-115-122

ИНВЕРТИРОВАННЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОГО СТИЛЯ СТ. ЦВЕЙГА

Татьяна Ивановна Щелок[1*], Ирина Александровна Чернова[2]

[1] Алтайский государственный педагогический университет, Бийский филиал им. В. М. Шукшина, Бийск, Россия, tstschelok@rambler.ru, 0000-0002-6512-9783

[2] Алтайский государственный педагогический университет, Бийский филиал им. В. М. Шукшина, Бийск, Россия, cherr79@gmail.com, 0000-0003-3180-1700

Аннотация. В данной статье исследуется инвертированный порядок слов как отражение авторского стиля известного австрийского писателя Стефана Цвейга, создавшего уникальные литературно-психологические произведения. В качестве источника для анализа фактического материала используются фрагменты текста новеллы «Фантастическая ночь». Лингвостилистические средства, применяемые автором, призваны раскрыть характер барона фон Р., глубину его страстей, проявления темперамента, внутренние конфликты. В первую очередь Ст. Цвейг мастерски задействует такой стилистический приём, как инверсия, способствующий более точной реализации его авторских замыслов и являющийся важной чертой его индивидуального стиля. Установлено, что достаточно частое применение Стефаном Цвейгом изменённого порядка слов в новелле используется для более глубокого вовлечения читательской аудитории в проблемы и переживания главного героя, оказания максимального эмоционального эффекта от описываемых событий на читателей и понимания ими внутреннего мира персонажа, его душевного состояния, отношения к себе и окружающим. Благодаря инвертированному порядку слов читающий узнаёт о коллекционерской страсти барона к женщинам, о его нежелании найти искреннюю привязанность. Инверсия также подчёркивает его привычку идти на поводу всех своих желаний, нисколько не задумываясь над их рациональностью, и жить жизнью, события которой определяются большей частью внешними обстоятельствами. Изменённый порядок слов привлекает внимание к значимым периодам в жизни главного героя, к осознанию им неправильности своего существования. Благодаря нахождению второстепенных членов предложения на первом месте происходит очень чёткое разграничение между разными этапами его бытия. Инверсией писатель подчёркивает ощущение угасания духовной энергии и окостенелости души барона и начало изменений, некое пробуждение. Именно такой порядок слов помогает автору более ярко передать трагичность ситуации и веру в то, что психологический самоанализ человека, осмысление им содержания своей жизни способствуют его изменению в положительную сторону.

Ключевые слова: стилистический приём, инвертированный порядок слов, творческий замысел, авторский стиль

Для цитирования: Щелок Т. И., Чернова И. А. Инвертированный порядок слов как отражение авторского стиля Ст. Цвейга // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 115–122. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-115-122

Original article

INVERTED WORD ORDER AS A REFLECTION OF THE AUTHOR’S STYLE OF ST. ZWEIG

Tatyana I. Shchelok[1*], Irina A. Chernova[2]

[1] Altai State Pedagogical University, Biysk Branch named after V.M. Shukshin, Biysk, Russia, tstschelok@rambler.ru, 0000-0002-6512-9783

[2] Altai State Pedagogical University, Biysk Branch named after V.M. Shukshin, Biysk, Russia, cherr79@gmail.com, 0000-0003-3180-1700

Abstract. This article examines the inverted word order as a reflection of the author’s style of the famous Austrian writer Stefan Zweig, who created unique literary and at the same time psychological works. Fragments of the text of the short story „Fantastic Night” are used as a source for the analysis of factual material. The linguostylistic means

© Щелок Т. И., Чернова И. А., 2026

used by the author are designed to reveal the character of Baron von R., the depth of his passions, manifestations of temperament, internal conflicts. First of all, St. Zweig masterfully uses such a stylistic device as inversion, which contributes to a more accurate implementation of his author's ideas and is an important feature of his individual style. It has been established that Stefan Zweig's fairly frequent use of the changed word order in the short story is used to more deeply involve the readership in the problems and experiences of the protagonist, to provide the maximum emotional effect from the events described on the readers and their understanding of the character's inner world, his mental state, attitude to himself and others. Thanks to the inverted word order, the reader learns about the baron's passion for collecting women, his unwillingness to find true affection. The inversion also emphasizes his habit of following all his desires, without thinking about their rationality, and living a life whose events are determined mostly by external circumstances. The changed word order helps to draw attention to significant periods in the life of the protagonist, to his awareness of the wrongness of his existence. Due to the presence of secondary members of the sentence in the first place, a very clear distinction is made between the different stages of his existence. By inversion, the writer emphasizes the feeling of the fading of spiritual energy and the ossification of the baron's soul and the beginning of changes, a kind of awakening. It is this word order that helps the author more vividly convey the tragedy of the situation and the belief that a person's psychological introspection, his understanding of the content of his life contribute to his change for the positive.

Keywords: stylistic device, inverted word order, creative intent, author's style

For citation: Shchelok TI, Chernova IA. Inverted word order as a reflection of the author's style of St. Zweig. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):115-122. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-115-122

Введение

Нашу жизнь невозможно представить без общения в любых его формах, без постоянного получения и передачи информации. В современном мире существует множество её источников, имеющих разнообразную жанровую и стилистическую представленность. Реализуя свои коммуникационные намерения и конструируя текстовые сообщения, человек формулирует и фиксирует свои мысли, используя при этом такие языковые и речевые конструкции, которые делают его высказывания уникальными. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в творческой деятельности, когда автор порождает свой текст с применением стилистических средств разных уровней, создавая тем самым свой неповторимый стиль. Именно авторский стиль привлекает внимание читателя, помогает сделать содержание произведения более глубоким и увлекательным, раскрывает черты характера персонажей и заставляет задуматься над передаваемым смыслом. В некоторых случаях только индивидуальный стиль выступает решающим фактором относительно принятия решения, читать ли далее выбранное литературное произведение. В нём содержится некая притягательная сила, иногда более важная и гипнотическая, чем сюжетная линия.

К числу наиболее часто применяемых стилистических приёмов относится инвертированный порядок слов, или инверсия, проявляющаяся в расположении на первом месте в предложении вместо традиционного подлежащего других его компонентов. При этом преследуется главная цель, заключающаяся в усилении выразительной составляющей высказывания. Инверсия имеет таким образом важное значение для раскрытия смыслового содержания предложения, поскольку, как известно, отражает его тема-рематическое членение и придаёт ему субъективность, привлекая внимание читателя к новой и значимой информации. Кроме того, изменённый порядок слов имеет определённую экспрессивную и эмоциональную нагрузку, раскрывающуюся в заданной коммуникативной ситуации.

Исследованию функционирования инверсии в разных языковых системах и на материале разного рода текстов посвящены многочисленные научные работы. В частности, общие проблемы данного стилистического явления и актуального членения языковых единиц в разных языках рассматривает А. И. Эйюбова [14]. Е. Н. Воробьёва наряду с систематизацией знаний в области стилистического применения инвертированного порядка слов в англистике подробно анализирует структуру повествовательных предложений и создаёт при этом классификацию стилистической инверсии, делая особый акцент на её экспрессивной природе и важности эмфатического порядка слов в определённой коммуникативной ситуации [4]. Г. В. Артамонова также подчёркивает необходимость стилистической инверсии для придачи дополнительной эмоциональной окрашенности высказыванию или постановки логического ударения [2]. Д. С. Шишкин исследует инвертированный порядок слов на примере английских литературных сказок [13]. В. С. Андреев изучает существование инверсии на уровне синтаксиса в стихотворных

произведениях Г. У. Лонгфелло и приходит к выводу, что изменённый порядок слов — отражение ментальной картины американского поэта-романтика [1]. Работа В. С. Смирновой отражает основные функции инверсии в художественных произведениях Дж. Джойса и О. Генри [11]. Внимание А. В. Пяткина и С. В. Брыкиной также обращено исследованию инвертированного порядка слов в литературных произведениях и сконцентрировано на выявлении частотности использования стилистической инверсии разных видов в романе Ч. Диккенса с последующим определением типов трансформаций, которые могут быть использованы при переводе предложений с нетрадиционным порядком слов на русский язык [9]. Д. А. Захаркина и Г. М. Нуртдинова изучают статистический аспект применения грамматической и стилистической инверсии в английских интернет-статьях [5]. Ю. А. Никитина подчёркивает необходимость инверсии для выделения наиболее важных элементов предложения в англоязычных газетно-публицистических текстах экономической тематики [8]. Ж. Багана, М. В. Алаева и П. Г. Жевлакова устанавливают важность инвертированных синтаксических конструкций в англоязычных текстах СМИ на территории Нигерии, заключающуюся в обеспечении необходимого воздействия публицистического текста на целевую аудиторию и выражении индивидуального отношения говорящего к предмету речи [3]. С. К. Мамбаева и Д. Ю. Воробьева сравнивают порядок слов в английских и русских предложениях из художественных текстов и представляют классификацию выявленных в них видов инверсии [7]. У. Ш. Хадулаева описывает в сравнительно-сопоставительном аспекте случаи использования инверсии в гастрономическом дискурсе на материале британских и российских телепередач о кулинарии [12]. Также в рамках сопоставительного анализа выполнена работа Г. Г. Яковлевой, Г. И. Шпаревой, А. Р. Губанова и А. А. Данилова. Авторы выявляют возможные способы актуализации подлежащего и сказуемого и дополнительные средства экспрессивного воздействия на адресата посредством стилистической инверсии в разноструктурных языках [15]. А. В. Зеленовская и И. А. Яковенко характеризуют специфику инверсии на материале немецких предложений, имеющих отступления от нормы местоположения сказуемого [6]. Е. В. Серебрякова анализирует художественные тексты Э. Шенкеля и подчёркивает, что инверсия выступает в качестве усилителя как положительного, так и отрицательного эмоционального эффекта при реализации идей писателя [10]. Очевидно, что области интересов учёных указывают на распространённость инверсии в текстах различных стилей и жанров и её важность для адекватной интерпретации текстового содержания. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть особенности функционирования изменённого порядка слов в писательских работах Стефана Цвейга.

Материалы и методы исследования

Фактическим материалом исследования в данной статье стали фрагменты текста новеллы «Фантастическая ночь» Ст. Цвейга[1], включающие инвертированный порядок слов.

В работе использовались метод сплошной выборки и метод лингвостилистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Стефан Цвейг — известный во всем мире австрийский писатель, работавший в рамках нескольких жанров. Несмотря на то, что его произведения написаны в первой половине прошлого столетия, интерес к ним читательской аудитории остаётся неизменно высоким. Причина этому — многогранность личности Ст. Цвейга, обладавшего многочисленными талантами, проявившего себя в писательской, художественной, драматургической и журналистской деятельности и сумевшего реализовать свои творческие замыслы на страницах книг. Опыт общения со знаменитыми современниками, богатство внутреннего мира, глубокое знание человеческой натуры, умение выдумывать нетипичные сюжетные линии и способность заставить читателя задумываться над порой непредсказуемыми судьбами своих героев позволили создать проникновенные истории, отражающие извечные человеческие проблемы.

Для новелл этого писателя характерно художественное своеобразие, проявляющееся в определённой специфике изложения содержания и нетипичном подходе к раскрытию типажей персонажей. В них главные герои всегда оказываются в сложных жизненных ситуациях. Писатель мастерски показывает психологию своих протагонистов, их характер и темперамент, охватывающие их чувства и волнения, заставляя читателя либо

[1] Zweig St. Phantastische Nacht. Free ELibrary Original, 2018. 49 S. URL: https://originalbook.ru/phantastische-nacht-stefan-zweig-deutsch/ (дата обращения 11.05.2025). Далее в тексте страницы указаны по этому изданию.

сопереживать, либо осуждать их поступки. При этом особое внимание уделяется описанию кризисных состояний души и анализу впечатлений, самонаблюдения и ощущений героев. Так и в новелле «Фантастическая ночь» её главный герой — барон Фридрих Микаэль фон Р. — проходит через ряд событий, полностью его изменивших. Ему 35 лет, получил наследство от родителей, ни в чём не нуждается, ведёт светский образ жизни, никаких серьёзных сердечных привязанностей, всем доволен. Равнодушно относится к окружающим его людям и не переживает, даже если они уходят в мир иной. Однако выигрыш денежной суммы на дерби в Вене полностью переворачивает его ход мыслей и мировоззрение, он становится другим человеком.

Для более точной передачи содержания и творческих интенций Ст. Цвейг использует в тексте новеллы в ряде случаев инверсию.

(1) «***Täglich, stündlich*** *wiederhole ich mir alle seine Einzelheiten, denn es ist gewissermaßen der Drehpunkt meiner ganzen Existenz geworden…»* (3) / **Ежедневно, ежечасно**, в мельчайших подробностях повторяю в памяти события той ночи, поскольку они стали поворотным этапом в моём существовании (*здесь и далее перевод наш* — авт.).

Согласно сюжету новеллы барон фон Р. вспоминает и записывает всё случившееся с ним в памятную ночь, когда он «переродился»: изгнал из своей души всю окостенелость, вернул почти угаснувшую в нём духовную энергию и начал ощущать естественные человеческие чувства. Инверсия показывает, насколько важным и нужным стал для него тот переломный момент, который по сути сделал из него нового человека и изменил всю дальнейшую судьбу. Даже по прошествии времени он не выходит из головы и заставляет главного героя быть постоянно ему благодарным. Таким образом, писатель как бы «оживляет» своего персонажа.

(2) «***Von diesem damaligen Menschen*** *bin ich, und gerade durch jenes Erlebnis ganz abgelöst…»* (4) / Я полностью стал **другим человеком**, и произошло это благодаря тому событию.

Инвертированный порядок слов в очередной раз подчёркивает осознание бароном себя другим человеком. Вместе с прилагательным *damalig*, обладающим в данном контексте особым смыслом, он проводит чёткую границу между разными мироощущениями одной и той же личности: мужчина полностью осознал и принял все изменения в себе. Новое отношение к жизни его, безусловно, радует.

(3) «***Da*** *fiel eine Frau von mir ab, die Jahre meines Lebens begleitet hatte… und nichts rührte sich in mir…»* (6) / **Вдруг** меня покинула женщина, которая была со мной долгие годы, но меня это никак не затронуло.

В отличие от двух предыдущих примеров этот и последующие фрагменты уводят читателя в прошлое: во время, когда барон фон Р. либо вообще не задумывался над своей жизнью и внутренним состоянием, либо его только начало постигать осознание необходимости перемен, а потом последовали приведшие к этому события. Так, предложение (3) характеризует главного героя как наблюдателя за собственной жизнью, равнодушного, пассивно принимающего все события. По отношению к женскому полу он скорее был коллекционером, привыкшим к частой смене спутниц и не стремящимся к искренним и глубоким привязанностям. И только одна женщина провела с ним долгий период времени. Наречие *da* в силу своих семантических особенностей указывает на неожиданный разрыв с ней: она была рядом с бароном три года и не смогла больше с ним оставаться, инициировав собственный уход. Очевидно, что для мужчины это был непредсказуемый эпизод в жизни, поскольку его всё устраивало, но решение женщины его нисколько не задело и не расстроило. Тем сильнее подчёркивает инверсия именно с наречием *da* окаменелость души главного героя, которого заботит только то, чтобы этот «нравственный дефект» не был заметен для окружающих. Однако уход женщины впервые заставил барона задуматься над тем, что он безучастно и отстраненно относится к своему бытию, и с тех пор он стал внимательно следить за своим «внутренним самочувствием», при этом не изменяя привычкам.

(4) *«**Äußerlich** lebte ich mein altes behagliches, hemmungsloses Leben weiter… Wochen, Monate glitten leicht vorüber und füllten sich langsam dunkel zu Jahren*» (7) / **Как показалось бы со стороны**, я жил своей прежней комфортной и раскованной жизнью; недели и месяцы быстро пролетали и медленно превращались в монотонные годы.

Наречие *äußerlich* в начале предложения характеризует внешнюю сторону жизни главного героя. Для людей извне в существовании барона фон Р. ничего не изменилось, однако для него присутствовало осознание диссонанса в течении времени: более короткие временные промежутки — недели и месяцы, — проживаемые быстрее и легче, в итоге неспешно превращались в похожие друг на друга «серые» годы. Очевидно, что отдельные дни могли быть наполненными какими-то событиями,

приносящими радость и удовлетворение, но потом становилось ясным, что по прошествии месяцев вспомнить было не о чем. Данное противоречие, как видится, свидетельствует о некоторых изменениях в психологическом состоянии мужчины: он понимает внутренний конфликт между наполнением жизни и её течением.

(5) «***Eines Morgens*** *sah ich im Spiegel einen grauen Streif an meiner Schläfe und spürte, dass meine Jugend langsam hinüberwollte in eine andere Welt*» (op. cit) / **Как-то утром**, бросив взгляд в зеркало, я заметил седину на виске и вдруг понял, что молодые годы уходят.

Инвертированный порядок слов помогает барону фон Р. увидеть и осмыслить неожиданную реальность: молодость проходила, и он начал седеть. Интересным кажется присутствие словосочетания *ineineandereWelt:* пришло время главному герою задуматься о новом «мире», в котором он уже не будет молодым. Кроме того, использование словосочетания *einesMorgens* имеет символическое значение: утро — начало дня, и это значит, что не всё ещё потеряно для героя, если он захочет перемен.

(6) «***Durch*** *diese innere* ***Unbewegtheit*** *wurden meine Tage immer mehr gleichförmig... wuchsen und gilbten hin wie die Blätter eines Baumss*» (8) / **По причине этой внутренней окостенелости** мои дни наполнялись всё большим унынием: подобно листьям на дереве они незаметно распускались один за другим, вырастали и блёкли.

Предложное словосочетание *durch diese innere Unbewegtheit* снова подчёркивает внутреннее состояние героя, отмеченное полнейшим оцепенением и определяющее его мироощущение. Всё, чем бы он ни пытался себя занять, не затрагивало его душу и не приносило радости. Дни пролетали, не оставляя следов в его жизни.

Тем не менее и в этих строках есть надежда на спасение: даже если листья, с которыми автор сравнивает дни в жизни барона, быстро погибали, падая на землю, то ствол дерева сохранялся — значит, при благоприятных условиях он мог обрести новую силу, зазеленеть.

(7) «***Und ganz gewöhnlich, ohne jede Absonderlichkeit, ohne jedes innere Vorzeichen,*** *begann auch jener einzige Tag...»* (op. cit) / И совершенно обычно, без каких-либо особенностей и внутренних предчувствий, наступил тот особенный день.

В приведённом примере инверсия вводит в начало событий, ворвавшихся в жизни мужчины и перевернувших её. Выбранная для этого автором лексика свидетельствует о том, что существование человека непредсказуемо и незапланированно: перемены могут начаться совершенно незаметно и затронуть разные стороны личности. Самый важный день в жизни барона начинался вовсе не примечательно, как один из множества себе подобных, однако стал причиной кардинальных изменений в образе мыслей и оживания души главного героя, её освобождения от равнодушия.

(8) «***Für den Nachmittag*** *war ich jeder Vereinbarung ausgewichen, denn ich liebte es insbesondere, am Sonntag ein paar unaufgeteilte freie Stunden zu haben…»* (op. cit) / **Во второй половине дня** я избегал любых договорённостей, поскольку я любил проводить по воскресеньям несколько свободных часов.

Изменённый порядок слов делает акцент на том, что у барона фон Р. есть определённые традиции во времяпрепровождении и он предпочитает «положительную» стабильность в своём жизненном укладе: для него важно было иметь хотя бы пару часов в день, которые он мог организовать по собственному желанию. К сожалению, происходило это только раз в неделю, в то время как в остальные дни он просто предпочитал плыть по течению жизни. Примечательно, что именно в воскресенье, именно в те часы, которые мужчина планировал провести с учётом своего настроения, он попал на лошадиные скачки, принёсшие переворот в его судьбу.

(9) «***Gewohnt, auch dem flüchtigsten meiner Wünsche sofort nachzugeben,*** *rief ich den ersten Fiaker an…»* (op. cit) / **Имея привычку не раздумывая поддаваться всем своим желаниям**, я сел в первый же фиакр.

Здесь через инверсию отмечается одна из черт характера мужчины — его подверженность без каких-либо размышлений идти на поводу у своих желаний, пусть даже самых мимолётных. Это очень важное психологическое описание качества личности человека, свидетельствующее о некоторой импульсивности его владельца. Тем не менее спонтанные решения могут иметь судьбоносное значение и выводят из душевного кризиса.

(10) «***Am liebsten*** wäre ich noch umgekehrt, mich weiter wiegen zu lassen von dem weichen, frühsommerlichen Tag» (9) / **С большим желанием** я бы спокойно наслаждался этим прекрасным днём раннего лета.

В данном примере изменение порядка слов указывает на непостоянство желаний главного героя: то он нанимает фиакр, чтобы ехать в Пратер (9), то готов наслаждаться прелестями летней погоды

в другом месте. Но, очевидно, данный соблазн был совершенно мимолётным, не долго занимавшим мысли барона, и он всё же приехал на скачки.

(11) «***Keine Summe*** *konnte ich mir denken, deren Besitz mich so anfeuern könnte, keine Frau, die mich dermaßen reizte…»* (10) / Сколько бы я ни думал, я не мог представить себе **такого количества денег**, которое я хотел бы непременно иметь, и такую женщину, которая заставила бы меня переживать пламенные чувства. Ничто не могло бы растопить лёд в моей душе и вырвать меня из оцепенелого состояния!

Инвертированный порядок слов привлекает внимание к самоанализу внутреннего состояния барона фон Р.: он не может себе представить, кто или что способно вырвать его из состояния уже привычной окостенелости. При этом интересно, что он в первую очередь думает только про деньги и женщин: и тех и других у него всегда было достаточно, они были частью привычной для него жизни.

(12) «***Vor einer plötzlich gespannten Pistole*** *würde mein Herz … nicht so wild hämmern, wie das in den tausend, zehntausend Menschen rings um mich für eine Handvoll Geld*» (op. cit) / **Перед неожиданно нацеленным на меня пистолетом со взведённым курком** вряд ли моё сердце стучало бы с такой скоростью, как сердца десятка тысяч находившихся вокруг меня людей из-за пригоршни золота.

Данный пример также иллюстрирует полное равнодушие барона фон Р. к происходящему вокруг, и ничто, даже страх смерти в виде направленного на него дула пистолета, готового к выстрелу, не заставило бы его сердце биться быстрее. Очевидно, что в данном случае можно снова говорить об эмоциональной ригидности, об отсутствии каких-либо чувств, делающих жизнь естественной, разнообразной и интересной. Для главного героя это предел психологического кризиса.

(13) «***In dieser Sekunde*** begann das Unerhörte, jenes einzige Erlebnis, das noch heute mein Leben bestimmt» (12) / **В эту секунду** началось нечто для меня неслыханное — то событие, которое и сейчас определяет мою жизнь.

Инверсия показывает кульминацию новеллы: наступление того неожиданного момента, к которому писатель вёл своего героя для выхода из его сложной психологической ситуации и обретения нормальных человеческих эмоций. Словосочетание *indieserSekunde* заставляет задуматься над тем, что иногда достаточно и очень небольшого временного промежутка, который — чаще всего незапланированно — кардинально меняет жизнь человека.

Заключение

Содержание новеллы «Фантастическая ночь» пропитано психологизмом и посвящено описанию внутреннего состояния героя и его конфликта с внешним миром и с самим собой. Барон фон Р. — богатый представитель высшего общества, равнодушный и к себе, и к людям, привыкший вести лёгкий, ни к чему не обязывающий образ жизни. Однако пережив духовный кризис, главный герой вновь обретает живость чувств.

Монологическая форма повествования способствует реализации индивидуального стиля писателя. Для более яркой и реалистичной передачи сюжетной линии автор использует среди прочих стилистических средств инверсию.

Благодаря инвертированному порядку слов автор переносит основной содержательный акцент предложения на его начало и привлекает внимание читателя:

– к отношению главного героя к женщинам: его холодности и нежеланию найти искреннюю и крепкую привязанность;
– образу жизни барона: его привычке довольствоваться комфортным ходом событий, определяемым внешними обстоятельствами. При этом исключение составляет лишь пара часов преимущественно по воскресеньям;
– осознанию мужчиной своего угасания: пониманию того, что молодость уходит, энергия исчезает, внутренняя окостенелость увеличивается;
– внутреннему состоянию, отсутствию естественных человеческих эмоций у барона: его неумению чувствовать страх, сострадание или вину;
– различным сторонам характера главного героя: в частности, его стремлению следовать всем своим желаниям.

Кроме того, предложения с инверсией можно рассматривать как некую границу между жизненными этапами и внутренними, душевными переживаниями главного героя новеллы.

Присутствие в некоторых фрагментах символических образов усиливает экспрессивный эффект инверсии.

Инвертированный порядок слов — яркая черта авторского писательского стиля Стефана Цвейга, позволяющая глубоко раскрыть творческие замыслы, передать психологические характеристики героев и заставить читателя задуматься над содержанием.

Список источников

1. Андреев В. С. Синтаксическая инверсия как классификационный признак в исследовании индивидуального стиля // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 1 (25). С. 121–128.

2. Артамонова Г. В. Инверсия в английском языке как средство эмфазы // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2012. № 1. С. 94–99.

3. Багана Ж., Алаева М. В., Жевлакова П. Г. Демонстрация языкового явления «фигура речи» в текстах СМИ Нигерии // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. № 2. С. 308–316. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-308-316

4. Воробьева Е. Н. Стилистическая инверсия в английском языке: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 4. С. 1137–1148. DOI: 10.30853/phil20240166

5. Захаркина Д. А., Нуртдинова Г. М. Инверсия как один из способов выражения экспрессивности в современном английском языке (на примере интернет-статей) // Terra Linguae: сборник научных статей. Казань, 2019. Т. 5. С. 180–185.

6. Зеленовская А. В., Яковенко И. А. Особенности инверсии в немецком предложении. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/9540/1/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%90.%D0%92.%2C%20%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%20%D0%98.%D0%90..pdf (дата обращения 30.05.2025).

7. Мамбаева С. К., Воробьева Д. Ю. Роль инверсии в переводе // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. 2019. № 4. С. 65–68.

8. Никитина Ю. А. Стилистическая инверсия в газетных и публицистических текстах экономической тематики // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 4 (17). С. 100–102.

9. Пяткин А. В., Брыкина С. В. Стилистическая инверсия в художественном тексте и ее перевод на русский язык (на материале произведения Ч. Диккенса «HardTimes») // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: материалы X Международной практической конференции. Пенза, 2023. С. 234–239.

10. Серебрякова Е. В. Инверсия как средство выражения эмоций в немецкоязычном художественном тексте // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. Коломна, 2021. С. 64–68.

11. Смирнова В. С. Влияние инверсии на смысл и стилистическую окраску английского предложения // Язык: категории, функции, речевое действие. 2022. Вып. 15. Часть II. С. 134–137.

12. Хадулаева У. Ш. Инверсия в русском и английском языках (на материале гастрономического дискурса) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 3. С. 79–87. DOI: 10.15593/2224-9389/2022.3.7

13. Шишкин Д. С. Инверсия как особый стилистический прием усиления прагматического эффекта художественного текста // Вестник науки и образования. 2016. № 10 (22). С. 57–60.

14. Эйюбова А. И. Проблема инверсии и актуального (семантического) членения // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1 (30). С. 341–344. DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0083

15. Яковлева Г. Г., Шпарева Г. И., Губанов А. Р., Данилов А. А. Актуализация главных членов предложения средствами стилистической инверсии в русском, чувашском и английском языках: сопоставительный анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 10. С. 3161–3166.

References

1. Andreev VS. Syntactic Inversion as a Classification Parameter in the Study of Individual Style. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestia of Smolensk State University*. 2014;(1):121-128. (In Russ.).

2. Artamonova GV. Inversion in English as a means of emphasis. *Vestnik gumanitarnogo instituta TGU = Bulletin of the Humanitarian Institute of TSU*. 2012;(1):94-99. (In Russ.).

3. Bagana Zh., Alaeva MV., Zhevlakova PG. Demonstration of the Linguistic Phenomenon of “Figures of Speech” in the Texts of the Nigerian Media. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya = Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2022;(2):308-316. (In Russ.). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-2-308-316

4. Vorob′yeva EN. Emphatic inversion in the English language: A theoretical review. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2024;(4):1137-1148. (In Russ.). DOI: 10.30853/phil20240166

5. Zakharkina DA. Nurtdinova GM. Inversion as one of the ways of expressing expressiveness in modern English (based on the example of Internet articles). In: Terra Linguae. Kazan′; 2019. Vol. 5. Pp. 180-185. (In Russ.).

6. Zelenovskaya AV, Yakovenko IA. Osobennosti inversii v nemetskom predlozhenii = Features of inversion in a German sentence. available at: URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/9540/1/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%90.%D0%92.%2C%20%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%20%D0%98.%D0%90..pdf (accessed 30.05.2025). (In Russ.).

7. Mambayeva SK, Vorob′yeva DYu. The role of inversion in translation. *Vestnik Kyrgyzskogo natsional'nogo universiteta imeni Zhusupa Balasagyna = Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn.* 2019;(4):65-68. (In Russ.).

8. Nikitina YuA. Stylistic inversion in newspaper and publicistic texts on economics. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Baltic Humanitarian Journal.* 2016;(4):100-102. (In Russ.).

9. Pyatkin AV, Brykina SV. Stylistic inversion in a literary text and its translation into Russian (based on the work of Charles Dickens „Hard Times"). In: Yazyk kak osnova sovremennogo mezhkul′turnogo vzaimodeystviya = Language as a basis for modern intercultural interaction. Penza; 2023. Pp. 234-239. (In Russ.).

10. Serebryakova EV. Inversion as a means of expressing emotions in German-language fiction. In: Aktual′nyye problemy romano-germanskoy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov = Current issues of Romance and Germanic philology and methods of teaching foreign languages. Kolomna; 2021. Pp. 64-68. (In Russ.).

11. Smirnova VS. The influence of inversion on the meaning and stylistic coloring of an English sentence. *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoye deystviye = Language: categories, functions, communication*. 2022;(15):134-137. (In Russ.).

12. Khadulaeva USh. Inversion in Russian and English (based on gastronomic discourse). *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki = PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2022;(3):79-87. (In Russ.). DOI: 10.15593/2224-9389/2022.3.7

13. Shishkin DS. Inversion as a special stylistic device for enhancing the pragmatic effect of artistic texts. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education.* 2016;(10):57-60. (In Russ.).

14. Eyyubova AI. Problem of inversion and actual (semantic) division. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Baltic Humanitarian Journal.* 2020;(1):341-344. (In Russ.). DOI: 10.26140/bgz3-2020-0901-0083

15. Yakovleva GG, Shpareva GI, Gubanov AR, Danilov AA. Foregrounding of the principal parts of the sentence by means of stylistic inversion in Russian, Chuvash and English: A comparative analyses. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice.* 2023;(10):3161-3166. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. И. Щелок — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

И. А. Чернова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the authors

T. I. Shchelok — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages.

I. A. Chernova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 22.07.2025; одобрена после рецензирования 31.08.2025; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 22.07.2025; approved after reviewing 31.08.2025; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 123–131.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):123-131.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-123-131

ФЕНОМЕН DENGLISCH: АНГЛИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Юрий Алексеевич Иванцов[1*], Светлана Анатольевна Питина[2]

[1] Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск, 20ivantsov20@gmail.com, 0009-0001-8478-2147
[2] Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск, sap.pitina@rambler.ru, 0000-0003-4983-6872

Аннотация. В статье рассматривается феномен Denglisch как результат интенсивной лингвистической гибридизации, возникающей в результате проникновения англицизмов в немецкий язык в процессе глобализации. Актуальность работы обусловлена противоречивым характером языковых изменений: с одной стороны, наблюдается процесс интернационализации лексики, способствующей эффективной коммуникации между людьми, с другой — усиливается общественный запрос на защиту немецкого языка от англицизмов. В исследовании анализируются лингвистические особенности формирования Denglisch на различных языковых уровнях: лексике (англицизмы, псевдоанглицизмы, гибриды), фонетике и грамматике. Авторами исследуются социокультурные предпосылки и последствия явления Denglisch. Особое внимание уделяется конфликту между пуристскими тенденциями и процессами гибридизации, отражающими адаптацию языка к современным реалиям. На материале медиатекстов, кинематографа, молодёжной речи и научного дискурса авторы показывают, что Denglisch проникает в СМИ, образование, искусство и трансформирует языковую систему. Англицизмы используются при отсутствии лексики для обозначения определённого явления, выступают в роли эвфемизмов для нейтрализации негативной коннотации. Denglisch меняет не только язык, но и выступает катализатором культурных изменений в немецкоязычном обществе, трансформируя коммуникативные практики, формируя новые культурные коды и оказывая влияние на ценностные ориентации. Делается вывод о том, что гибридизация языка является ответом на вызовы глобализации: с одной стороны, она позволяет немецкому языку оставаться актуальным в условиях международной коммуникации и обеспечивает гибкость языка. С другой стороны, излишнее употребление англицизмов может способствовать исчезновению самобытности немецкого языка.

Ключевые слова: Denglisch, англицизмы, немецкий язык, гибридизация, пуризм, глобализация, социолингвистика, языковая идентичность

Для цитирования: Иванцов Ю. А., Питина С. А. Феномен Denglisch: англизация немецкого языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 123–131. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-123-131

Original article

THE PHENOMENON OF DENGLISCH: THE ANGLICIZATION OF THE GERMAN LANGUAGE

Yuri A. Ivantsov[1*], Svetlana A. Pitina[2]

[1] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, 20ivantsov20@gmail.com, 0009-0001-8478-2147
[2] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, sap.pitina@rambler.ru, 0000-0003-4983-6872

Abstract. The research is aimed at the phenomenon of Denglisch (the hybrid of the English and German languages) as a result of the penetration of Anglicisms into the German language, leading to systemic hybridization that goes beyond mere lexical borrowings. The study analyzes the linguistic features of Denglisch formation at various

© Иванцов Ю. А., Питина С. А., 2026

language layers such as lexis (Anglicisms, pseudo-Anglicisms, hybrids), phonetics and grammar. The authors explore the socio-cultural background and consequences of Denglisch. There is the conflict between puristic tendencies and hybridization processes, which reflect the adaptation of the language to modern communicative realities. The material from media texts, cinema, youth speech and scientific discourse helps the authors to demonstrate that Denglisch is permeating different spheres such as media, education and art thus transforming the language system. Anglicisms are sometimes used due to the lack of native vocabulary for certain concepts. They help to achieve expression, conduct dense semantic meaning and serve as euphemisms to neutralize the negative connotations of certain lexemes. Denglisch is changing not only the language but also functioning as a catalyst for cultural change in German-speaking society. The work concludes that language hybridization is a response to the challenges of globalization and may contribute to both the disappearance of the German language and its enriching.

Keywords: Denglisch, Anglicisms, German language, hybridization, purism, globalization, sociolinguistics, linguistic identity

For citation: Ivantsov YuA, Pitina SA. The phenomenon of Denglisch: the anglicization of the German language. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):7-15. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-123-131

Введение

Процесс глобализации в современном мире направлен на межкультурное взаимодействие. В ходе этого взаимодействия язык и культура стремятся к самобытности, демонстрируя миру свои особенности, разнообразие и уникальность, тем самым доказывая свою значимость и роль на мировой культурной арене. Стоит отметить, что межкультурное взаимодействие не проходит бесследно — культуры могут перенимать особенности друг друга, тем самым рискуя потерять собственное наследие.

Целью данной работы является изучить феномен Denglisch (рус. — *денглиш*) в лингвокультурном и социокультурном аспектах и дать оценку влияния феномена на немецкую языковую идентичность. В задачи работы входит анализ влияния англицизмов на немецкий язык на различных языковых уровнях, исследование примеров употребления Denglisch в различных сферах деятельности, определение роли пуризма и гибридизации в процессе заимствования, а также выявление социокультурного влияния англицизмов на немецкую культуру. Особое внимание в работе уделяется разграничению понятий «англицизм» как отдельной заимствованной единицы и «Denglisch» как системного явления гибридизации на всех уровнях языка.

Процессы гибридизации и пуризма рассматриваются отечественными и зарубежными авторами. Процесс гибридизации и смешения языков анализируется в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ [1], особенности гибридизации в трудах Т. В. Писановой [8] и К. А. Шишигина [13]. Р. А. Будагов [2] рассматривает пуризм как реакцию на определённые изменения в языке, связанные с заимствованиями. Немецкими сторонниками языкового пуризма выступают редакторы словаря Duden [17]. Тематику заимствований в немецком языке и феномена Denlisch в своих трудах освещают О. В. Карпова [3], Е. А. Конева [4], Л. В. Кунцевич [5], Н. Михайлова [6], М. С. Омельченко [7]. А. В. Щербакова [14]; М. Л. Радченко [9] и А. М. Рудчук [10] исследуют англицизмы в немецких СМИ.

Материалы и методы

Данная работа посвящена анализу влияния феномена Denglisch при помощи сравнительного и лингвокультурологического методов. Языковые трансформации изучаются при помощи анализа морфологических (глагол checken), синтаксических и фонетических изменений (звуки [j] и [dg], изменение межзубных звуков).

Материалом исследования послужили тексты современной немецкоязычной прессы [в частности, журналы Der Spiegel (организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации) и Vogue Germany], пользовательские статьи и комментарии на немецкоязычных сайтах (Giga, Focus, Letterbox) за период 2023–2025 гг., а также данные словаря Duden.

Результаты и обсуждения

В результате межкультурного взаимодействия могут появиться новые ценности, традиции, реализующиеся в языке. В современном мире можно увидеть непривычные понятия, такие как «спанглиш» (слияние испанского и английского языков), «френглиш» (французского и английского) и «денглиш» (немецкого и английского), которые являются результатом смешения двух языков [11, с. 92]. И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечает смешанный характер всех языков без исключения: «Если же взглянем собственными глазами на вопрос о смешении или несмешении языков,

должны будем согласиться, что нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого» [1, с. 362]. Таким образом, смешение языков — естественный и неизбежный процесс.

Говоря о смешении языков, необходимо упомянуть процессы языковой гибридизации и пуризма. Гибридизация — это универсальный процесс, который может прослеживаться в любых контактирующих языках. Н. Я. Марр приводит следующее определение гибрида — язык, происходящий от скрещения языков разных типов [цит. по Ушаков, 2001, с. 556]. В современной лингвистике понятие «гибридизация» выходит за рамки рассмотрения явления с точки зрения только образования языков, но понимается и как «гипероним, который охватывает все явления, вызванные языковыми контактами, от минимальных мутаций до создания новых языков» [8, с. 122]. Т. В. Писанова отмечает, что гибридизация выступает противником пуристских течений в языке, определяя стратегии свободного международного общения и языкового развития [8, с. 121]. Если гибридизация является процессом естественным при взаимодействии языков, то пуризм, по мнению Р. А. Будагова, является «мероприятием реакционным», и необходимо «тщательно анализировать то или иное пуристическое движение, рассматривать, против чего или кого оно направлено, к чему и как оно стремится» [2, с. 143].

Смешение языков перестаёт быть исключительно лингвистическим явлением и становится катализатором социокультурных изменений в немецком обществе. Немецкий, некогда один из ведущих мировых языков в науке, до середины XX века, практически полностью уступил данную роль английскому языку. Научное международное общение, публикации и цитирование происходят на английском языке. Более того, в немецкоязычных странах наблюдается рост количества англоязычных учебных программ (особенно в магистратуре). Эта тенденция является общеевропейской и направлена на привлечение иностранных студентов, хотя сама по себе не является символом привлекательности Германии [16]. Говоря о заимствованиях, важно отметить то, что немецкий язык интегрирует не только английские слова, но и лексику из других языков, например турецкого [6, с. 6].

Заимствование лексем из других языков, в особенности из английского, обусловлено необходимостью (в ситуациях, когда определённые понятия отсутствуют в языке), а также погоней за современностью. Журнал Der Spiegel (организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации) опубликовал статью, посвящённую употреблению англицизмов в немецком языке: ассоциация немецкого языка (VereinDeutscheSprache), преследуя пуристскую цель — сохранение и продвижение немецкого языка как самостоятельного языка культуры, в 2013 году присудила премию «Sprachpanscher» (sprechen — говорить, panscher — самогонщик или продавец разбавленного молока) словарю немецкого языка Duden. Премия присуждается деятелю, который без оснований использует в немецком языке заимствования, тем самым «гоняет словесную сивуху». Критика ассоциации основывается на том, что словарь внёс в содержание, по мнению ассоциации, необоснованные термины. Вальтер Кремер, основатель ассоциации, обращает особое внимание на использование английского слова «*soccer*» вместо немецкого слова «*Fussball*». Представители словаря отметили, что не пытаются «изобретать» язык, а лишь отражают действительность. Предугадать последствия внесения англицизмов в словарь немецкого языка затруднительно — это можно рассматривать как способ указать общественности на проблему количества заимствований в языке или способ продвижения и популяризации тенденции использования заимствований. Мы обращаем внимание на само событие и его проблематику — излишнее количество заимствований в немецком языке, а также их неуместное использование [17].

Желание осовременить язык, следуя актуальным тенденциям, характерно не только для немецкого языка. «Устаревшее» или не «модное» забывается и утрачивает свою значимость, однако оно может переродиться и утвердить свою уникальность, стать «новомодным», демонстрируя не доминирование одной культуры, а указывая на уважительное межкультурное сосуществование. Например, в конце XX века одной из главных музыкальных тенденций среди успешных музыкантов было завоевание слушателей всего мира. Многие группы, исполняющие песни на немецком, шведском и других языках, постепенно переводили свои песни на английский язык или сразу начинали свою карьеру на этом языке (например, группа Tokio Hotel, которая перевела большинство хитов с родного немецкого на английский). Однако группа Rammstein, определяя векторы своей музыкальной деятельности, остановилась именно на родном для группы немецком языке. Группа не только показала, что язык одной культуры может звучать самобытно, но и указала

на подлинность искусства через отказ от универсального «модного» в пользу аутентичного.

Несмотря на то, что пуристские тенденции в немецком обществе проявляются в различных сферах деятельности, языковая реальность СМИ, молодёжной среды и технического прогресса развивается новым путём, порождая синонимичные гибриды-бленды для немецкого языка — Denglisch (Denglish, Germish, Genglish, Engleutsch). Как было указано ранее, гибридизация — это универсальный механизм, который свойственен любым языковым контактам. В свою очередь Denglisch представляет собой конкретную системную историческую и структурную реализацию гибридизации в симбиозе двух конкретных языков. В данном случае английский выступает не просто источником заимствований, но и моделью системных изменений немецкого языка на различных уровнях. Более того, особенностью Denglisch можно считать чрезмерную англизацию немецкого языка.

Вхождение в немецкий язык лексических единиц из английского языка происходит при помощи англицизмов, псевдоанглицизмов и словгибридов. Е. А. Конева трактует их следующим образом:

Англицизмы — слова, заимствованные из другого языка в их «естественной оболочке» — в произношении и написании. Например: *der USB stick* (флешка), *das Jogging* (бег трусцой), *das Selfie* (селфи), *die App* (приложение), *das Event* (мероприятие), *das Meeting* (встреча). Важно обратить внимание на то, что некоторые слова при этом могут употребляться с немецкими флексиями: английский глагол *to check* в немецком языке имеет практически одинаковое значение, но графически изображается с окончанием, характерным для немецкого языка, *-en — checken*, так же, как *Liken* (от английского *to like), bloggen* (от английского *a blog / to blog*). Определение рода заимствованных английских существительных в немецком языке не подчиняется правилу из-за отсутствия рода существительных в английском языке [4, с. 1]. М. С. Омельченко, анализируя работы Broder Carstensen, определяет некоторые положения относительно присвоения рода таким словам:

(1) отсутствие единого правила — непоследовательное присвоение рода существительным, различие рода в словарях;
(2) три категории заимствований: слова с одним родом (наиболее частый случай), слова с двумя родами, слова с тремя родами;
(3) лексическая аналогия — род определяется по сходству с немецким языком (*die City — die Stadt*);
(4) морфологические особенности — слова с окончанием *-er* мужского рода, с окончаниями *-ing, -ment* — среднего, с окончанием *-ship* — женского;
(5) региональные различия — род может отличаться в Германии, Швейцарии и Австрии (*der/das Service*);
(6) преобладание мужского рода, особенно среди односложных слов;
(7) субъективность — выбор рода определяется носителем индивидуально, особенно если человек не совсем понимает значение заимствованного слова [7, с. 92–95].

Данные примеры представляют собой первый и наиболее заметный уровень гибридизации: лексика заимствуется из английского языка, но грамматическая система (например, присвоение рода) пытается адаптироваться к немецким нормам.

Псевдоанглицизмы — слова, графически похожие на английские, но имеющие другую семантику. В исследовании по псевдоанглицизмам в немецком языке Л. В. Кунцевич определяет:

a) динамику роста и устойчивости употребления псевдоанглицизмов в языке. Количество таких единиц выросло с 47 до 80 за период с 2010 по 2013 год. Параллельно с появлением новых единиц фиксируется рост частоты употребления таких слов, как *Logical*, *Popper*, *Songtext*, *Trend*. Псевдоанглицизмы *Handy*, *Homepage*, *Smoking* прочно вошли в словарный состав многих немецких словарей, например, «Duden»;
b) наиболее часто псевдоанглицизмы встречаются в таких сферах, как технологии (*Handy* — телефон, *Homepage* — сайт), мода (*Smoking* — смокинг), образование (*Popper* — учащийся частной средней школы).
c) вытеснение псевдоанглицизмов в зависимости от функциональной востребованности новыми англицизмами с более узкой спецификой употребления (*Mailbox — E-mail*) [5, с. 59–60].

Псевдоанглицизмы демонстрируют более глубокий уровень гибридизации: происходит не просто заимствование лексики, а создание новой лексической единицы. Такая возможность появляется только в условиях длительного и тесного контакта языков.

Слова-гибриды — сложные слова, где одна часть английская, а другая — немецкая. Несмотря на пуристские взгляды на язык со стороны

немецких учёных и общественности, такие слова создаются согласно принципу языковой экономии для передачи ёмких по своей семантике определений явлений, процессов и предметов (*das Do-it-yourself-Verfahren* — обучение, при котором большее количество заданий обучающийся должен выполнять самостоятельно; *das Sprachcoaching-Projekt* — проект, в рамках которого ведётся работа по овладению немецким языком и улучшению навыков говорения и понимания для потенциальных студентов-иностранцев). Гибриды экспрессивно и эмоционально окрашены в СМИ и разговорной речи, быстро усваиваются пользователями немецкого языка, усложняя их искоренение пуристами. Стоит отметить, что большинство гибридов являются окказионализмами, то есть создаются по случаю в зависимости от намерений говорящего, а поэтому их трудно отслеживать в словарях. Для идентификации слов-гибридов помогает графическая составляющая — дефисы или раздельное написание, а также характерная для английского языка морфология (например, флексии) [4, с. 1–2].

Важно отметить, что Denglish как языковое явление проявляется не только в лексике, но и в фонетике и грамматике [13, с. 111]. Фонетическая составляющая двух языков отличается друг от друга наличием (отсутствием) определённых звуков. Процесс полной полной ассимиляции слова происходит не сразу, при этом слово сохраняет фонетическую оболочку, свойственную английскому языку. В качестве примера можно привести слова на букву «*J*» — *Job*, *Jogging* (*Joggen*). В немецком языке отсутствует аффриката [dg], поэтому такие слова выделяются в немецкой речи. Другим примером может послужить английское слово «*thriller*». Несмотря на то, что в немецком языке отсутствуют межзубные звуки, большинство немцев (особенно в кино) используют именно межзубный звук. Мы обращаем внимание на то, что такие фонетические явления рассматриваются не как правило, а как тенденция. Немцы могут адаптировать англицизмы в речи согласно правилам произношения немецкого языка: слова на «J» могут произноситься с немецким звуком [j] (йот), а межзубный согласный может изменяться на звук [t] [9, с. 206].

Грамматический строй немецкого языка является консервативным и меньше поддаётся изменениям под влиянием английского языка. Тем не менее А. В. Щербакова отмечает сближение грамматических времён через расширение функций презенса в немецком языке по аналогии с английским: презенс (Präsens) начинает выполнять функции претерита (Präteritum), что характерно для английского языка в нарративе (Present Simple может использоваться для описания действий в прошлом). Нарушается традиционная норма, согласно которой союз «*als*» требует претерита. Например, *«Als der Vater zurückkommt* (вместо *«zurückkam»*), *fährt der Sohn zusammen»* [14, с. 14].

Тенденции к использованию заимствований в различных сферах жизни и на разных уровнях языка искажают многогранность и уникальность немецкого, организуя «англоподобную» языковую систему. Помимо использования заимствований в сфере технического прогресса и новых политических, социальных и экономических процессов, англицизмы проникают в немецкий язык благодаря молодому поколению — более открытому и способному к быстрой адаптации. Молодёжь всё чаще отдаёт предпочтение именно дэнглишу за его экспрессивность, эмоциональность, ёмкость и речевую экономию. Показательно появление статей в немецкоязычных социальных сетях, разъясняющих значение новых англицизмов. Так, заголовок пользовательской статьи *«Side Eye: Was bedeutet das in der Jugendsprache?»* свидетельствует о том, что словосочетание уже вошло в активный словарь немецкой молодёжи, но ещё нуждается в пояснении для более широкой аудитории. Важно отметить, что само наличие подобных обсуждений подтверждает становление англицизмов неотъемлемой частью повседневной коммуникации немецкой молодёжи [21].

Более сложным примером гибридизации может послужить выражение «*main Character Syndrome*» в одном из комментариев пользователя немецкого сайта, посвящённому обсуждению и поиску фильмов: «…weil ihr Main *Character Syndrome* sie unfähig zu jeglicher Form von Selbstreflektion macht…» [15]. Данный англицизм представляет собой целое словосочетание, которое встраивается в немецкую речь без морфологической адаптации. Англицизмы не просто пополняют лексику немецкого языка, но и организуют синтаксическую структуру высказывания, сохраняя исходную форму: немецкий язык приписывает англицизму грамматические функции без формального изменения.

В использовании заимствований «учёные-языковеды видят угрозу, так как немецкий язык постепенно лишается своей неповторимой выразительности и экспрессивности», а следовательно, существует опасность полного исчезновения языка [3, с. 54].

Проникновение англицизмов прослеживается в искусстве, например, в кино. Обоснованность добавления английских слов в названия фильмов остаётся спорной. С одной стороны, англоязычные заимствования придают фильмам большую узнаваемость, тем самым интегрируя немецкое общество в глобальную культуру. С другой стороны, частое употребление «дэнглиша» ставит вопрос о культурном суверенитете немецкого общества, формируя внешнюю социальную и культурную зависимость.

Рассмотрим несколько актуальных названий фильмов и сериалов. «*WhoIam — Kein System ist sicher*», «*Doctor's Diary — Männer sind die beste Medizin*», «*Weil wir Champions sind*» — в данных названиях сериалов и фильмов наблюдается частичное включение англицизмов в немецкий язык. Цель данной интеграции остаётся дискуссионной, так как все англицизмы можно заменить исконно немецкими вариантами. Другие же примеры немецкого кинематографа, как «*Knockin' On Heaven's Door*», «*Kidnapping Stella*», «*Brick*», «*Sweethearts*» и «*Blind/Man from Beirut*» (в последнем существует два варианта названия фильма, и оба на английском, что является актуальной практикой в современной немецкой языковой среде) либо используют только английские слова, либо включают англицизмы в названия, например, «*Die Discounter*».

Сознательное использование англицизмов в средствах массовой информации делает понятия более дифференцированными, а также формирует новые культурные коды. Например, «*Cool. Professionell. Freundlich».* Другим примером может послужить слово *«Song»* вместо немецкого эквивалента *«Das Lied».* Хотя оба слова обозначают песню, английский эквивалент привносит специфический культурный контекст, а именно современную поп-культуру, современную песню. Другой причиной употребления англицизмов в немецких СМИ может выступать культурные эвфемизмы. Для нейтрализации негативной коннотации слова его заменяют англоязычным нейтральным по значению вариантом. Например, замена слова *«Billigprodukt»* (дешёвый продукт) на *«Discountware»* (уценённый продукт или продукт по скидке) [10, с. 776]. Вероятно, это можно связать с тем, что слово *«Discount»* встречается повсеместно, начиная с маленьких рекламных листовок, заканчивая большими плакатами известных магазинов и бутиков, формируя новое восприятие слова в языковом сознании покупателей.

Различные немецкие медиа используют схожую стратегию обращения с англицизмами. В медицинско-косметическом дискурсе, например, используется заголовок *«Ozempic Face: Warum das Diabetes-Medikament die Hautalterung beschleunigt, wenn es es zum Abnehmen missbraucht wird»* [20]. Название препарата *Ozempic* в сочетании с англицизмом *Face* конструирует ёмкий образ, для которого в немецкой речи не существует такого же краткого и ёмкого эквивалента. Заголовок выстраивается как гибридная конструкция.

В сфере моды также наблюдается активное использование сложных англицизмов. В одном из материалов, критикующих навязывание современных стандартов женской красоты, встречается комментарий *«Nachdem sich für den "SlimThick" Körpertrend viele Frauen der gefährlichen BBL-OP unterzogen, soll jetzt der extrem dünne Heroin Chic der 90er zurück sein»* [19]. Данный фрагмент примечателен сразу несколькими уровнями гибридизации. Во-первых, используется англоязычное понятие «*Slim Thick*» (тип фигуры с тонкой талией и пышными бёдрами), которое не имеет устоявшегося эквивалента в немецком языке. Во-вторых, встречается аббревиатура *«BBL-OP»*, где *BBL* обозначает косметическую операцию по увеличению ягодиц (Brazilian Butt Lift), а *OP* — немецкое сокращение от *Operation* (операция, хирургическое вмешательство). Данный пример указывает на гибридную аббревиатуру, обозначающую конкретную медицинскую процедуру, и немецкого сокращения, уточняющего характер действия.

В сфере связей с общественностью и новостной журналистике фиксируются устойчивые англицизмы, используемые как в непосредственном тексте, так и в заголовках. Примером может послужить статья, посвящённая известной британской публичной личности — *«Epstein soll Fergie Interview-Statement diktiert haben»* [18]. Особое внимание привлекает англицизм *Interview-Statement* (заявление, данное в интервью). Само слово Statement прочно вошло в немецкую речь как стандартное обозначение официального комментария (встречается в статье 7 раз). Далее в тексте статьи встречается предложение: *«Es folgte ein kurzer Austausch, indem Sarahs Fergusons PR-Manager folgendes Statement vorschlug».* Здесь мы видим заимствование PR-Manager (менеджер по связям с общественностью), которое стало неотъемлемой частью профессиональной лексики и не требует перевода или пояснения.

Выводы

Таким образом, стремление к укреплению национального языка и культуры наравне с желанием быть частью мировой арены в сферах развлечения, информации, научной деятельности и технического прогресса приводит к попыткам использования международного языка (английского) в немецком языке, порождая новый языковой феномен Denglisch, который следует рассматривать не как совокупность англицизмов, а как системное проявление гибридизации. С пуристской точки зрения, Denglisch претендует на роль «убийцы» немецкого культурного кода, поскольку молодое поколение часто отдаёт предпочтение англицизмам из-за их универсальности и языковой моды. С другой стороны, использование заимствованной лексики обогащает язык.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков (фрагмент) // Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 1. С. 362–372.

2. Будагов Р. А. Введение в науку о языке : учеб. пособие. М. : Добросвет — 2000, 2003. 143 с.

3. Карпова О. В. Влияние англицизмов и экзотической лексики на становление немецкого языка // Филологические науки в России и за рубежом : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). СПб., 2013. С. 53–56.

4. Конева Е. А. Denglisch как языковой феномен // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 42–47.

5. Кунцевич Л. В. Динамика появления и развития псевдоанглицизмов в немецком языке // Наука и школа.2013. № 4. С. 58–61.

6. Михайлова Н., Кипнис Д., Кипнис А. Молодёжный язык Германии : учеб. пособие. Мюнхен : «Im Werden Verlag», 2006. 33 с.

7. Омельченко М. С. Грамматически-концептуальные особенности англо-американских заимствований в немецком языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 92–96.

8. Писанова Т. В. Кастильский язык и региональные языки Испании: особенности билингвизма и гибридизации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 1–2 (32–33). С. 109–133.

9. Радченко М. Л., Чернова Е. М. Влияние английского языка на немецкий на примере англо-американских заимствований в немецком сленге и СМИ // Молодой учёный. 2019. № 8 (246). С. 205–207.

10. Рудчук А. М. Англицизмы в немецкоязычных СМИ // Вестник науки. 2024. № 11 (80). С. 773–778.

11. Скоробогатова Т. И., Суралева О. Ю. Франгле: вчера и сегодня // Научная мысль Кавказа. 2016. № 3 (87). С. 92–97.

12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова [1935]. Т. 1. М., 2001. 1562 с.

13. Шишигин К. А. Гибридизация системы языка (на примере идишских глаголов с префиксом tsu) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29–2. С. 111–116.

14. Щербакова А. В. Активные процессы в современном немецком письменном языке : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2001. 34 с.

15. Ach, diese Lücke, diese entsetzliche Lücke, 2026. URL: https://letterboxd.com/film/ach-diese-lucke-diese-entsetzliche-lucke/details/ (дата обращения: 05.03.2026).

16. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt // De Gruyter. 2015. № 1295. P. 201–209. DOI: https://doi.org/10.1515/zrs-2015-0038.

17. Duden Dictionary Gets Spoof Award for Tainting German Language // Der Spiegel: [website]. 2013. 2 September. URL: https://www.spiegel.de/international/germany/duden-dictionary-gets-spoof-award-for-tainting-german-language-a-919933.html (дата обращения: 12.03.2026).

18. Epstein soll Fergie Interview-Statement diktiert haben, 2026. URL: https://www.focus.de/kultur/royals/distanzierung-von-sexualstraftaeter-epstein-soll-fergie-interview-statement-diktiert-haben_5b3e306b-71d1–49d2–8745-a513a3936d3e.html (дата обращения: 05.03.2026).

19. Heroin Chic? Nein danke. Warum Körpertypen von Frauen keine Trends sind, 2022. URL: https://www.vogue.de/beauty/artikel/anti-heroin-chic-koerpertyp (дата обращения: 05.03.2026).

20. Ozempic Face: Warum das Diabetes-Medikament die Hautalterung beschleunigt, wenn es es zum Abnehmen missbraucht wird, 2023. URL: https://www.vogue.de/beauty/artikel/ozempic-face (дата обращения: 05.03.2026).

21. Side Eye: Was bedeutet das in der Jugendsprache, 2023. URL: https://www.giga.de/artikel/side-eye-was-bedeutet-das-in-der-jugendsprache/ (дата обращения: 05.03.2026).

References

1. Bodujen de Kurtenje IA. O smeshannom haraktere vseh jazykov (fragment) = On the mixed character of all languages (fragment). In: Selected works on general linguistics: In 2 vol. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1963. Pp. 362-372. (In Russ.).

2. Budagov RA. Vvedenie v nauku o jazyke: uchebnoe posobie = Introduction to the science of language: Textbook. Moscow: Dobrosvet-2000; 2003. 143 p. (In Russ.).

3. Karpova OV. The influence of Anglicisms and exotic vocabulary on the formation of the German language. In: Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhomi = Philological sciences in Russia and abroad: materials of the II International Scientific Conference (St. Petersburg, November 2013). St. Petersburg; 2013. Pp. 53-56. (In Russ.).

4. Koneva EA. Denglisch as a linguistic phenomenon. *Teoriya yazy'ka i mezhkul'turnaya kommunikaciya* = Theory and Practice of Modern Science. 2016;4(23):42-47. (In Russ.).

5. Kuncevich LV. Dynamics of the emergence and development of pseudo-Anglicisms in the German language. *Nauka i shkola = Science and School*. 2013;(4):58-61. (In Russ.).

6. Mihajlova N, Kipnis D, Kipnis A. Molodezhnyj jazyk Germanii: uchebnoe posobie = Youth language of Germany: textbook. Munich: "Im Werden Verlag"; 2006. 33 p. (In Russ.).

7. Omel'chenko MS. Grammatical and conceptual features of Anglo-American borrowings in the German language. *Voprosy' kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2010;(3):92-96. (In Russ.).

8. Pisanova TV. Castilian language and regional languages of Spain: features of bilingualism and hybridization. *Chelovek: Obraz i sushhnost'. Gumanitarny'e aspekty' = Human Being: Image and Essence. Humanitarian aspects*. 2018;1-2(32-33):109-133. (In Russ.).

9. Radchenko ML, Chernova EM. The influence of the English language on German using the example of Anglo-American borrowings in German slang and media. *Molodoj ucheny'j = Young Scientist*. 2019;8(246):205-207. (In Russ.).

10. Rudchuk AM. Anglicisms in German-language media. *Vestnik nauki = Bulletin of Science.* 2024;11(80):773-778. (In Russ.).

11. Skorobogatova TI, Suraleva OJu. Franglais: yesterday and today. *Nauchnaya my'sl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2016;3(87):92-97. (In Russ.).

12. Ushakov DN (ed). Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. 1. Moscow; 2001. 1562 p. (In Russ.).

13. Shishigin KA. Hybridization of the language system (on the example of Yiddish verbs with the prefix tsu-). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury' i iskusstv = Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2014;(29-2):111-116. (In Russ.).

14. Shherbakova AV. Aktivnye processy v sovremennom nemeckom pis'mennom jazyke: special'nost' 10.02.04 = Active processes in the modern German written language. Abstract of thesis. Tambov; 2001. 34 p. (In Russ.).

15. Ach, diese Lücke, diese entsetzliche Lücke, 2026. Availablefrom: https://letterboxd.com/film/ach-diese-lucke-diese-entsetzliche-lucke/details/ (дата обращения: 05.03.2026).

16. Ammon U. The position of the German language in the world. De Gruyter. 2015;(1295):201-209. (In German). DOI: https://doi.org/10.1515/zrs-2015-0038.

17. Duden Dictionary Gets Spoof Award for Tainting German Language. The mirror: [Internet]. 2013. 2 September. Available from: https://www.spiegel.de/international/germany/duden-dictionary-gets-spoof-award-for-tainting-german-language-a-919933.html (accessed: 12 March 2026).

18. Epstein soll Fergie Interview-Statement diktiert haben, 2026. Available from: https://www.focus.de/kultur/royals/distanzierung-von-sexualstraftaeter-epstein-soll-fergie-interview-statement-diktiert-haben_5b3e306b-71d1–49d2–8745-a513a3936d3e.html (датаобращения: 05.03.2026).

19. Heroin Chic? Nein danke. Warum Körpertypen von Frauen keine Trends sind, 2022. Available from: https://www.vogue.de/beauty/artikel/anti-heroin-chic-koerpertyp (дата обращения: 05.03.2026).

20. Ozempic Face: Warum das Diabetes-Medikament die Hautalterung beschleunigt, wenn es es zum Abnehmen missbraucht wird, 2023. Available from: https://www.vogue.de/beauty/artikel/ozempic-face (дата обращения: 05.03.2026).

21. Side Eye: Was bedeutet das in der Jugendsprache, 2023. Available from: https://www.giga.de/artikel/side-eye-was-bedeutet-das-in-der-jugendsprache/ (дата обращения: 05.03.2026).

Информация об авторах

Ю. А. Иванцов — аспирант Челябинского государственного университета.

С. А. Питина — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания.

Information about authors

Y. A. Ivantsov — postgraduate student.

S. A. Pitina — Dr.Sci. (Philology), Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 25.03.2026; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 25.03.2026; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 132–140.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):132-140.

Научная статья

УДК 811.161.1(075.8)

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-132-140

МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ КАК ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: СПЕЦИФИКА, ИСТОЧНИКИ И ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Луиза Рауфовна Сулейманова[1*], Эмма Марсовна Тимошкина[2], Фуат Мурзагалиевич Сулейманов[3]

[1] Уфимский университет науки и технологий, Сибайский институт (филиал), Сибай, Россия, luizasul22@yandex.ru, 0000-0001-7020-0209

[2] Уфимский университет науки и технологий, Сибайский институт (филиал), Сибай, Россия, emma.cold12@mail.ru

[3] Уфимский университет науки и технологий, Сибайский институт (филиал), Сибай, Россия, fuatms@yandex.ru, 0000-0003-3139-0614

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению молодёжного сленга в лингвосоциокультурном аспекте. Предметом исследования является лексика ограниченной сферы употребления русского языка, представленная в качестве молодёжного сленга, источниками формирования которого являются внутренние ресурсы языка, заимствования из иностранных языков, прежде всего английского, а также собственные неологизмы на базе русского языка. Феномен данного языкового явления в современном русском языке представляет собой значимый объект лингвистического и социокультурного исследования. Поэтому в представленной исследовательской работе молодёжный сленг подвергается изучению с помощью социолингвистического и культурологического методологических подходов, предложенных предыдущими лингвистами. В исследовании рассматриваются теоретические основы данного явления, молодёжный сленг отграничивается от таких смежных лингвистических категорий, как сленг в широком смысле, жаргон, арго, диалектная лексика. Изучаемое языковое явление рассматривается в процессе исторического развития, начиная с советского периода, вплоть до современного состояния в России. Обращается внимание на связь молодёжного сленга с социальными преобразованиями в стране, рассматриваются ключевые характеристики, функции и источники формирования сленга, при этом особое внимание уделяется трансформации молодёжной речи в советский, постсоветский и современный цифровой периоды, с акцентом на влияние социокультурных и технологических изменений. Современный этап молодёжного сленга прослеживается в тесной связи с цифровой эпохой и глобализацией. Современная платформа для формирования и распространения сленга — интернет-пространство, основные источники интернет-неологизмов: прямые и адаптированные англоязычные заимствования. Это лексика из онлайн-игр и киберспорта, лекические единицы, связанные с мемами и вирусным контентом, часто используемые в речи молодёжи и т.д. На современном этапе молодёжный сленг является неотъемлемой и динамичной частью системы русского языка, это языковой пласт, очень быстро реагирующий на социокультурные, экономические и технологические изменения в обществе. Молодёжный сленг как языковое явление прошёл путь от языка советских стиляг, англицизмов и криминальной лексики постсоветского периода, к современной интернет-эпохе, активно влияя на общеязыковые процессы.

Ключевые слова: молодёжный сленг, русский язык, жаргон, арго, социолингвистика, интернет-сленг, неологизмы и заимствования

Для цитирования: Сулейманова Л. Р., Тимошкина Э. М., Сулейманов Ф. М. Молодёжный сленг как лингвосоциокультурный феномен: специфика, источники и функции в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 132–140. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-132-140

© Сулейманова Л. Р., Тимошкина Э. М., Сулейманов Ф. М., 2026

Original article

YOUTH SLANG: A LINGUOSOCIO-CULTURAL PHENOMENON — ITS SPECIFIC FEATURES, ORIGINS, AND FUNCTIONS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Luiza R. Suleymanova[1*], Emma M. Timoshkina[2], Fuat M. Suleymanov[3]

[1] Ufa University of Science and Technology, Sibay Institute (Branch), Sibay, Russia, luizasul22@yandex.ru, 0000-0001-7020-0209

[2] Ufa University of Science and Technology, Sibay Institute (Branch), Sibay, Russia, emma.cold12@mail.ru

[3] Ufa University of Science and Technology, Sibay Institute (Branch), Sibay, Russia, fuatms@yandex.ru, 0000-0003-3139-0614

Abstract. This work is dedicated to the study of youth slang from a linguo-sociocultural perspective. The subject of the research is vocabulary with a limited sphere of use in the Russian language, represented as youth slang. The sources of its formation include the internal resources of the language, borrowings from foreign languages, primarily English, as well as original neologisms based on the Russian language. The phenomenon of this linguistic feature in modern Russian represents a significant object of linguistic and sociocultural research. Therefore, in this research paper, youth slang is studied using sociolinguistic and culturological methodological approaches proposed by previous linguists. The study examines the theoretical foundations of this phenomenon and distinguishes youth slang from related linguistic categories such as slang in a broader sense, jargon, argot, and dialectal vocabulary. The linguistic phenomenon under study is examined in the process of its historical development, starting from the Soviet period up to its current state in Russia. Attention is paid to the connection between youth slang and social transformations in the country. Key characteristics, functions, and sources of slang formation are considered, with particular emphasis on the transformation of youth speech during the Soviet, post-Soviet, and modern digital periods, focusing on the influence of sociocultural and technological changes. The modern stage of youth slang is traced in close connection with the digital era and globalization. The primary platform for the formation and dissemination of slang is the internet space. The main sources of internet neologisms are direct and adapted English borrowings. This includes vocabulary from online games and esports, lexical units related to memes and viral content, frequently used in youth speech, and so on. At the present stage, youth slang is an integral and dynamic part of the Russian language system; it is a linguistic layer that reacts very quickly to sociocultural, economic, and technological changes in society.Youth slang as a linguistic phenomenon has evolved from the language of Soviet "stilyagi" (hipsters), borrowings and criminal vocabulary of the post-Soviet period, to the modern internet era, actively influencing general language processes.

Keywords: Youth slang, Russian language, jargon, argot, sociolinguistics, internet slang, neologisms, and loanwords

For citation: Suleymanova LR, Timoshkina EM, Suleymanov FM. Youth slang: a linguosocio-cultural phenomenon — its specific features, origins, and functions in modern russian language. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):132-140. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-132-140

Введение

Понятие сленг в отечественной лингвистике начинает разрабатываться только во второй половине прошлого столетия. Определение термина даётся в трудах И. Р. Гальперина [4], В. А. Хомякова [12; 13], Е. Г. Борисовой-Лукашенец [3], Т. В. Мизюриной [6], М. Ю. Руденко [10] и др. исследователей.

Появление множества работ на современном этапе говорит об актуальности данного языкового явления в русской лингвистике. Такие исследователи, как Е. А. Помигуева [8], Н. О. Орлова и О. Ю. Богданова [7], обращают внимание на функциональный аспект сленга. Сленг как способ актуализации ценностей молодёжной субкультуры, механизмы его пополнения рассматриваются в исследованиях О. В. Библиевой [2], Л. М. Гареевой [5] и др. Статья Е. А. Рубцовой [9] посвящена проблеме определения статуса молодёжного сленга в системе литературного языка. Вопросы лексикографического описания рассматриваемого явления исследуются в диссертационной работе О. В. Цибизовой [15]. В ряде работ одного из авторов данного исследования также затрагиваются различные аспекты сленга, жаргона в русском языке [1; 14; 17; 18].

В наши дни молодёжный сленг становится всё более заметным в русском языке, что делает его важным объектом для лингвистического и социокультурного исследования.

Сначала нужно понять, что же такое молодёжный сленг. Ещё советский исследователь Е. Г. Борисова-Лукашанец, опубликовавшая одну из первых работ по молодёжному жаргону в русском языке, отмечала, что молодёжный сленг — одна из наиболее подвижных и изменчивых частей лексико-фразеологической системы языка. Молодёжный сленг представляет собой единство

особых слов и выражений, которые употребляются в основном в речи у молодёжи и являются отступлением от принятой языковой нормы. Это такая лексическая подсистема, которая постоянно обновляется и отражает мировоззрение, ценности и интересы молодого поколения [3].

Для того чтобы точно понимать сущность молодёжного сленга, очень важно разграничивать его со смежными лингвистическими категориями. Рассмотрим их:

1. Сленг в более широком смысле охватывает слова и выражения, считающиеся отклонением от литературной нормы и характеризующиеся разговорной, часто фамильярной или игровой окраской. Он используется различными социальными и профессиональными группами, не обязательно с целью сокрытия информации.
2. Жаргон представляет собой речь социальной или профессиональной группы, объединённой общими интересами и отличающийся специфической лексикой и фразеологией, часто непонятной для посторонних, как, например, профессиональный жаргон программистов или врачей.
3. Арго — это язык замкнутых социальных групп, часто деклассированных элементов или преступного мира, создаваемый с целью сокрытия смысла высказываний от непосвящённых и характеризующийся специфической лексикой, устойчивыми выражениями, а иногда и особыми грамматическими конструкциями.
4. Отличается от сленга и диалект — территориальная разновидность языка, используемая жителями определённой местности и имеющая фонетические, грамматические и лексические особенности по сравнению с литературным языком.

Молодёжный сленг, пересекаясь с этими понятиями, обладает своей спецификой: он менее замкнут, чем арго, более экспрессивен и изменчив, чем многие профессиональные жаргоны, и не привязан к определённой территории, как диалект[1].

Совокупность дифференциальных признаков, позволяющих отграничить молодёжный сленг от смежных лексических подсистем, включает следующие характеристики:

1. Ненормативность — систематическое отклонение от кодифицированных норм литературного языка на лексическом, морфологическом, синтаксическом и фонетическом уровнях. Ненормативность является не побочным свойством, а конститутивным признаком сленга: сознательный выход за пределы нормы обеспечивает ему статус альтернативного языкового кода.
2. Экспрессивность — повышенная эмоционально-оценочная насыщенность сленговых единиц по сравнению с их литературными эквивалентами. Экспрессивность реализуется через фонетическую игру, экспрессивные аффиксы, семантическое переосмысление нейтральной лексики, а также через намеренное снижение или, напротив, ироническое повышение стилистического регистра.
3. Изменчивость (высокая лабильность лексического состава) — ускоренная ротация единиц: сленговая лексема, как правило, функционирует в течение ограниченного временного интервала (от нескольких месяцев до нескольких лет), после чего либо переходит в разрядобщеупотребительной, либо устаревает и вытесняется новой номинацией. Данная характеристика отличает сленг от более устойчивых профессиональных жаргонов и арго.
4. Социальная маркированность — выполнение функции группового идентификатора по модели «свой-чужой». Владение актуальным сленговым репертуаром выступает маркером принадлежности к молодёжной субкультуре и одновременно механизмом социальной стратификации внутри самой группы[2].

Источники формирования сленга можно разделить на внутренние ресурсы языка и внешние заимствования.

К внутренним ресурсам относятся:

1. Метафоризация и метонимия (семантическая деривация) — метафорическое и метонимическое переосмысление единиц литературного языка без изменения их формальной оболочки (например, тормоз — «медлительный человек», грузить — «утомлять излишней информацией», крыша — «прикрытие для нелегальной организации», «ментальный баланс»);

[1] Григорова Н. В. Жаргон, арго и сленг: проблемы разграничения // Молодой учёный. 2021. № 38 (380). С. 60–62. URL: https://moluch.ru/archive/380/84069. (дата обращения: 13.10.2025).

[2] Косякова Я. С., Мазовка А. Особенности современного молодёжного сленга // Молодой учёный. 2017. № 22.1 (156.1). С. 14–16. URL: https://moluch.ru/archive/156/44304/ (дата обращения: 13.10.2025).

2. Морфологическое словообразование по продуктивным моделям русского языка: суффиксация (тошнотик, выпендрежник, депрессняк, шикардос, хайпануть, кринжовать), префиксация (забитъ — «перестать обращать внимание»), усечение (физра, общага, препод, чел, инфа), аббревиация (мб, НГ, ОМГ, ИМХО, ДР) и телескопия (копец, трындец).

К экзогенным источникам относятся:

1. Прямые и адаптированные заимствования из английского языка, составляющие основной объём внешнего притока (изи — easy; хейтер — hater; рофл — ROFL; кринж — cringe). Адаптация проявляется в присоединении русских аффиксов (хейт-ить, кринжовый) и в фонографической русификации.
2. Опосредованные заимствования из других языков, проникающие через каналы массовой культуры: из японского — через аниме и мангу (тян –«девушка», кун — «парень», ванилла — «обычный»); из корейского — через k-pop-дискурс (биос — «любимый участник группы»),
3. Интерсубкультурный трансфер — заимствование единиц из смежных социолектов: криминального арго (забить стрелку, разборка, вписка), геймерского жаргона (агрить, лут, нуб), профессиональных жаргонов.

При изучении сленга в данной работе мы опирались на методологические подходы, выработанные предыдущими исследователями [6; 13], которые позволяют рассмотреть сленг как социальное, так и культурологическое отражение культурных ценностей молодёжной субкультуры явление.

Основная часть

Рассматривая эволюцию молодёжного сленга в России, следует начать с советского периода. Социокультурный контекст этой эпохи характеризовался достаточножестким идеологическим контролем, в том числе и над языковой сферой. Официальный язык был строго нормирован, а сленг часто воспринимался как проявление чуждой идеологии. Тем не менее он существовал и развивался, хотя и в иногда в завуалированных формах. В советский период сленг формировался как естественный механизм возрастной и субкультурной идентификации.

Можно заметить, что развитие молодёжного сленга связано с социальными преобразованиями в стране [16]. Источники советского молодёжного сленга были разнообразны. В определённые периоды, особенно послевоенные, наблюдалось проникновение элементов уголовного жаргона (арго), что было связано с амнистиями и определённой романтизацией «блатной» культуры; выражение «по фене ботать» (говорить на воровском жаргоне) стало известно и за пределами криминальной среды. Советское общество, особенно начиная с Фестиваля молодёжи и студентов 1957 года, было достаточно активно интегрировано в глобальные культурные процессы, что закономерно отражалось в языке молодого поколения. Несмотря на т.н. «железный занавес», заимствования из иностранных языков, в основном английского, проникали через музыку и фильмы, часто адаптируясь фонетически и морфологически. Кроме того, молодёжь активно создавала собственные неологизмы на базе русского языка. Примерами лексики того периода могут служить лексемы «чувак» (неформальное обращение), «клёвый» (отличный, модный), «хаер» (от англ. *hair* — длинные волосы), «сейшн» (от англ. *session* — музыкальное выступление), а также «фарца» (фарцовка) (незаконная перепродажа дефицитных товаров) и «фарцовщик»[1].

Важную роль в создании сленга играли молодёжные субкультуры, такие как:

1. Стиляги (конец 1940-х — начало 1960-х гг.) — массовая молодёжная субкультура послевоенного СССР, ориентированная на западную (преимущественно американскую) музыку, моду и образ жизни. Их сленг характеризовался обилием англицизмов, подвергшихся фонетической и морфологической адаптации: шузы (shoes — туфли), хата (квартира для танцев), чувиха (девушка), олдовый (старомодный, от *old*).
2. Хиппи (конец 1960-х — 1970-е гг.) — субкультура, впитавшая пацифистскую идеологию, интерес к рок-музыке, восточной философии и коммунальному образу жизни. В их сленге усилилась доля англицизмов, связанных с музыкальной и наркотической тематикой: сейшн (*session* — музыкальное выступление), флэт (*flat* — квартира для неформальных встреч), герла (*girl* — девушка), хайратник (повязка на лоб от англ. *hair*). Характерной чертой являлось также использование уменьшительно-ласкательных суффиксов как маркера «мягкого», ненасильственного отношения к миру.

[1] Молодёжный сленг времён СССР. URL: https://pikabu.ru/story/molodyozhnyiy_sleng_vremen_sssr_2433521 (дата обращения: 13.10.2025).

3. Влияние эстетики бит-поколения, проникавшей в СССР через тексты Дж. Керуака, А. Гинзберга, У. Берроуза, проявлялось не столько в прямых заимствованиях, сколько в формировании установки на спонтанность, импровизационность речи и намеренный разрыв с «правильным» литературным языком.

Функционально сленг в советском обществе служил средством протеста и самовыражения, а также идентификации «своих». Распространялся он преимущественно устно, через андеграундную культуру. Общей закономерностью для перечисленных субкультур является то, что сленг формировался как механизм двойной идентификации: вертикальной (отделение от старшего поколения и официальной культуры) и горизонтальной (сплочение внутри группы, распознавание «своих»). Источниками пополнения лексического состава служили три канала: заимствование из английского языка (преимущественно через музыку и кино), переосмысление единиц русского литературного языка и проникновение элементов уголовного арго, что было обусловлено массовыми амнистиями послевоенного периода и последующей романтизацией «блатной» культуры в определённых слоях молодёжи. Распространение сленга осуществлялось исключительно устным путём — через андеграундные концерты, неформальные встречи и личные контакты, что замедляло его диффузию, но одновременно усиливало функцию групповой закрытости.

Кардинальные изменения в обществе после распада СССР в 1991 году привели к трансформации молодёжного сленга в постсоветский период (1990-е и 2000-е годы). Открытие границ, свободный доступ к западной культуре (музыка MTV, кино, мода) и новые социально-экономические реалии оказали огромное влияние на язык молодёжи. Произошло резкое увеличение англицизмов, многие из которых вошли в обиход без существенной адаптации: «пати» (от англ. *party* — вечеринка), «герла» (от англ. *girl* — девушка), «фейс» (от англ. *face* — лицо, часто в контексте «фейс-контроль»), «кэш» (от англ. *cash* — наличные деньги). Одновременно «лихие 90-е» с их ростом преступности способствовали влиянию криминальной субкультуры на сленг, породив такие слова, как «братки» (члены преступных группировок или близкие друзья) и выражения типа «забить стрелку» (назначить встречу для выяснения отношений), «разборки» (выяснение отношений).

Возникшая возможность манипуляции общественным сознанием через средства массовой информации привела к размещению в сети Интернет информации, возбуждающей ненависть либо вражду, унижающей человеческое достоинство, призывающей к осуществлению экстремистской деятельности. Именно молодёжь, в том числе несовершеннолетние, в наибольшей степени подвержены влиянию материалов сети Интернет и СМИ, активно вовлекаются в деятельность экстремистских и террористических сообществ и организаций [11].

Молодёжный сленг стал отражать и проявление скрытой ксенофобии — ненависти, неприязни человека к людям иной культуры, путём высказывания по отношению к инородцам (например: «чурка», «чурбаны»). Негативным результатом этого периода также стал состав сленга, отражающий опасный и весьма тревожный факт распространения наркомании, прежде всего среди молодёжи, представленный в десятках слов и выражений (например: «герыч», «белый», «красный», «трава» и др.). Развитие рыночной экономики привело к появлению бизнес-сленга, частично проникавшего и в молодёжную речь. Среди других характерных слов того периода можно назвать «прикид» (одежда), «облом» (неудача), «тусовка» (компания, вечеринка)[1].

Таким образом, в отличие от советского, постсоветский сленг распространялся значительно быстрее и шире благодаря новым СМИ и раннему интернету, был менее «закрытым» и более публичным. Отсутствие необходимости культурного общения в повседневности и сети Интернет стали одной из причин широкого распространения жаргонной лексики среди молодёжи нашей страны, как противоречивое явление, имеющее как положительную, так и негативную сторону.

Современный этап развития молодёжного сленга неразрывно связан с цифровой эпохой и глобализацией. Интернет стал основной платформой для его формирования и распространения. Социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры и стриминговые платформы являются не просто каналами, но и средой генерации нового сленга. Особенности онлайн-коммуникации, такие как краткость и скорость, влияют на его форму и содержание, а мемы и популярные

[1] Как говорили в 2000-х? Сленг, который мы потеряли. URL: https://uznayvse.ru/interesting-facts/kak-my-govorili-v-2000-h-sleng-kotoryy-my-poteryali.html (дата обращения: 13.10.2025).

фразы блогеров могут мгновенно становиться вирусными. Основными источниками современных интернет-неологизмов по-прежнему остаются англоязычные заимствования, как прямые, так и адаптированные. Примерами могут служить: «рофл» (от англ. ROFL — сильный смех, шутка), «краш» (от англ. *crush* — человек, в которого тайно влюблены), «кринж» (от англ. *cringe* — чувство «испанского стыда»), «чилл» / «чиллить» (от англ. *chill* — расслабляться), «войс» (от англ. *voicemessage* — голосовое сообщение), «рандом»/«рандомный» (от англ. *random* — случайный), «делулу» (от англ. *delusional* — тешащий себя иллюзиями человек)[1].

Мощным генератором сленга, выходящего за пределы геймерского сообщества, является лексика из онлайн-игр и киберспорта «агрить» (от англ. *aggression* — провоцировать на агрессию), «лут» (от англ. *loot* — добыча в игре), «нуб» (от англ. *newbie, noob* — новичок). Сленг, связанный с мемами и вирусным контентом, также активно пополняет лексикон молодёжи. При этом русский язык продолжает быть основой для собственных инноваций и словообразования, часто с использованием игровых аффиксов или путём переосмысления существующих слов: «душнить» (быть нудным), «байтить» (от англ. *bait* — провоцировать), «шипперить» (от англ. *relationship-ship* — представлять романтические отношения между персонажами или людьми).

Особенностью функционирования современного сленга является мультимодальность, то есть в наши дни сленг можно найти не только в текстовой, но и в аудио-и видеоформах. Высокая скорость устаревания некоторых единиц, глобализация и интернационализация (многие англоязычные выражения становятся международными) и его воздействие на нормы литературного языка, когда отдельные сленгизмы постепенно проникают в общеупотребительную лексику, заставляют исследователей по-новому взглянуть на динамику языковых норм. Рассмотренные примеры показывают доминирование англицизмов, тесную связь с цифровой средой, высокую экспрессивность и оценочность, краткость и постоянное стремление к новизне.

[1] Как понять зумеров? 50 выражений, которыми пользуется молодое поколение. URL: https://dzen.ru/a/Y90GlFeUuQp18By3 (дата обращения: 13.10.2025).

Выводы

Молодёжный сленг представляет собой функционально обусловленную лексическую подсистему, занимающую промежуточное положение между литературной нормой и маргинальными формами речи. Его конститутивным признаком является сознательная маркированность групповой принадлежности, реализующаяся через механизм идентификации «свой/чужой».

Эволюция молодёжного сленга в русском языке детерминирована экстралингвистическими факторами. Сленг прошёл путь от подпольного языка советских стиляг, выражавшего тихий протест, через бурный наплыв англицизмов и криминальной лексики в постсоветский период к современной интернет-эпохе, где формируется и распространяется с невиданной скоростью, стирая географические границы и активно влияя на общеязыковые процессы. Смена парадигм существования сленга — от устной передачи в замкнутых группах к мгновенной вирусной дистрибуции в цифровой среде — влечёт качественные изменения в темпах ротации лексем и широте охвата аудитории.

На современном этапе основным источником пополнения сленга являются англоязычные заимствования, подверженные морфологической и фонетической адаптации средствами русской словообразовательной системы. Вместе с тем внутренние ресурсы языка (метафоризация, метонимия, окказиональное словообразование) сохраняют продуктивность и обеспечивают самодостаточность сленга как креативной подсистемы. Проникновение отдельных сленгизмов в общеупотребительную лексику свидетельствует о том, что сленг выступает одним из механизмов лексического обновления литературного языка.

Признавая закономерность существования молодёжного сленга как лингвосоциокультурного феномена в русском языке, мы должны отметить, что это — противоречивое явление, имеющее в процессе функционирования как положительные, так и отрицательные характеристики. С социолингвистической точки зрения сленг является следствием социальной дифференциации языка; с точки зрения социокультурной динамики — индикатором ценностных трансформаций молодёжного сознания. Научная задача состоит в системном описании данного явления и фиксации закономерностей его функционирования.

Список источников

1. Бадретдинова А. М., Сулейманова Л. Р. Речевое поведение молодёжи в социальной сети «ВКонтакте» на основе материала русского языка // Неделя науки — 2023 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Сибай, 6–7 апреля 2023 г.). Сибай: Сибайский институт (филиал) УУНиТ, 2023. С. 25–27.

2. Библиева О. В. Молодёжный сленг как форма репрезентации молодёжной культуры в средствах массовой информации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 62–65.

3. Борисова-Лукашанец Е. Г. Современный молодёжный жаргон // Русская речь. 1980. № 5. С. 51–54.

4. Гальперин И. Р. О термине слэнг // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 107–114.

5. Гареева Л. М. Современный молодёжный сленг: его источники и разновидности // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9 (111). Часть 3. С. 129–131.

6. Мизюрина Т. В. Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 106–111.

7. Орлова Н. О., Богданова О. Ю. Функциональное назначение сленга // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Лингвистика. 2021. Т. 21. № 6. С. 98–104.

8. Помигуева Е.А. О влиянии современной культуры на язык молодёжи // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 89–96.

9. Рубцова Е. А. Молодёжный сленг как противоречивое явление в современной лингвистике // Вестник РУДН. 2009. № 1. С. 19–25.

10. Руденко М. Ю. Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). С. 127–134.

11. Сулейманов Ф. М., ТактаеваЗ. Р. О причинах возникновения ксенофобии и путях её преодоления // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 83–85.

12. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского языка. Вологда : Областная типография, 1971. 103 с.

13. Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1980. 168 с.

14. Худайбердина Э. А. Русский язык как способ существования культуры // Неделя науки — 2025 : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Сибай, 17–18 апреля 2025 г.). Сибай : Сибайский ин-т (филиал) УУНиТ, 2025. С. 124–126.

15. Цибизова О. В. Современный молодёжный жаргон: проблемы лексикографического описания: автореф. дис. … канд. филол. наук. Архангельск, 2006. 22 с.

16. Шагибалова Г. И., Сулейманова Л. Р. К изучению «чистоты» русского языка: молодёжный сленг // Неделя науки — 2023 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Сибай, 6–7 апреля 2023 г.). Сибай : Сибайский ин-т (филиал) УУНиТ, 2023. С. 177–179.

17. Ягудина А. Р., Сулейманова Л. Р. Жаргонная лексика в современных СМИ // Неделя науки — 2025 : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Сибай, 17–18 апреля 2025 г.). Сибай : Сибайский ин-т (филиал) УУНиТ, 2025. С. 132–134.

18. Ягудина А. Р., Сулейманова Л. Р. Словообразовательные особенности жаргонизма в студенческой сфере // Неделя науки — 2023 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Сибай, 6–7 апреля 2023 г.). Сибай : Сибайский ин-т (филиал) УУНиТ, 2023. С. 180–182.

References

1. Badretdinova AM, Sulejmanova LR. Speech behavior of youth in the social network “VKontakte” based on Russian language material. In: Nedelya nauki — 2023 = Science Week — 2023. Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Sibay, April 6–7, 2023. Sibay: Sibay Institute (branch) USNTU; 2023. Pp. 25-27. (In Russ.).

2. Biblieva OV. Youth slang as a form of representation of youth culture in mass media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2007;(304):62-65. (In Russ.).

3. Borisova-Lukashanets EG. Modern youth jargon. *Russkaya rech' = Russian Speech*. 1980(5):51-54. (In Russ.).

4. Galperin IR. On the term slang. *Voprosy yazykoznaniya = Issues of Linguistics.* 1956;(6):107-114. (In Russ.).

5. Gareeva LM. Modern Youth Slang: Its Sources and Varieties. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal*. 2021;(9(111):129-131. (In Russ.).

6. Mizurina TV. Definition and General Characteristics of the Concept of 'Slang', its Role in the Language and Culture of Modern Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013;(1(292):106-111. (In Russ.).

7. Orlova NO, Bogdanova OYu. Functional Purpose of Slang. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Lingvistika = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Linguistics.* 2021;21(6):98-104. (In Russ.).

8. Pomiguyeva EA. On the Influence of Modern Culture on Youth Language. *Kul'tura i civilizaciya = Culture and Civilization*. 2017;7(5A):89-96. (In Russ.).

9. Rubtsova EA. Youth Slang as a Contradictory Phenomenon in Modern Linguistics. *Vestnik RUDN = Bulletin of RUDN*. 2009;(1):19-25. (In Russ.).

10. Rudenko MYu. Research on argot, jargon, and slang: issues of terminology. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 2016;(5(59):127-134. (In Russ.).

11. Suleymanov FM, Taktaeva ZR. On the Causes of Xenophobia and Ways to Overcome It. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal.* 2021;(1(152):83-85. (In Russ.).

12. Khomyakov VA. Vvedeniye v izucheniye slenga — osnovnogo komponenta angliyskogo yazyka Introduction to the Study of Slang — a Core Component of the English Language. Vologda: Regional Printing House; 1971. 103 p. (In Russ.).

13. Khomyakov VA. Nestandartnaya leksika v strukture angliyskogo yazyka natsional'nogo perioda = Nonstandard Lexis in the Structure of English of the National Period: Abstract of tesis. Leningrad; 1980. 168 pp. (In Russ.).

14. Hudajberdina EA. Russian language as a way of existence of culture. In: Nedelya nauki — 2025 = Science Week — 2025: Materials of the All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference, Sibay, April 17–18, 2025. Sibai: Sibai Institute (branch) of UUNiT; 2025. Pp. 124-126. (In Russ.).

15. Tsibizova OV. Sovremennyy molodozhnyy zhargon: problemy leksikograficheskogo opisaniya = Modern Youth Slang: Problems of Lexicographical Description. Abstract of tesis. Arkhangelsk; 2006. 22 p. (In Russ.).

16. Shagibalova GI, Sulejmanova LR. On the Study of the "Purity" of the Russian Language: Youth Slang. In: Nedelya nauki — 2023 = Science Week — 2023. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Sibay, April 6–7, 2023. Sibay: Sibay Institute (branch) of USNTU; 2023. Pp. 177-179. (In Russ.).

17. Yagudina AR, Sulejmanova LR. Jargon Lexicon in Modern Media. In: Nedelya nauki — 2025 = Science Week — 2025. Materials of the All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference, Sibay, April 17–18, 2025. Sibay: Sibay Institute (branch) of UUST; 2025. Pp. 132–134. (In Russ.).

18. Yagudina AR, Sulejmanova LR. Word-Formation Peculiarities of Jargon in the Student Sphere. Nedelya nauki — 2023 = Science Week — 2023. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Sibay, April 6–7, 2023. Sibay: Sibay Institute (branch) of UUST; 2023. Pp. 180-182. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. Р. Сулейманова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии.

Э. М. Тимошкина — студентка педагогического факультета.

Ф. М. Сулейманов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Information about the authors

L. R. Suleymanova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology.

E. M. Timoshkina — student of the Faculty of Education.

F. M. Suleymanov — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 03.03.2026; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 14.03.2026; approved after reviewing 03.03.2026; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 141–147.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):141-147.

Научная статья

УДК: 81’1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-141-147

КЛЮЧЕВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Алла Викторовна Большак[1], Карина Сергеевна Волошина[2]

[1]Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, al.bolshak@mail.ru

[2]Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, ksvoloshina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты переводческого анализа текстов профессиональной направленности. Авторы предприняли попытку описания основных параметров данной процедуры, проследив на конкретном примере, а именно русскоязычном тексте, отражающем специфику архитектурно-строительной отрасли, логическую цепочку умозаключений в отношении решений, которые переводчик принимает непосредственно во время выполнения задания. Данный вид работы представляет собой сложный, трудоёмкий и многоплановый процесс, который затрагивает как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Общее представление о языковой репрезентации информации, содержащейся в такого рода источниках, мы получаем в ходе выполнения предпереводческого анализа, однако более глубокое понимание этих характеристик приходит к нам уже непосредственно на стадии перевода. На этом этапе необходимо учитывать: 1) лексико-семантическую сочетаемость слов в ПЯ; 2) функции грамматических категорий в пределах рассматриваемого сегмента в ИТ и возможные способы передачи значений этих слов в ПТ; 3) синтаксические нормы при оформлении высказываний в ПЯ; 4) жанрово-стилистические особенности ИТ и технологии их воссоздания в ПТ. Также переводчик должен владеть узкоспециальными знаниями касательно описываемой в ИТ сферы деятельности и быть готовым в случае необходимости проводить дополнительные исследования для чёткого представления о различных нюансах текстового контента. При соблюдении этих принципов переводчик всегда сможет сделать правильные выводы относительно механизма воспроизведения смысловой нагрузки той или иной единицы перевода, определив, в каких случаях возможен прямой перевод, а в каких — только с помощью определённых модификаций. Результаты исследования показали, что чаще всего при переводе профессионально ориентированной литературы переводчик прибегает к таким контекстуальным заменам, как конкретизация (что обусловлено наличием в таких источниках большого количества терминов), смысловое развитие, опущение, добавление, а также различным структурным трансформациям, посредством которых достигается читабельная версия переводного текста.

Ключевые слова: исходный текст (ИТ), переводной текст (ПТ), единица перевода, стратегия перевода, термин, контекстуальная замена, модификация

Для цитирования: Большак А. В., Волошина К. С. Ключевые параметры переводческого анализа профессионально ориентированных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 141–147. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-141-147

© Большак А. В., Волошина К. С., 2026

Original article

KEY PARAMETERS OF TRANSLATION ANALYSIS OF PROFESSIONAL TEXTS

Alla V. Bolshak[1], Karina S. Voloshina[2]

[1] Kuban State University, Krasnodar, Russia, al.bolshak@mail.ru
2 Kuban State University, Krasnodar, Russia, ksvoloshina@gmail.com

Abstract. The article touches upon the main aspects of translation analysis of professional texts. The authors attempted to describe the key parameters of this procedure based on translation analysis of a Russian text devoted to architecture and construction. The logic of the translator's ideas concerning this or that translation solution is examined in detail. It is a complex, time consuming and multi-faceted process that affects both linguistic and extralinguistic factors. Pre-translation analysis gives us the insight into the language features of this type of texts but a deeper understanding of these characteristics comes to us only in the process of translation. At this stage it is necessary to take into account: 1) lexical-semantic collocability of words in the TL; 2) the functions of grammatical categories within the considered segment in the ST and possible ways of their translation in the TT; 3) the syntactic norms used to formulate TL utterances; 4) genre-stylistic peculiarities of the ST and the approaches to convey their meaning in the TT. The translator must also possess specialized knowledge regarding the field of activity described in the ST and in case of need be ready to conduct additional research to comprehend the various nuances of the text content. By following these rules, the translator will always be able to draw the right conclusion as to the way of conveying the semantic load of a particular unit of translation and decide when direct translation is possible, and when he has to employ certain modifications. The results of the study showed that most often, when translating professional literature, the translator resorts to such contextual replacements as specification (which is explained by the abundance of terms in such sources), modulation, omission, addition, as well as various structural transformations, by means of which a readable version of the TT is achieved.

Keywords: source text (ST), translation text (TT), unit of translation, translation strategy, term, contextual replacement, modification

For citation: Bolshak AV, Voloshina KS. Key parameters of translation analysis of professional texts. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):141-147. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-141-147

Введение

Переводческий анализ текста профессиональной направленности — это не просто процесс воспроизведения оригинала на иностранном языке, это ещё и глубокое лингвистическое исследование, отражающее закономерности функционирования языка как средства реализации речевой коммуникации [12, с. 97] в рамках конкретной специальности. А поскольку деятельность переводчика не допускает какого-либо недопонимания [3, с. 174], для выработки полноценной стратегии перевода указанной категории текстов также важно учитывать и внеязыковую действительность, на фоне которой подаётся узкоспециальная информация. В статье авторы предприняли попытку описания основных параметров данной процедуры, проследив на конкретном примере логическую цепочку умозаключений в отношении переводческих решений, которые принимаются непосредственно на этапе выполнения перевода.

Актуальность темы исследования заключается в том, что сегодня наиболее востребованными ресурсами для перевода иноязычных материалов на целевой язык являются различные онлайн переводчики. Однако они не всегда гарантируют достоверную передачу содержания ИТ и грамотное языковое оформление ПТ. Это может повлечь за собой отрицательные последствия с точки зрения оценки получившегося в результате перевода текста его реципиентом [9, с. 173], поскольку он принадлежит к иному языковому сообществу и, соответственно, имеет отличную от автора ИТ картину мира [14, с. 178]. Адекватный перевод достигается с помощью системного подхода к выполнению задания, который заключается в детальном рассмотрении языковых особенностей наиболее сложных единиц перевода, а также умении самого переводчика сделать правильный выбор их соответствий в ПЯ с сохранением всех характеристик текста оригинала [2, с. 22]. По сути, это аналитическая деятельность [8, с. 753], которая фокусируется на сохранении единства формы и содержания подлинника в ПЯ [11, с. 104].

Цель работы состоит в изучении и описании факторов, влияющих на реализацию микростратегии перевода специализированного текста. Для этого нужно было решить следующие задачи: 1) выбрать тематику публикаций, переводческий анализ которых лёг бы в основу исследования; 2) выполнить их перевод, параллельно фиксируя те позиции, которые помогли бы дать

чёткое представление об алгоритме действий переводчика. Для достижения поставленной цели и решения указанных задач применялись такие методы, как наблюдение, дедукция, а также сравнительно-сопоставительный анализ. В качестве материала для исследования использовались русскоязычные и англоязычные тексты, отражающие специфику деятельности в области архитектуры и строительства (всего за год нами было обработано таким образом порядка 30 текстов).

Обсуждение и результаты

Определённое представление о языковой репрезентации информации, содержащейся в профессионально ориентированном тексте, мы получаем в ходе выполнения предпереводческого анализа [4, с. 72], однако более глубокое понимание его характерных особенностей приходит к нам уже непосредственно в процессе перевода [15]. На этом этапе необходимо учитывать: 1) лексико-семантическую сочетаемость слов в ПЯ; 2) функции грамматических категорий в пределах рассматриваемого сегмента в ИТ и возможные способы передачи значений этих слов в ПТ; 3) синтаксические нормы при оформлении высказываний в ПЯ; 4) жанрово-стилистические особенности ИТ и технологии их воссоздания в ПТ.

Для подтверждения представленных положений приведём пример переводческого анализа фрагмента статьи «На страже комфорта — шумоизоляция, энергоэффективность, инсоляция», опубликованной в Строительной газете 04.12.2024[1]. Контроль качества перевода как неотъемлемая составляющая процесса преобразования ИТ на ПЯ [1, с. 340] был осуществлён носителем языка, имеющим квалификацию архитектора.

Исходный текст

Квартиры с чистовой отделкой (1) застройщики должны сдавать с готовой шумоизоляцией (2). Сейчас жилые комплексы строятся преимущественно по монолитной технологии (3). Она подразумевает (4) долговечность и надёжность зданий (5), но несовершенна в отношении шумоизоляции. Армирование и цельная структура плит перекрытия и межквартирных перегородок монолитных домов способствуют быстрой передаче ударных волн (6) [топот, звуки инструментов (7)]. Но если девелопер не экономит на толщине стен, то проблема сходит на нет (8). Оптимальная отделка от застройщика включает классическую бетонную стяжку пола, крепление потолка на виброподвесах, облицовку стен гипсоволокнистыми листами.

В домах без ремонта (9) от девелопера собственники устанавливают шумоизоляцию самостоятельно. При этом они защищают от шума в первую очередь не себя, а соседей (10) И (11) всегда остаётся риск того, что остальные жители сэкономят на шумоизоляции (12). Поэтому квартиры с отделкой от застройщика — лучший выбор для тех, кто ценит тишину (13).

Переводная версия

Developers must hand over *apartments in a finished state* (1) *with complete soundproofing* (2). Now residential complexes are built exclusively using *reinforced concrete* (3). *It results in the creation of* (4) a *resilient building* (5), but is imperfect in terms of soundproofing. The reinforced and solid nature of cast concrete floors and walls of the building allow for easy transmission of *vibrations* (6), such as from stomping, *tools or musical instruments* (7). If the developer does not save costs on wall thickness, then *this issue can be minimized* (8). The ideal finish from a developer would include a classic concrete floor screed, ceiling fittings on anti-vibration hangers and wall cladding with gypsum fiber boards.

In homes without a proper finish (9) from a developer, the owners will have to soundproof their apartments themselves. *This acoustic insulation is intended to protect their own interior, but it ends up benefiting the adjacent units more* (10). *However* (11), there is always a risk that other residents *may not invest in sufficient soundproofing* (12). Therefore, the apartment with a proper finish from the developer is the ideal choice for those who *value peace and quiet* (13).

Переводческий анализ текста

(1) Словарное соответствие термина чистовая отделка — *final finishing*, но в данном случае дословный перевод *with final finishing* не уместен, поскольку предлог с скорее указывает не на обладание чем-либо, а на состояние описываемого объекта. По этой причине имеет смысл использовать контекстуальную замену, а именно, смысловое развитие, перефразировав первую часть предложения как *apartments in a finished state*.

(2) Прилагательное готовый имеет следующие английские вариантные соответствия: *ready*, *prepared*, *ready-made*. Но учитывая, что в этом контексте данная лексическая единица

[1] На страже комфорта — шумоизоляция, энергоэффективность, инсоляция. URL: https://stroygaz.ru/publication/dwelling/na-strazhe-komforta-shumoizolyatsiya-energoeffektivnost-insolyatsiya/ (дата обращения 08.07.2025).

обозначает завершённость, а не готовность к каким-либо действиям или наличие готового изделия, логично перевести её прилагательным *complete*.

(3) Словосочетание монолитная технология можно перевести как *reinforced concrete* и *cast-in-situ concrete*, причём второй вариант считается более узкоспециализированным. Но ввиду того, что ИТ представляет собой газетную статью, адресованную как представителям строительной отрасли, так и широкому кругу читателей, более предпочтительным является первый вариант.

(4) Перевод фразы *она подразумевает* как *itimplies* неуместен, поскольку речь идёт не о понимании или трактовке идеи, а об особенностях описываемого метода возведения зданий. На основании этого мы использовали приём смыслового развития, перефразировав начало предложения следующим образом: *It results in the creation of.*

(5) Учитывая особенности современных технологий строительства, одним из требований которых является сейсмоустойчивость конструкций, словосочетание *долговечность* и *надёжность* зданий было переведено термином *resilient buildings*, который, в том числе, включает в себя и указанные выше характеристики (*resilient — износостойкий, упругий, эластичный, то есть, устойчивый к отрицательным воздействиям внешней среды*). В связи с этим интересен тот факт, что термин *resilience* в значении «устойчивость» ввёл в обиход в XIX веке английский инженер Том Тредголд, упомянув его в своей книге “Elementary principles of carpentry”[1], но в тот период он использовал его для описания свойств прочности строительной древесины.

(6) Термин *ударная волн*а переведён посредством конкретизации. Его словарные соответствия — *airblast*, *aerialshock* и *shockwave* — не подходят по причине того, что они предполагают более мощный поток воздуха, нежели тот, который формируется в результате топота или использования инструментов. А так как в этом контексте акцент делается на распространении звука, то будет правильнее использовать существительное *vibrations*.

(7) Во избежание семантической избыточности, в английской версии словосочетания *звуки инструментов* целесообразно опустить существительное *звуки*, поскольку это явление уже заложено в значение термина *vibrations*. В то же время существительное *инструменты* требует конкретизации, сопровождаемой добавлением. Русское слово *инструмент* и английское *instrument* являются полными эквивалентами, когда обозначают устройство для воспроизведения музыки. Второе же значение данной лексической единицы — орудие для производства каких-либо работ — с точки зрения перевода имеет некоторые нюансы. Английское *instrument* обозначает инструмент, для использования которого не требуется электричество, например, *surgical instruments*. Если же имеется ввиду оборудование для выполнения каких-либо специализированных задач, то в английском языке в этом случае употребляется существительное *tool*. Здесь также важно учитывать экстралингвистический фактор, а именно: 1) поскольку речь идёт об оснащении квартир дополнительными приспособлениями, то вполне вероятно, что автор статьи подразумевал инструменты для ремонта; 2) также не исключено, что он имел ввиду и музыкальные инструменты, звуки которых очень хорошо слышны в многоквартирных домах, особенно в новостройках. С учётом вышеизложенного имеет смысл использовать добавление, конкретизировав значение рассматриваемой лексемы как *tools* и *musical instruments*.

(8) Фразеологизм *сходить на нет* придаёт ИТ определённую выразительность, однако его английское соответствие *come to nothing* не подойдёт вследствие того, что русское выражение относится к пласту нейтральной лексики (*постепенно уменьшаясь, совсем исчезать, утрачивать прежнее значение*[2]), в то время как идиома *cometonothing* имеет отрицательную коннотацию (*not have a successful result*[3]). На этом основании наиболее оптимальной контекстуальной заменой, которую мы сформулировали посредством смыслового развития, будет фраза *this issue can be minimized*. Что касается перевода существительного *проблема*, то здесь выбор между *issue* и *problem* был сделан в пользу первого варианта, поскольку в данном контексте указанная лексическая единица скорее обозначает предмет обсуждения, а не сложности достижения положительного результата.

(9) Перевод начала предложения *В домах без ремонта* сопровождался конкретизацией значений существительных дом и ремонт. В первом случае из двух вариантных соответствий — *house*

[1] Thomas Tredgold. URL: https://alchetron.com/Thomas-Tredgold (accessed 23.07.2025)

[2] Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. и др. Краткий фразеологический словарь русского языка. СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. 271 с.

[3] Oxford idioms. UK. Oxford University Press, 2009. 469 p. P. 67.

и *home* — мы выбрали *home*, поскольку в ИТ концепт *дом* означает недвижимость, а не здание как таковое. Во втором случае ни одно из английских вариантных соответствий слова *ремонт* — *renovation*, *refurbishment* и *repair* — не представляется возможным использовать ввиду того, что все они выражают как минимум обновление уже бывшего в эксплуатации объекта, в то время как в статье речь идёт о квартирах в новых домах. Поэтому мы использовали существительное *finish*, одним из значений которого является *отделка помещения*.

(10) Предложение было переведено с помощью смыслового развития с использованием в перефразированной версии структурной трансформации.

(11) Поскольку союз *и* связывает это сообщение с предшествующим, предопределяя его отрицательную оценку, мы использовали *however*, а не *and*.

(12) Фраза *сэкономят на шумоизоляции* была переведена с помощью смыслового развития: следствие заменили причиной. Глагол *economize* не обеспечил бы эквивалентный перевод в силу того, что он выражает бережное расходование чего-либо, в то время как в этом контексте экономить — значит изначально не вкладывать деньги во что-либо.

(13) Нейтральное существительное *тишина* можно перевести идиомой *peaceandquiet*, используя такую стилистическую трансформацию, как эмфатизация коннотативного компонента исходной языковой единицы.

Исследование показало, что чаще всего при переводе профессионально ориентированной литературы переводчик прибегает к таким контекстуальным заменам, как конкретизация (что обусловлено наличием в таких источниках большого количества терминов), смысловое развитие, опущение, добавление, а также различные структурные трансформации, посредством которых достигается читабельная версия переводного текста. Важнейшим условиями реализации данного процесса являются: творческий подход к выбору переводческих решений [5, с. 240], знание отраслевых особенностей переводимого текста [7, с. 29], а также аналитические способности самого переводчика [10, с. 83]. Именно эти факторы влияют на результативность перевода [6. С. 103] и обеспечивают преодоление специфических языковых трудностей [13, с. 152].

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что переводческий анализ профессионально ориентированных текстов представляет собой сложный, трудоёмкий и многоаспектный процесс, который затрагивает как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Практика показывает, что достижение эквивалентного и адекватного перевода подобных источников возможно лишь при условии: 1) чёткого понимания языковых нюансов исходного и переводного текстов, которые проявляются на лексико-семантическом, грамматическом и синтаксическом уровнях; 2) наличия у переводчика определённых знаний относительно описываемой в ИТ сферы деятельности; 3) его готовности в случае необходимости проводить дополнительные исследования для более полного понимания текстового контента. При соблюдении этих правил переводчик всегда сможет логически объяснить, в каких случаях возможен прямой перевод, а в каких — только с помощью определённых модификаций.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Сорок сороков языков — и одна страна: перевод как средство коммуникации народов России // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2021. Т. 18, № 4. С. 332–346.

2. Аникина О. В., Якименко Е. В. Формирование рецептивной дискурсивной компетенции в процессе обучения переводческому анализу профессионально ориентированного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 20–22.

3. Гавриленко Н. Н. Дискурсивный анализ при переводе профессионально ориентированных текстов // Индустрия перевода. 2013. № 1. С. 171–175.

4. Елизарова Л. В., Кустова О. Ю. Переводческий анализ в изменяющихся условиях профессиональной деятельности // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 2. С. 67–76.

5. Елизарова Л. В., Кустова О. Ю. Культурный компонент как параметр переводческого анализа текста // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2023. Т. 20, № 1. С. 234–241.

6. Ивлева А. Ю. Проблема оценки качества перевода: подходы к решению // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 98–106.

7. Иса Г. И. Актуальные проблемы технического перевода в области строительства и архитектуры // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2014. № 2. С. 21–30.

8. Кафискина О. В., Крыкова И. В. Проблема репрезентативности перевода и транслотологическая классификация текстов // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2017. Т. 14, № 4. С. 750–760.

9. Княжева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 1. С. 170–174.

10. Кодрле С. В. Роль формативного оценивания в развитии навыков самостоятельной работы при формировании иноязычной компетенции// Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации : сб. науч. статей IV Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 79–87.

11. Лазарева О. П. Переводческий анализ — основа качественного перевода (из опыта обучения в неязыковом вузе) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45): в 3-ч. Ч. III. С. 103–106.

12. Павлова Л. П. Язык как средство коммуникации // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 96–98.

13. Пушкина Е. Н. Обучение основам перевода в неязыковом вузе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2021. № 4 (64). С. 151–159.

14. Теремкова О. А. Переводческие стратегии как инструмент транслятологического анализа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 2. С. 177–179.

15. Утебаева Е. Е. Проблема выбора стратегии при переводе научного текста // Приоритетные научные направления теории и практики. 2015. № 19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-strategii-pri-perevode-nauchnogo-teksta/viewer (дата обращения 21.07.2025).

References

1. Alekseeva IS. A multitude of languages — and one country: building up communication among the peoples of Russia through translation. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki=Polylinguality and Transcultural Practices.* 2021;18(4):332-346. (In Russ.).

2. Anikina OV, Jakimenko EV. Formation of receptive discursive competence in the process of teaching translation analysis of a professionally oriented text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Theoretical and practical issues.* 2013;(8(26)2:20-22. (In Russ.).

3. Gavrilenko NN. Discourse analysis in the translation of professionally oriented texts. *Industrija perevoda = Industry of translation.* 2013;(1):171-175. (In Russ.).

4. Elizarova LV, Kustova OJu. Translation text analysis in a changing professional environment. *Vestnik PNIPU. Problemy lingvistiki i pedagogiki = Bulletin of PNIPU. Problems of linguistics and pedagogy.* 2022;(2):67-76. (In Russ.).

5. Elizarova LV, Kustova OJu. Cultural Component as a parameter of translational text analysis. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = The Humanities* a*nd Social Studies in the Far East*. 2023;20(1):234-241. (In Russ.).

6. Ivleva AJu. The problem of translation quality assessment: approaches to solution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie = Science Journal of VolSU. Series 2: Linguistics.* 2018;17(1):98-106. (In Russ.).

7. Isa GI. Technical Translation in the Fields of Architecture and Civil Engineering. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22: Teorija perevoda = Moscow University Bulletin. Series 22: Theory of translation.* 2014;(2):21-30. (In Russ.).

8. Kafiskina OV, Krykova IV. The problem of translation representativeness and the translatalogical classification of texts. *Vestnik RUDN. Serija „Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'". = RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices.* S*eries "Educational issues: languages and specialization".* 2017;14(4):750-760. (In Russ.).

9. Knjazheva EA. Translation analysis of the text and translation quality. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija» = Bulletin of Voronezh State University.* 2012;(1):170-174. (In Russ.).

10. Kodrle SV. The role of formative assessment in the development of independent work skills in the formation of students' foreign language competence. In: Aktual'nye aspekty lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoj kommunikacii. Sbornik nauchnyh statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Current aspects of linguistics, linguodidactics and intercultural communication. Collection of scientific articles. Krasnodar: Kuban State University, 2024. Pp. 79-87. (In Russ.).

11. Lazareva OP. Translation analysis — the basis of quality translation (based on the experience of teaching in a non-linguistic university). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Theoretical and practical issues*. 2015:(3(45):103-106. (In Russ.).

12. Pavlova LP. Language as a means of communication. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kurgan State University.* 2019;(1(52):96-98. (In Russ.).

13. Pushkina EN. Teaching translation norms to students of non-linguistic specialties. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI. Lobachevskogo. Serija "Social'nye nauki" = Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.* 2021;(4(64):151-159. (In Russ.).

14. Teremkova OA. Translation strategies as a tool for translation analysis. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija» = Bulletin of Voronezh State University.* 2012;(2):177-179. (In Russ.).

15. Utebaeva E. E. Problema vybora strategii pri perevode nauchnogo teksta — The problem of choosing a strategy for translation of a scientific text. Prioritetnye nauchnye napravlenija teorii i praktiki = Priority research areas: from theory to practice. 2015, no. 19, available at: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-strategii-pri-perevode-nauchnogo-teksta/viewer (accessed 21.07.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Большак — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

К. С. Волошина — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере.

Information about the authors

A. V. Bolshak — Cand Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Professional English.

K. S. Voloshina — Cand Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Professional English.

Статья поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 148–155.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(7(513):148-155.

Научная статья

УДК 81’33:[323.264+316.485.22]

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-148-155

О РОЛИ ГЛАГОЛОВ ПРЕДЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В КВАЛИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Татьяна Ивановна Краснянская[1*], Кристина Валерьевна Пермякова[2], Лариса Сергеевна Тихомирова[3]

[1] Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия, kti34@rambler.ru, 0009-0007-2354-3357

[2] Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия, kpuctu@rambler.ru, 0000-0001-6066-1300

[3] Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, tikhomirova.lar@yandex.ru, 0000-0003-3068-2770

Аннотация. Статья посвящена анализу речевого акта призыва как косвенного речевого произведения. Актуальность работы обусловлена фактами использования фиксированной словесной конструкции «хватит с нас» участниками одиночных пикетов, при этом ни в юридической, ни лингвистической литературе данная конструкция не упоминается. Цель работы заключается в лингвистическом обосновании фиксированной вербальной конструкции «хватит с нас» как потенциального способа воздействия на массовое сознание слушающих в рамках общественно-политической коммуникации. В задачи исследования входит характеристика лингвистических особенностей конструкции и определение её места в классификации речевых актов. В статье приводится также юридическая точка зрения на понятие разжигания национальной розни. В ходе исследования рассматриваются особенности понятий «призыв к действию» и «побуждение» и их соотношение. Семантическая структура высказывания определяется как трехчленная, релевантыми признаками для которой являются предмет, отношение и цель высказывания. Делается акцент на том, что рассматриваемая словесная конструкция содержит глагол «хватать», который относится к категории состояния, а не действия, ввиду чего конструкцию «хватит с нас» нельзя отнести собственно к призыву. В соответствии с параметрами модели определён тип речевого произведения как речевого акта — воззвания, дана его типология. В качестве метода исследования применяется метод параметрического моделирования высказывания, предусматривающий процедуру экспертной оценки речевого произведения на экстремизм. Ввиду отсутствия обязательных компонентов, характерных для речевого акта призыва, делается вывод о том, что с юридической точки зрения высказывание представляет собой слабовыраженный, косвенный призыв. Тем не менее при внешне неуязвимой форме словесной конструкции, конструкция содержит потенциальное побудительное воздействие на адресата речи.

Ключевые слова: косвенный призыв, разжигание розни, побуждение, перформатив, импликация, судебная лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Краснянская Т. И., Пермякова К. В., Тихомирова Л. С. О роли глаголов предельных состояний в квалификации экстремистских высказываний // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 7 (513). С. 148–155. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-148-155

© Краснянская Т. И., Пермякова К. В.,
Тихомирова Л. С., 2026

Original article

ON THE ISSUE OF THE VERBS WITH UTTERMOST STATE IN THE QUALIFICATION OF EXTREMIST STATEMENTS

Tatyana I. Krasnyanskaya[1*], Kristina V. Permyakova[2], Larisa S. Tikhomirova[3]

[1] Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, kti34@rambler.ru, 0009-0007-2354-3357
[2] Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, kpuctu@rambler.ru, 0000-0001-6066-1300
[3] Perm State National Research University, Perm, Russia, tikhomirova.lar@yandex.ru, 0000-0003-3068-2770

Abstract. The article deals with the speech act of appeal as an indirect form of speech. It is noted that the participants of solo pickets use the fixed verbal construction "enough with us", although this construction is not mentioned in either legal or linguistic literature, which makes the object of study relevant. The aim of this paper is to provide the linguistic justification for the fixed verbal construction "enough with us" as a potential mean of influencing the mass consciousness of listeners within the framework of socio-political communication. The purpose of this study is to examine linguistic forms and determine its place in the classification of speech acts. The article also provides a legal perspective on the issue of inciting ethnic hatred. The research deals with the concepts of "call to action" and "motivation" and their relationship. The semantic structure of the utterance is defined as tripartite, with the relevant features being the subject, attitude and purpose of the utterance. It is emphasized that the verbal construction contains the verb "be sufficient," which is classified as a state rather than an action. Therefore, the phrase "enough with us" cannot be classified as a proper appeal. The type of speech production in accordance with the parameters of the model is defined as an act-appeal, and its typology is given. The parametric modeling of statements is used as a procedure for expert assessment of speech production for extremism. Due to the absence of the required components characteristic of a speech act of appeal, it is concluded that, from a legal perspective, the utterance represents a weakly expressed, indirect exhortation. However, despite the seemingly invulnerable form of the verbal construction, it contains a potential incentive effect on the addressee of the speech.

Keywords: indirect appeal, incitement to ethnic hatred, call to action, performative, implication, forensic linguistic expertise

For citation: Krasnyanskaya TI, Permyakova KV, Tikhomirova LS. On the issue of the verbs with uttermost state in the qualification of extremist statements. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(7(513):148-155. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-513-7-148-155

Введение

В Пермском крае одиночные пикеты юридически приравнены к массовым мероприятиям [1]. Согласно закону серия одиночных пикетов, которые проведены разными людьми поочерёдно, являются массовым мероприятием при условии общей организации пикета и единого замысла. Законодатели рассматривают одиночные пикеты как форму проявления гражданского правосознания. Обычно ключевым понятием при проведении пикетирования как массового, так и одиночного, является призыв. По нашим наблюдениям, призывы носят преимущественно косвенный характер, так как организаторы пикетов стараются избежать юридической ответственности.

Косвенные призывы традиционно образуют поле противоречий, поскольку подход законодателей и лингвистов различается. Традиционно юристы квалифицируют экстремистскими только прямые призывы, представленные глаголом в побудительной форме и рядом других вербальных конструкций. Между тем призывы, выраженные косвенными речевыми средствами, должны приниматься во внимание в судебном рассмотрении наряду с прямыми [1, с. 74]. Явление экстремизма может быть замаскировано в пресуппозициях, умолчании, аллюзиях и импликациях. Скрытый призыв может обладать даже большим побудительным потенциалом, нежели открытый [2, с. 31]. При анализе непрямого призыва важно анализировать употреблённые слова с учётом имплицитного содержания высказывания [3, с. 256].

Материалы и методы исследования

Рассмотрим показательный пример. У здания Законодательного собрания Пермского края женщина вышла на одиночный пикет с неоднозначной надписью на плакате «Хватит с нас изнасилованных и убитых мигрантами». Пост был также размещён в социальной сети Вконтакте, более семи тысяч пользователей высказались о проблеме в комментариях, большая часть из которых поддержала высказывание. Поводом для пикета стала смерть 18-летней девушки у одного

[1] О внесении изменений в Закон Пермской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия на территории Пермского края» : Закон Пермского края от 12.02.2024 № 277-ПК.

из баров города Перми. Было возбуждено дело по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство). Были приведены доводы о возможной причастности к гибели девушки иностранных лиц[1]. Заметим, что пикет «Хватит с нас изнасилованных и убитых мигрантами» состоялся сразу после происшествия, когда следственные действия ещё не были закончены и приговор суда не был вынесен, что делает утверждение голословным. Второй одиночный пикет, организованный в праздник народного единства на том же месте, содержал следующую надпись на плакате: «Хватит с нас толерастии! 4 ноября — день народного единства»[2].

По нашему предположению, фиксированная словесная конструкция «хватит с нас» используется в языке пикетов потому, что она является безопасной с точки зрения закона, но при этом способной выполнить речевую функцию призыва. В перечне типовых выражений, с помощью которых реализуется речевой акт призыва, фиксированной конструкции «хватит с нас» нет. Изучение данного вопроса может быть полезно для лингвистической экспертологии [3, с.243].

Целью статьи является исследование словесной конструкции «хватит с нас» как косвенного языкового средства, которое при внешне юридической неуязвимости может нести скрытый призыв к действию. В рамках настоящей статьи выполняется задача, во-первых, охарактеризовать её особенности с лингвистической точки зрения, во-вторых, выяснить, является ли данная конструкция собственно призывом. Данные задачи будут выполняться с опорой на параметрическую модель призыва, основными компонентами которой являются открытость, прямота, образ способа совершения действия и образ объекта [4].

Юридический аспект исследования

Опасность высказываний типа «хватит с нас» заключается в их потенциальной возможности побуждения к противоправной деятельности и разжиганию межнациональной розни. Закон трактует разжигание розни как действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Данные действия должны быть совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»[3]. Возбуждение ненависти имеет целью вызвать длительное состояние острой взаимной неприязни к отдельному лицу или между значительными группами людей[4]. Согласно методическим рекомендациям генеральной прокуратуры РФ, разжиганием розни может считаться утверждение об изначальной враждебности определённой национальности по отношению к другой, при этом пропаганда может выражаться не только в форме прямого призыва, но также воззваний, поучений, советов, предостережений, требований, угроз и т.п. [5, с. 2].

Семантическая структура высказывания

Анализируя высказывание на предмет экстремистского содержания, необходимо изучить его семантическую структуру [6, с. 35]. Семантическое содержание конструкции «хватит с нас» возможно представить трехчленной структурой: (1) предмет, (2) отношение, (3) цель. Предметная область или тематическое содержание высказывания представлена понятием «группа лиц, выделяемая по определённому признаку». Отношение говорящего к данной группе лиц отмечается враждебным неприятием, целью высказывания является разжигание вражды и розни.

Отдельного толкования требует значение необычного слова «толерастия», являющегося производным от известной лексемы «толерантность» (лат. tolerantia — терпимость). «Толерастия» — это искажённое, уничижительное название толерантности, используемое для выражения неодобрения. Этимологически по аналогии «толерастия» образована по типу слова «педерастия», в значении отклонения от нормы, поэтому лексема интуитивно воспринимается как бранная. Слово имеет негативную коннотацию, используется для ироничного или пренебрежительного обозначения чрезмерной или навязчивой толерантности

[1] В Перми следствие возбудило дело по факту смерти девушки в Закамске https://perm.rbc.ru/perm/freenews/6821eff29a79476791699180 (дата обращения: 16.01.2026).

[2] Хватит с нас толерастии. В Перми добрая русская женщина вышла с одиночным пикетом https://pikabu.ru/story/khvatit_s_nas_tolerastii_v_permi_dobraya_russkaya_zhenshchina_vyishla_s_odinochnyim_piketom_13363862(дата обращения: 16.01.2026).

[3] Ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 29.12.2025).

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный) (том 4) (отв. ред. В. М. Лебедев). М. : Юрайт, 2017. СПС Консультант Плюс (дата обращения 14.01.2026).

в отношении мультикультурализма и миграции. Если толерантность обозначает уважение к чужим мнениям и сохранение чужих верований, то толерастия осуждает людей, которые слишком уступчивы в вопросах миграционной политики, потворствуют приезду мигрантов, укреплению дружбы с представителями другой национальности.

С грамматической точки зрения конструкция «хватит с нас» представляет собой вариант безличной глагольной конструкции совершенного вида ед. ч. с косвенным местоимением после глагола. Выражение «хватит» употреблено в значении «достаточно», «довольно», «пора прекратить», «баста», стилистически маркируется как разговорное выражение [1]. Высказывание употребляется в качестве просьбы или требования прекратить что-либо или решительного, категорического отказа продолжать что-либо делать.

Прагматический аспект исследования

Согласно теории речевых актов любое высказывание представляет собой иллокутивный акт, т. е. речевой акт, имеющий коммуникативную направленность или интенцию [7, с. 172]. В классификации иллокутивных актов Дж. С. Серля для речевого акта призыва нет (для сравнения: есть репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации). Среди перформативных глаголов, составляющих парадигму в каждом из названных пяти классов, нет глагола «хватить». Особенность перформативного высказывания состоит в том, что оно должно быть осуществлением действия (или входить в это осуществление как его часть) [8, с. 61]. Слово «хватит» относится к категории глаголов состояния, а не действия, применительно к терминам теории речевых актов скорее представляет собой конститутив.

Призыв как речевой акт подразумевает наличие участников, т. е. субъекта и адресата речи, иллокутивную цель, условие искренности (говорящий хочет, чтобы цель была достигнута) и условия успешности (побудить слушающего, чтобы он совершил X) [9, с. 136]. Речевой акт призыва можно описать при помощи формулы семантических примитивов «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [10, с. 251]. Высказывание представляет собой агитационное действие, осуществляемое от имени неопределённого субъекта («все мы», «каждый из нас»). Особенностью речевого акта призыва является то, что он представляет собой часть общественно-политической коммуникации [11, с. 419]. Призыв — это речевой акт, обращённый к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие, осмысляемое как важная часть общественно значимой деятельности.

Рассматриваемые высказывания следует оценить как пропагандистские, следовательно, общественно опасные явления. Отличительными чертами пропагандистского типа коммуникации являются целенаправленное распространение информации, игнорирование интересов реципиента и неприятие позиций оппонентов [12, с. 58]. В высказывании «Хватит с нас толерастии!» присутствует признак сообщения, которое можно считать пропагандистским, так как представлено мнение лишь одной из сторон конфликта, которая претедует на безоговорочную истину.

В косвенных речевых актах говорящий передаёт слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает. Автор высказывания опирается на общие фоновые знания, а также способность реципиента к выводу умозаключений [7, с. 197]. На плакате, где содержится надпись «Хватит с нас изнасилованных и убитых мигрантами», словесная конструкция «хватит с нас» представляет собой косвенный речевой акт, где один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путём исполнения другого. Умозаключение, которое должен сделать слушающий, можно сформулировать следующим образом: «пора прекратить терпеть мигрантов, так как они убивают и насилуют». Содержание плаката с надписью «Хватит с нас толерастии! 4 ноября — день народного единства» содержит импликацию «пора прекратить быть толерантными». Пропозиция данных высказываний может быть представлена в следующем виде: «мигранты убивают и насилуют», «народного единства не существует».

Классификация косвенных призывов

М. А. Осадчий предлагает деление призывов на сильные и слабые, или прямые и косвенные [4]. Параметрическая схема призыва выглядит следующим образом: **А — Д — О — И**, где **А** есть образ адресата, **Д** — образ способа совершения действия, **О** — образ объекта действия, **И** — наличие в высказывании вербального императива. Сильным (или открытым) является призыв, в котором эксплицитно реализованы все четыре компонента, это самый простой способ квалификации призыва на экстремизм, не требующий обращения к специалисту-лингвисту. Так, например,

[1] Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2019. ISBN 078-5-906971-96-8.

высказывание «Русский, бей жидов, спасай Россию!» является прямым сильным призывом, поскольку в нём легко считывается не только адресат и объект действия, но также образ способа совершения действия, при этом вербальный императив обладает максимальной семантической конкретностью. Такого рода высказывания имеют очевидные признаки правонарушения по смыслу ст. 280 УК РФ, предусматривающей ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Эксперты утверждают, что в реальной коммуникации призывные высказывания не всегда соответствуют четырехкомпонентной модели призыва, так как модель может быть реализована частично [2, с. 28]. Применяя предложенную модель к слабому (или косвенному) призыву, мы замечаем выпадение значимых элементов.

Высказывание «Хватит с нас изнасилованных и убитых мигрантами» является *адресно-объектным* косвенным призывом:

А — Д — ***О*** — И,

где эксплицированы ***А***, (адресат действия, или мигранты) и ***О***, (объект действия или местоимение «мы» в косвенном падеже), при этом компоненты Д (образ способа совершения действия) и И (наличие в высказывании вербального императива) из схемы выпадают. Непонятно, каким образом необходимо перестать терпеть мигрантов (способ совершения действия). В теории лингвистики такой призыв называется неопределённым, так как в нём не указаны конкретные действия, ведущие к достижению желаемого результата [9, с. 138]. Вербальный императив отсутствует, вместо него употреблён глагол в безличной форме «хватит». В контексте рассматриваемых нами случаев глагол синонимичен призыву. Говорящий высказывает приблизительно следующее: «Давайте сделаем так, чтобы эти мигранты получили отпор». Автор плаката не имеет в виду того, что после произнесения слов все должны вооружиться подручными средствами и идти избивать или изгонять мигрантов, но данное высказывание создаёт условия или возможности именно такого развития событий.

Высказывание «Хватит с нас толерастии! 4 ноября — день народного единства» является *объектным* призывом, представленным следующей формулой:

А — Д — ***О*** — И,

где из четырёх составляющих эксплицитно выражен только один компонент О (объект действия или местоимение «мы» в косвенном падеже). Следовательно, второй призыв по наличию обязательных компонентов является ещё более слабым. Ослабление императивности высказывания приводит к изменению квалификации высказывания в лингвистическом аспекте: вербальный императив заменяется на мягкое воление [2, с. 29]. Мягкое воление может быть выражено указанием на своевременность неких действий (настал час, единственный выход для нас сейчас, хватит с нас терпеть).

В связи с отсутствием необходимых составляющих данные два высказывания не могут быть отнесены к экстремистским призывам в терминах ст. 280 УК РФ, но могут быть квалифицированы как высказывания, возбуждающие вражду и рознь по смыслу статьи 282 УК РФ. Высказывание типа «хватит с нас» по содержательному критерию из разряда «призывы к экстремистской деятельности» следует поместить в категорию «обоснование и оправдание необходимости экстремистской деятельности».

Понятие «язык вражды» раскрывается в различных речевых действиях, в том числе в подстрекательстве к ненависти [13, с. 569]. Квалифицирующий признак возбуждения розни, ненависти рассматривается как пропагандистское воздействие на мнение слушателей, часто трактуемое как агитация [14, с. 77]. Коммуникативной задачей высказывания «хватит с нас» является обоснование мнения о том, что одна группа лиц (мигранты) испытывает крайне враждебные чувства к другой группе лиц (русские), к которой организатор пикета относит и себя. В сознании слушателя или реципиента формируется мнение об оправданной необходимости враждебного, неприязненного отношения ко всем представителям группы мигрантов. Автор надписи на плакате сообщает слушателям о фактах насилия и убийства одной социальной группы населения (мигранты) в отношении другой группы населения (русских женщинах) как о массовом, а не одиночном явлении, имея в виду то, что подобная злонамеренность присуща всем представителям первой группы [15, с. 77]. У слушателя или реципиента формируется мнение об оправданной необходимости враждебного отношения в отношении любого представителя группы другой национальной группы. При соблюдении условия успешности призыва, когда образ мыслей говорящего и слушающего совпадают, в сознании слушающего потенциально формируется программадействий: (1) выразить неприязненное отношение к мигрантам; (2) осуществить ответные враждебные действия.

Выводы

1. В словесных конструкциях «Хватит с нас изнасилованных и убитых мигрантами», «Хватит с нас толерастии» глагол «хватит» употреблён в функции глагола состояния, а не действия. Следовательно, данные высказывания нельзя отнести собственно к прямому призыву, поскольку нет основного квалифицирующего признака речевого акта призыва — вербального императива.
2. Речевые акты «Хватит с нас изнасилованных и убитых мигрантами», «Хватит с нас толерастии» не могут быть квалифицированы как собственно призывы, но представляют собой речевой акт воззвания, содержащий признаки косвенного побуждения без называния действия как такового. Коммуникативной целью высказываний является подстрекательство к ненависти одной социальной группы населения по отношению к другой, что является квалифицирующим признаком состава правонарушения «разжигание вражды и розни».
3. Ввиду слабовыраженного значения действия конструкция «хватит с нас» не может выполнить речевую функцию призыва немедленно, однако создаёт условия для возникновения в сознании слушающего программы действия в будущем. Данная словесная конструкция обладает возможностью отсроченного действия при возникновении условий успешности речевого действия. Условия успешности речевого акта означают, что образ субъекта и объекта речи равен. В таком случае алгоритм высказывания «хватит с нас» выглядит как запрограммированный переход от этапа «создание условий для осуществления действия» к этапу «осуществление самого действия».
4. Отсутствие прямой формы высказывания (сильного призыва) и замена его на косвенную форму (слабый призыв) не означает автоматического снижения перлокутивного эффекта либо автоматического ослабления эмоционального фона, а может его и усиливать. Побуждение у слушащего может возникнуть как результат импликации, присущей высказываниям типа «хватит с нас».
5. Высказывание «хватит с нас» является юридически неуязвимым, поскольку из-за лингвистических особенностей самого глагола (глагол состояния, совершенная форма глагола, безличная форма) его нельзя отнести к эксплицированной форме прямого призыва, что позволяет организаторам пикетов безнаказанно использовать словесную конструкцию в плакатных текстах.

Исследование вопроса и наблюдения, сделанные в связи с ним, позволяют сформулировать предложение о необходимости внесения в перечень фиксированных выражений, рассматриваемых судебной экспертизой в качестве побуждающих, словесной конструкции со значением «хватит с нас» и ей подобной («достаточно», «довольно») как потенциально конфликтогенного высказывания, способного вызвать социальное напряжение.

Список источников

1. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Этнический экстремизм в массовой коммуникации с точки зрения проблем судебной лингвистической экспертизы// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 63–75.

2. Катышев П. А., Осадчий М. А. Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 24–34.

3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. В. В. Мартынова. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.

4. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем (электроный научный журнал). 2012. № 11 (19). URL: www.sisp.nkras.ru/ (дата обращения: 16.01.2026).

5. Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : метод. рекомендации Генеральной прокуратуры РФ от 29.06.1999 № 27-19-99. URL: https://rusexpert.ru/public/biblioteka-pdf/1.42MetRekGenProk1999.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

6. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму.

М. : Гос. учр-е Рос. федер. центр судебной экспертизы при Мин-ве юстиции Российской Федерации (РФЦСЭ при Минюсте России), 2011. 330 с.

7. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов : сб. ; под ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 170–220.

8. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов : сб. ; под ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 22–129.

9. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография ; под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : АлтГПА, 2009. 252 с.

10. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М. : 1985. Вып. 16. С. 251–275.

11. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007. 592 с.

12. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 2. С. 53–65.

13. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Язык вражды как угроза информационной безопасности интернет-коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, Вып. 3. С. 555–573.

14. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство : науч.-практ. изд. 2-е изд., исправл. и доп. М. : Изд. дом В. Ема, 2014. 188 с.

15. Норман Б.Ю., Плотникова А. М. Конструкции с местоимением *мы*: формирование актуальной или окказиональной коллективной идентичности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 126–138.

References

1. Mishlanov VA, Salimovskii VA. Ethnic extremism in mass communication in terms of forensic linguistic examination problems. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya = Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology.* 2013;(4(24):63-75. (In Russ.).

2. Katyshev PA, Osadchii MA. A method of parametric modeling in forensic linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yazykoznanie = Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*. 2018;17(3):24-34. (In Russ.).

3. Martynov VV. (ed) Tipovye ehkspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv. Chast'1 = Standard expert techniques for examining material evidence. Part I . Moscow: EKTS MVD Rossii; 2010. 568 p. (In Russ.).

4. Osadchii MA. Parameterization of verbal call in aspect of forensic Linguistics. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal).* 2012; 11(19). Avaliable from: www.sisp.nkras.ru (accessed: 16.01.2026).

5. Ob ispol'zovanii spetsial'nykh poznaniy po delam i materialam o vozbuzhdenii natsional'noy, rasovoy ili religioznoy vrazhdy = Methodological recommendations on the use of special knowledge in cases and materials on incitement of national, racial or religious hatred. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Approved 29.06.1999. Moscow: PGO RF. Avaliable from: https://rusexpert.ru/public/biblioteka-pdf/1.42MetRekGenProk1999.pdf (In Russ.).

6. Kukushkina OV, Safonova YUA, Sekerazh TN. Teoreticheskiye i metodicheskiye osnovy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeystviyem ekstremizmu = Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic examination in cases related to countering extremism. Moscow: Ministry of Justice of the Russian Federation; 2011. 330 p. (In Russ.).

7. Serl' Dzh R. Indirect speech acts. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike = New in foreign linguistics. Moscow: Progress; 1986. Issue 17. Pp. 170-220. (In Russ.).

8. Ostin DzhL. Word as action. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike = New in foreign linguistics. Moscow: Progress; 1986. Issue 17. Pp. 22–129. (In Russ.).

9. Brinev KI. Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza = Theoretical linguistics and forensic linguistic examination. Monograph; Edited by N.D. Golev. Barnaul: AltGPA; 2009. 252 p. (In Russ.).

10. Vezhbitskaya A. Speech acts = Rechevye akty. Novoe v zarubezhnoi lingvistike = New in foreign linguistics. Moscow: Progress; 1986. Issue 16. Pp. 251–275. (In Russ.).

11. Baranov AN. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika = Linguistic examination of the text: theory and practice. Textbook. Moscow: Flinta: Nauka; 2007. 592 p. (In Russ.).

12. Baranov AN, Parshin PB. Propaganda as a category in forensic text analysis. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Expertise*. 2017;12(2):53-65. (In Russ.).

13. Galyashina EI, Nikishin VD. The concept of hate speech as a threat to the information security of Internet communication. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Bulletin of Saint Petersbourg University. Law.* 2021;12(3):222-273. (In Russ.).

14. Kuznetsov SA, Olennikov SM. Ekspertnyye issledovaniya po delam o priznanii informatsionnykh materialov ekstremistskimi: teoreticheskiye osnovaniya i metodicheskoye rukovodstvo = Expert research in cases of recognizing information materials as extremist: theoretical foundations and methodological guidelines. Scientific and practical publication. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: Izdatel'skii dom V.Ema; 2014. 188 p. (In Russ.).

15. Norman BYu, Plotnikova AM. Structures with the pronoun my: Formation of actual and occasional collective identity. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2016;(6(34):126-138. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. И. Краснянская — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода.

К. В. Пермякова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода.

Л. С. Тихомирова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии.

Information about the authors

T. I. Krasnyanskaya — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation.

K. V. Permyakova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation.

L. S. Tikhomirova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 31.07.2026; принята к публикации 25.08.2026.

The article was submitted 06.04.2026; approved after reviewing 31.07.2026; accepted for publication 25.08.2026.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.